

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 27

Chisinau

September - 2014

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

THE INSTITUTE OF LEGISLATIVE CREATION AND COMPARATIVE LAW MOLDOVA

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

Technical editor - Eugenia Tofan

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «В» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ИНСТИТУТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА (МОЛДОВА)

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве - сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Имамов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Технический редактор - Еужения Тофан

Журнал выходит с 2007 года
Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Ion GUCEAC

PROTECTION OF THE CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS. PRACTICES AND PERSPECTIVES IN CRIMINAL LAW FROM REPUBLIC OF MOLDOVA AND OTHER COUNTRIES6

Mehdi ABDULAEV

NATIONAL SECURITY AS A BASIS FOR LIMITATIONS OF HUMAN RIGHTS: AN ANALYSIS OF THE INTERNATIONAL LEGAL AND JURISPRUDENCE.....11

Alexandr SOSNA

SUBJECTS OF THE RIGHT TO THE PROTECTION OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS.....16

Rustam MAMEDOV, Orhan BABAEV

PROTECTION OF THE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES IN INTERNATIONAL LAW21

Ion CRETU

THE LEGAL REGIME OF ABSOLUTE NULLITY OF THE CIVIL LEGAL ACT.....24

Victor RUSU

THE COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE FEATURES OF MODERN PARLIAMENT30

Roman MEREUTSA

APPLICATION OF EU LAW INTO NATIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT33

Constantin SICINSKI

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF INSURED IN THE VOLUNTARILY AND OBLIGATORY AUTO INSURANCE CONTRACTS.....42

POLITICAL SCIENCES

Gheorghe RUSNAC, Olga CRETU

THE POSSIBILITY OF USING OF THE PUBLIC DIPLOMACY IN THE CONFLICTS RESOLUTION (NAGORNO-KARABAKH CONFLICT)49

Valerian DOLIDZE

GEORGIA SPIRAL DEVELOPMENT.....56

Arifa ADIGHEZALOVA

THE ROLE OF THE FIRST WORLD WAR IN THE FORMATION OF THE IDEOLOGY OF NATIONAL POWER IN AZERBAIJAN.....63

Natalia PASHINA

CRISIS OF THE POLITICAL IDENTITY OF UKRAINIAN CITIZENS: THE FORMATION FACTORS....69

Sura GUSEINOVA

MILITARY AND INDUSTRIAL INTEGRATION OF THE EUROPEAN UNION COUNTRIES AS A FACTOR TO STRENGTHENING OF ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE EUROPEAN SECURITY STRUCTURE.....76

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ион ГУЧАК

ЗАЩИТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН. ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ДРУГИХ СТРАН..... 6

Мехди АБДУЛЛАЕВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ НОРМАТИВНОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ..... 11

Александр СОСНА

СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА..... 16

Рустам МАМЕДОВ, Орхан БАБАЕВ

ЗАЩИТА ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ..... 21

Ион КРЕЦУ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НИЧТОЖНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛОК..... 24

Виктор РУСУ

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТА..... 30

Роман МЕРЕУЦА

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕС В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК..... 33

Константин СИЧИНСКИЙ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СТРАХОВАТЕЛЯ В ДОГОВОРАХ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО АВТОСТРАХОВАНИЯ..... 42

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Георге РУСНАК, Ольга КРЕЦУ

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ (НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ)..... 49

Валериан ДОЛИДЗЕ

ГРУЗИЯ В СПИРАЛИ РАЗВИТИЯ 56

Арифа АДЫГЕЗАЛОВА

РОЛЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ..... 63

Наталия ПАШИНА

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ 69

Сура ГУСЕЙНОВА

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЕГО РОЛИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРУКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ... 76

Ion GUCEAC,
doctor in law, prof., corresponding member
of the Academy of Sciences of Moldova

PROTECTION OF THE CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS. PRACTICES AND PERSPECTIVES IN CRIMINAL LAW FROM REPUBLIC OF MOLDOVA AND OTHER COUNTRIES

The purpose of the study was to investigate comparative approach of the crimes' components committed against the electoral rights, settled by the criminal legislation of the Republic of Moldova and other countries. The author analyzed in comparative aspects the liability in general for breaching electoral rights, and in particular criminal liability for breaching electoral rights, which have been introduced, in many countries in last years.

Part I summarizes Electoral rights – Category of Political Rights, there were defined the category of electoral rights and the role of electoral rights in rule of law state.

Part II explains General characteristic of legal liability for violation of electoral legislation, it states general overview of legislation and doctrine regarding liability, legal liability, liability for infringing electoral rights.

Part III summarizes Criminal Liability for Infringing upon Electoral Rights; the author elaborately analyzes the criminal legislation on electoral protection in the Republic of Moldova and other countries as: Belgium, Switzerland, Romania, Ukraine, Azerbaijan etc.

Traditionally there are expressed constitutionally and analyzed in scientifically works following fundamental electoral rights: right to elect, right to be elected and right to revoke [1].

However, regarding the electoral rights of the citizens it is necessary a clarification: electoral rights have a broader sphere than resulting from constitution, because Constitution settles only fundamental rights, other electoral rights as (right to propose candidates, to be member of the electoral commission, right to agitation etc.) are previewed in electoral laws.

As is known, the electoral rights are in the epicenter of all processes forming the basic institutions of public power, and the legislation of most countries are giving increased attention to protect them, including some measures of criminal liability.

In this meaning, represents a high interest the com-

parative approach of the crimes' components committed against the electoral rights, settled by the criminal legislation of the Republic of Moldova and other countries.

The need to ensure social order requires the human being to be subject to the duty to act according to law and to respond in the event of inappropriate behavior. Liability is considered „essentially related notion of the legal duty” and in this sense, „an individual is forced to behave in a certain way if the behavior is contrary to the condition of a coercive act (as punishment)” [2].

The coercive character is resulted out of law logical nature that „as bilateral norm”, opposes one subject to another, attributing to one a claim, that corresponds a duty to another. Thus, it is established a relation and a limit between more subjects; if limit it is not observed and the sphere of juridical power is infringed then in this sphere lies necessarily ability to reject violation” [3].

Until our days, is recognized only one way to reject violations of legal norms – liability.

In doctrine legal liability is presented as a „variety of legal constrains represents a particular state of law that requires the presence of the obligation secured by the law, understanding the need to achieve it, and the possibility of occurrence of adverse consequences (sanctions) for breach of this obligation” [4].

Legal liability has as main objective both social system auto regulation, and sentencing, disapproval de-regulatory scene in order to correct future attitude of its author, formation of its responsibility spirit [5].

In the pure doctrine of law [6] the liability is divided in two types: contractual and tort. Tort occurs where unwanted events provided by the rule of law as „lawlessness” was intentional or at least committed by the individual whose behavior „of the question”, and contractual liability – if the event „happened without any intention or foresight” [7].

In the same time, it should be taken, into account the fact that juridical liability (inclusively for electoral legislation infringement):

PROTECTION OF THE CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS. PRACTICES AND PERSPECTIVES IN CRIMINAL LAW FROM REPUBLIC OF MOLDOVA AND OTHER COUNTRIES

- appears as result of infringing a rule of law;
- is established by the state and is always accompanied by the application of state bodies and persons empowered to persons who have violated the rules of law sanctions previewed by law;
- involves the application of which violated the rule of law measures negative influence;
- it is performed in a special procedure.

Regarding liability for breaching electoral legislation it should mention that: *this is a tool that provides people's interest in its capacity as the national sovereignty exclusive holder in the process of fulfillment of citizens' electoral rights and the right to participate in referendums.*

Depending the norms belonging to different branches of law, there are distinguished three forms: constitutional liability (according to electoral law); convention liability; criminal liability. Each of these liability forms are different by terms of attracting liability, subjects' liability, penalties and procedure for their application.

In last decades, the human rights protection remains a target in a deeper manner regulated by both international instruments and national legislation of the states. A crucial role is assigned to the international acts of great generality as: Universal Declaration of Human Rights [8], International Covenant on Civil and Political Rights [9], European Convention for defending fundamental human rights and freedoms [10] that serves as a starting point in the development of constitutions, codes and other laws in states that follow the democratic path of development. However, in a democratic society, criminal coercions is applied only in cases of serious violations of human rights and fundamental freedoms in this category, which certainly can be included other violations of electoral rights and political rights of citizens.

Comparative analyzes of legislative description of crimes against electoral rights in the Criminal Code of the Republic of Moldova and the criminal law of other countries, allow establishing the usage by the lawmakers from different countries of different conceptual approaches to the definition of violation of election.

According to article 70 of the Electoral Code of the Republic of Moldova [11], there are considered crimes that shall be punished following acts: hindering by any means the free exercise of election rights or hindering the activities of electoral bodies, committed by blocking or attacking voting stations by any means and in any form; committed by stealing ballot boxes or electoral documents; committed by means endangering a person's life; involving severe bodily injury or damage to health; causing other severe consequences. Criminal norms system from Republic of Moldova, which is dedicated to the protection of the electoral rights of citizens include hindering the free exercise of election

rights or the activities of electoral bodies (Article 181 Criminal code); Falsification of voting results (Article 182 Criminal code).

Unlike criminal law of the Republic of Moldova, Criminal code from Uzbekistan, approved by Law no 2012 from 22.09.1994, in force since 01.04.1995, preview only one crime – Violation of legislation on organizing, holding of elections or referendum (art. 146) [12]. According to the provisions of this article shall be punished criminally following acts: violation of secrecy of a ballot, forgery of election or referendum documents, making false entries into ballots or subscription lists, knowingly false count of votes committed during organization and/or holding of elections or referendum by officials, representatives of political parties or self-government bodies, members of initiative group or election/referendum commissions.

It is noted, that the criminal law of most states, preventing the free exercise of the electoral right is evolving as a general norm. For example, in Russian Federation the protection of electoral rights is guaranteed through punishment of following illegal acts: obstruction of the exercise of electoral rights or of the work of electoral commissions (art. 141 Criminal Code), falsification of election and referendum documents or the wrong counting votes (art. 142 Criminal code). As mentioned by Russian authors, this is due to the fact, that the legislature has its own tradition and its grounds to build exactly like provided by these articles [13].

Criminal liability for violation of right to vote or right to participate in referendum is previewed also by: Criminal Code of Turkmenistan, (art. 146 – Violation of legislation regarding organization, developing of elections and referendum) [14]; Criminal Code of Kyrgyzstan (article 139 – Impending exercising their electoral rights or the activity of electoral commissions) [15]; Criminal Code of Kazakhstan (art. 146 - Impending exercising their electoral rights or the activity of election commissions) [16]; Criminal Code of Tajikistan (art. 150 Impeding the Exercise of the Electoral Rights And the Work of Election Commissions) [17]; Criminal Code of Armenia (art. 149 - Hindrance to implementation of the right to elect, to the work of election commissions or to the implementation of the authority of the person participating in elections) [18]; Criminal Code of Georgia (art. 162 - Interference into Exercising One's Will in Elections, Referendum or Plebiscite) [19]; Criminal Code of Azerbaijan (art. 159 – Impending in implementation of voting right) [20]; Criminal Code of Ukraine (art. 157 – Preclusion of the right to vote, or the right to take part in a referendum, the work of an election committee or referendum committee, or activities as an official observer) [21]; Criminal Code of Belarus Republic (art. 131 – Forgery of Election Documents, Knowingly Incorrect Count of Votes or a Violation of the Secrecy of

Ion GUCEAC

Vote, art. 131.1 Violation of the Legislation on People's Voting (Referendum) [22]; Criminal Code of Romania (art. 385 – Impending exercising electoral rights) [23]; Criminal Code of Croatia (art. 116 – Violation of the freedom to vote) [24]; Criminal Code of Albania (art. 325 – Impending the subjects to at the elections for representative bodies) [25]; Criminal Code of Switzerland (art. 279 – Disruption and obstruction of elections and votes) [26].

One of the principles of citizen participation in elections is the secret to vote that excludes any control from any organs or public officials on how citizens have expressed the election or express options [27].

Criminal punishment for violation of the secret to vote is previewed in Georgia (Criminal code, art. 164), Ukraine (Criminal code, art. 159), Poland (Criminal code, art. 251), Croatia (Criminal code, art. 119), Albania (Criminal code, art. 327), Switzerland (Criminal code, art. 283). According to art. 107 c from Criminal code of Germany is punishable any person who breached the law on secret to vote, through the intention to find out personally or to communicate to someone else about how a particular voter has opted election. The content of these regulations is previewed also in other normative regulations of the federation and federal lands, for example Federal Law regarding elections [28]. In our view the German legislator has been forced to introduce criminal punishment for such acts, because the electoral legislation admit the possibility to express mail option election, this kind of vote is increasing thus the in raising the risk of the number of secret to vote violation. We remind that the mail vote is widespread in more countries and ensures favorable conditions for voting citizens cannot provide at polling stations. This form of punishment should be examined by the states that practice electronic voting [29] by this method is trying to institutionalize the Internet as the arena of democratic the processes of secret of vote is not assured. Starting from the fact that on-line vote represents a threat to the fairness of the voting process, Criminal code of Romania (art. 385 – Fraud of the electronic vote) establishes that printing and use of the false access, fraudulent access to the system electronic vote or forgery by any means of the voting bulletins in electronic form is punished.

In some countries, the criminal legislation determines clearly even the subject to liability for violation of secrecy of vote. For example, according to the Criminal Code of Bulgaria (art. 169), a public servant or any other persons' members of the electoral commission that breach the secret to vote bear criminal liability.

It is known, that another principle of participation of the citizens in elections is the *universality of the electoral right*. Not in vain, art. 25 (let. b) from the International Covenant on civil and political rights [30] dispose To vote and to be elected at genuine periodic

elections which shall be by universal and equal suffrage and shall be held by secret ballot, guaranteeing the free expression of the will of the electors.

Some of the analyzed criminal codes, in this work, include the category of crimes participation in elections of the citizens who do not have this right. For example, Criminal Code of Romania (art. 384) qualifies as vote fraud voting act of a person without the right. In Bulgaria (art. 168 Criminal Code) is punished criminal, the person that exercise the right to vote without this right.

In Republic of Moldova, also as in other states, it is previewed the principle of *freedom of expression electoral option*, excluding any form of coercion of voters in order to impose to participate or abstain from voting, or to influence the expression of electoral choice. Under this aspect Electoral code (art. 7) establishes that no one has the right to exert pressure on voters to vote or do not vote, also for preventing it from expressing its will independently. In Criminal Code from Poland (art. 250) those who violently, illegal threat or abuse of dependency relations constrain the exercise of a person to vote or not to vote one off, are subject to criminal liability. In Croatia (art. 116 Criminal Code) is subject to criminal liability whoever, by force, serious threat, bribery or in some other illegal way influences a voter or against certain candidate in elections, or to vote for or against the recall of a candidate, or to vote for or against certain proposal in a referendum, or not to vote at all [31].

In Criminal code of Albania (art. 329) is previewed the liability for threatening the voter, and in Criminal Code of Germany (art. 108) – for constraining the voter.

Voluntary nature of participation of citizens in elections is one of the conditions that favor absenteeism. Due the goal to reduce or decrease the absenteeism it is referred to the countries' experience that have enshrined in their mandatory participation in elections, or in other words, compulsory voting can be defined as a legal obligation of citizens to vote. According to some older classifications, realized by the International Institute for Democracy and Electoral Assistance [32], one of the most important organizations in the field, the sanctions imposed for compulsory voting can be classified into five categories:

1. Justification of absence from voting;
2. Fee;
3. Possibility of criminal conviction;

4. Limits of some civil rights and freedoms. Absence from the vote of a citizen can be punished by restriction of rights and civil liberties and other.

5. Informal sanctions. Next to the abovementioned sanctions, absence from the vote can be sanctioned.

In Belgium first case on unauthorized non participation at elections was sanctioned with a fee of 50 €. In case of recidivism, the fine increased to 125 €. After the forth „truancy” the citizen was deprived from the electoral right for a period of 10 years, also from the right to occupy public positions. In Greece, in additi-

PROTECTION OF THE CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS. PRACTICES AND PERSPECTIVES IN CRIMINAL LAW FROM REPUBLIC OF MOLDOVA AND OTHER COUNTRIES

on to non-participation in elections without reason may be applied more serious measures, including arrest and imprisonment for a period from one month to one year, and the deprivation of the titles and functions. A more rigid system it is applied in Pakistan, where in some cases the voter that missed the elections, is in best case is sanctioned with 60 \$ fee, and in worst case is forced to work up to five years [33].

Concluding the abovementioned, we should highlight that criminal legislation regarding protection of electoral rights; from majority of states have common elements, however each country retains its identity, legal and political environment, socio-cultural and legal traditions different.

The range of action of breach of citizens' electoral rights, criminal law sanctioned foreign countries is very different.

This fact is due to the protection of electoral rights in the exclusive political quality, is a relatively new domain of criminal law, tightly connected not only to the criminal law system but also to constitutional and electoral law.

You must realize that the traditional tasks of national criminal law is made, not only because of the classical reaction of the state „crime-punishment”, but also need to perceive the most effective ways of solving their own problems, contained in the criminal law of foreign countries receiving the most effective criminal law institutions in other countries. In this sense, it has to be taken into account the criminal law institutions the countries' experience where exists a tendency to replace slowly the criminal liability for breaching less serious crimes of electoral rights, through the contravention liability.

Bibliography:

1. Guceac, I. Curs elementar de drept constituțional, vol. II. – Chișinău: Tipografia Centrală, 2004. – p. 200-201.
2. H. Kelsen. Doctrina pură a dreptului. – București: Humanitas, 2000, p. 155.
3. G. Del Vecchio. Lecții de filosofie juridică. – București: Europa Nova, no published year, p. 218.
4. D. Baltag. Dicționar de noțiuni și categorii juridice din Teoria Generală a Dreptului. – Chișinău, 1998, p. 109.
5. For details please see: L. Barac. Răspunderea și sancțiunea juridică. – București: Lumina Lex, 1997, p. 37-41.
6. The conception of a „PURE” doctrine is owned by HANS KELSEN, born in 1881 in PRAGA. Professor in Wien (1917-1930), Austrian government legal consultant (1919-1923), member of the Constitutional Court of Austria. Is one of the authors of Austrian Constitution from 1920.
7. H. Kelsen, *cited.*, p. 158.
8. Universal Declaration of Human Rights 10.12.1948. În: *Tratate internaționale*, vol. 1, 1998, p. 11.
9. International Covenant on Civil and Political Rights In *Tratate internaționale*, vol. I, 1998, p. 30.
10. European Convention for defending fundamental human rights and freedoms (01.06.2014 2 PM) <http://conventions.coe.int/treaty/en/treaties/html/005.htm>
11. Codul electoral. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr.81/667 din 08.12.1997.
12. Criminal code of Uzbekistan (21.05.2014 11.15 AM) <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/55>
13. Criminal Code of Russian Federation (22.05.2014 10.21 AM) <http://www.russian-criminal-code.com/>
14. Criminal Code of Turkmenistan (29.05.2014 10.29 AM) https://www.unodc.org/tldb/pdf/TurkmenistanCriminalCode_Russian.pdf
15. Criminal Code of Kyrgyz Republic (22.05.2014 11.00 AM) http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30222833
16. Criminal Code of Kazakhstan (29.05.2014 10.21 AM) http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008032#sub_id=1460000
17. Criminal Code of Tadjikistan (27.05.2014 10.31 AM) <https://www.unodc.org/tldb/pdf/TAJ-CriminalCode.pdf>
18. Criminal Code of Armenia (22.05.2014 11.21 AM) <http://www.legislationline.org/download/action/download/id/1655/file/bb9bb21f5c6170dad5efd70578c.htm/preview>
19. Criminal Code of Georgia (22.05.2014 12.21 PM) http://www.legislationline.org/download/action/download/id/4262/file/GE_CriminalCode_amDec2011_En.pdf
20. Criminal Code of Azerbaijan (22.05.2014 1.01 PM) <http://www.legislationline.org/download/action/download/id/1658/file/4b3ff87c005675cfd74058077132.htm/preview>
21. Criminal Code of Ukraine (23.05.2014 10.21 AM) <http://www.legislationline.org/documents/action/popup/id/16257/preview>
22. Criminal Code of Belarus Republic (22.05.2014 10.21 AM) https://www.unodc.org/tldb/pdf/Belarus/BYE_Crim_Law_EN.pdf
23. Criminal Code of Romania (25.05.2014 09.11 AM) file:///C:/Users/Aliona/Downloads/Romania_penal_code_am_11.02.2014_ro.pdf
24. Criminal Code of Croatia (24.05.2014 10.21 AM) [file:///C:/Users/Aliona/Downloads/Croatia_Criminal_code_am2003_en%20\(9\).pdf](file:///C:/Users/Aliona/Downloads/Croatia_Criminal_code_am2003_en%20(9).pdf)
25. Criminal Code of Albania (26.05.2014 1.20 PM) [file:///C:/Users/Aliona/Downloads/Albania_CC_am2013_en%20\(9\).pdf](file:///C:/Users/Aliona/Downloads/Albania_CC_am2013_en%20(9).pdf)
26. Criminal Code of Switzerland file:///Swiss_CC_1937_am2013_en.pdf
27. Guceac. I. Drept electoral. – Chișinău: Tipografia Centrală, 2005, p. 46-47.
28. Серебренникова А.В. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права граждан на участие в референдуме по УК Германии и УК России. – Москва, 2004, с. 30.
29. For details please see Guceac. I. Drept electoral. 2005, p. 170-172.

Ion GUCEAC

30. International Covenant on Civil and Political Rights (24.05.2014 10.25 AM) <http://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx>

31. Criminal Code of Croatia (26.05.2014 10.30 AM) [file:///C:/Users/Aliona/Downloads/Croatia_Criminal_code_am2003_en%20\(10\).pdf](file:///C:/Users/Aliona/Downloads/Croatia_Criminal_code_am2003_en%20(10).pdf)

32. International Institute for Democracy and Electoral Assistance (30.05.2014 10.20 AM) [http://www.idea.int/vt/compulsory_voting.cfm.](http://www.idea.int/vt/compulsory_voting.cfm;);

33. Где наказывают за неучастие в выборах. (15.05.14 8.26 AM) www.kommersant.ru/doc/1656274.

Резюме

Учитывая свою значимость, избирательные права представляют собой отдельную категорию основных прав и свобод человека. Одним из необходимых условий для построения правового государства является нормативное регулирование процесса организации и проведения выборов, которые являются, по существу, единственным источником присвоения легитимности центральным органам публичной власти и органам местного публичного управления.

Эффективность реализации этих прав в значительной степени зависит от степени защиты, обеспечиваемой международным правом, а также национальным законодательством. В этом контексте ответственность за нарушение избирательного законодательства является инструментом публичного права, который обеспечивает интересы народа в качестве единственного обладателем национального суверенитета в процессе реализации гражданами избирательных прав и право на участие в референдуме.

В зависимости от отраслевой принадлежности норм, предусматривающие ответственность за нарушение избирательного законодательства, различают несколько ее форм (конституционная, административная, уголовная).

Настоящая статья посвящена проблематике составов преступлений, совершенных против избирательных прав, закрепленных в уголовном праве Республики Молдова и других стран.

Исследование показывает, что уголовное законодательство о защите избирательных прав, в большинстве государств обладает общими элементами, хотя каждая страна сохраняет свою самобытность, правовую и политическую среду, различные социально культурные и правовые традиции.

Это в значительной степени объясняется тем, что защита избирательных прав в качестве исключительно политических, является относительно новой области уголовного права, напрямую связанной не только системой уголовного, но также конституционного и избирательного.

Мехди АБДУЛЛАЕВ,
кандидат юридических наук (Азербайджан)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ НОРМАТИВНОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Обеспечение безопасности государства, защита его суверенитета и территориальной целостности является конституционной обязанностью представляющих его органов власти. В этих целях государственные органы правомочны (и обязаны) предпринимать эффективные меры, которые порой могут вступить в коллизию с другими их конституционными обязанностями, в частности, обязанностью защиты основных прав и свобод человека. В этом контексте возникает необходимость проведения справедливого баланса между интересами национальной безопасности и осуществлением прав и свобод человека. Следует подчеркнуть, что национальная безопасность и права человека не являются конкурирующими ценностями; наоборот, они являются условием сосуществования друг друга [1].

Национальная безопасность повсеместно признана как одно из оснований ограничения прав и свобод человека; она предусмотрена почти во всех международных договорных положениях, допускающих возможность вмешательства властей в реализацию основных прав и свобод индивида.

В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года ссылка на «национальную безопасность» содержится в следующих положениях: пункт 3 статьи 12 (право на свободу передвижения и свободу местожительства); статья 13 (процедурные гарантии в случае высылки иностранцев); пункт 1 статьи 14 (право на публичность судебного разбирательства); пункт 3 статьи 19 (право лица на свободное выражение своего мнения); статья 21 (право на мирные собрания); пункт 2 статьи 22 (право на свободу объединений). Согласно Европейской конвенции о правах человека 1950 года, интересы национальной безопасности могут послужить основанием для ограничения следующих прав и свобод индивида: право на публичность судебного разбирательства (часть 1 статьи 6); право на уважение частной и семейной жизни (часть 2 статьи 8);

свобода выражения мнения (часть 2 статьи 10); свобода собраний и объединений (часть 2 статьи 11); свобода передвижения (часть 3 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции) и процедурные гарантии в случае высылки иностранцев (часть 2 статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции). В Американской конвенции о правах человека 1969 года рассматриваемый термин использован в следующих положениях: пункт 2 статьи 13 (свобода мысли и выражения мнения); статья 15 (право на мирные собрания); пункт 2 статьи 16 (свобода объединений) и пункт 3 статьи 22 (свобода передвижения и местожительства). А в Африканской хартии прав человека и народов 1981 года указанный термин можно найти лишь в двух статьях: статья 11 (свобода собраний) и пункт 2 статьи 12 (свобода передвижения и местожительства).

Заметим, что термин «национальная безопасность» иногда используется в международных нормативных документах вместе с другими основаниями ограничения прав индивида. Например, статья 21 и пункт 2 статьи 22 Международного пакта о гражданских и политических правах допускают ограничение соответствующих прав (права на мирные собрания и право на свободу объединений) на основании «национальной или общественной безопасности». Равным образом, согласно подпунктам (а) и (с) пункта 1 статьи 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, право создавать профсоюзы и вступать в таковые, и право профсоюзов функционировать беспрепятственно могут ограничиваться «в интересах национальной безопасности или общественного порядка». Использование указанных терминов вместе в ряде статей и отдельно в других статьях предполагает, что эти термины имеют альтернативные, а не эквивалентные значения.

Хотим особо подчеркнуть, что применительно к одному праву индивида – а именно: свободе исповедовать свою религию или убеждения – ограничение

Мехди АБДУЛЛАЕВ

на основании национальной безопасности не предусмотрено; в соответствующих договорных положениях использован только термин «общественная безопасность» (см. пункт 3 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах; часть 2 статьи 9 Европейской конвенции о правах человека). Это означает, что невключение термина «национальная безопасность» в указанные статьи было преднамеренным, и что никакие соображения национальной безопасности не могут оправдать наложение ограничений на свободу исповедовать свою религию или убеждения.

Данная позиция четко выражена в Замечании общего порядка № 22, принятом Комитетом ООН по правам человека по статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. В нем обращается внимание государств-участников Пакта на тот факт, что пункт 3 данной статьи, содержащий основания для ограничения свободы исповедовать религию или убеждения, должен толковаться узко. В документе, в частности, говорится: «Ограничения по основаниям, не предусмотренным в этом пункте, не допустимы, если даже они допускаются в отношении других прав, гарантированных в Пакте, в частности, по соображениям национальной безопасности [2].

Нужно отметить, что национальная безопасность является тем основанием, которым государства чаще всего злоупотребляют в своей практике. На нее зачастую ссылаются для того, чтобы защитить интересы правительства, а не для того, чтобы отстаивать права населения государства.

Отчасти это связано с тем, что понятие «национальная безопасность» не определено ни в вышеуказанных международных соглашениях, ни в их подготовительных материалах. Международные правозащитные органы, включая Комитет ООН по правам человека и Европейский суд по правам человека, также не давали четкого определения понятия «национальной безопасности», хотя основываясь на их практике, можно вычленил определенные элементы данного понятия.

Так, из указанной практики явствует, что в отличие от общественной безопасности, а также общественного порядка, национальная безопасность может быть «задействована» как основание для ограничения прав человека только в серьезных случаях политической или военной угрозы всей нации. В авторитетном международном документе – *Сиразуцких принципах толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах*, разработанных в 1984 году группой видных экспертов и одобренных бывшей Подкомиссией ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, подчеркивается, что «ссылка на интересы

национальной безопасности для оправдания мер по ограничению некоторых прав возможна только в том случае, когда такие меры принимаются для *защиты существования государства, его территориальной целостности или политической независимости от применения силы или угрозы ее применения*» (выделено нами – М.А.) В документе далее говорится, что «на интересы национальной безопасности нельзя ссылаться в качестве основания для введения ограничений с целью предотвращения лишь локальной или относительно изолированной угрозы правопорядку» [3].

В соответствии с другим рекомендательным документом – *Йоханнесбургскими принципами «Национальная безопасность, свобода выражения мнения и доступ к информации»*, принятыми 1 октября 1995 года группой экспертов из 36 стран, ограничения в целях защиты национальной безопасности могут быть оправданы только тогда, когда нация находится перед угрозой уничтожения государства, нарушения его территориальной целостности или политической независимости. Эти угрозы должны быть реальные, а не гипотетические. Таким образом, *легитимными целями* для ограничения свободы выражения мнений в интересах национальной безопасности могут являться: а) защита существования страны или ее территориальной целостности от применения или угрозы применения силы; б) возможности страны противостоять применению или угрозе применения силы, исходящей из внешнего источника, как например, военная угроза, или из внутреннего источника, как, например, подстрекательство к насильственному свержению правительства [4].

Например, в отношении свободы выражения мнений приобретение или распространение военной тайны может быть запрещено в целях защиты национальной безопасности. Равным образом, определенные санкции могут быть предусмотрены за прямой публичный призыв к насильственному свержению правительства в атмосфере политических беспорядков или за пропаганду войны в смысле пункта 1 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Нелегитимными целями ограничений свободы выражения мнений являются те, которые имеют в качестве истинной цели и доказуемого результата не защиту национальной безопасности, а нечто другое, например: а) защиту репутации правительства и недопущение огласки его неправомочных действий; б) сокрытие информации о функционировании государственных учреждений; в) навязывание определенной идеологии; г) сдерживание забастовочных движений и т.д. [4].

Первая из вышеуказанных нелегитимных целей была также подтверждена в решении Европейского суда по правам человека по делу *Observer and*

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ НОРМАТИВНОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Guardian Newspaper v. United Kingdom, в котором, в частности, говорилось, что судебный запрет на публикацию мемуаров отставного высокопоставленного офицера Британских спецслужб больше не мог опираться на соображения национальной безопасности после публикации этих мемуаров в Соединенных Штатах [5].

В литературе подчеркивалось, что ограничение, которое обосновывается по соображениям национальной безопасности, однозначно не будет считаться правомерным, если оно используется как предлог для защиты интересов, не связанных с императивами национальной безопасности [6].

На национальную безопасность как на основание для ограничения прав человека неоднократно ссылались перед Комитетом по правам человека и Европейским судом по правам человека. Обратимся к примерам.

В деле *Tae Hoon Park v. Republic of Korea* (Сообщение № 628/1995), рассмотренном Комитетом ООН по правам человека, автор сообщения был осужден в Республике Корея за то, что являлся членом и принимал участие в деятельности Союза молодых корейцев (СМК) во время его учебы в Соединенных Штатах в период с 1983 по 1989 год. СМК являлась американской организацией, в которую входили молодые корейцы, и которая занималась проведением обсуждений по вопросам установления мира и объединения Северной и Южной Кореи. В то время эта организация критически относилась к тогдашнему военному правительству Республики Корея и к поддержке этого правительства со стороны США.

Корейский суд признал, что СМК является организацией, которая преследует цель совершения преступлений в виде поддержки и пропаганды деятельности правительства Северной Кореи, т.е. «враждебной организацией». Суд отмечал, что членство автора сообщения в этой организации, следовательно, являлось преступлением согласно пункту 3 статьи 7 Закона о национальной безопасности. Более того, участие автора сообщения в демонстрациях, проводимых в Соединенных Штатах в знак протеста против американского вмешательства, представляло собой поддержку Северной Кореи в нарушение пункта 1 статьи 7 Закона о национальной безопасности.

Автор сообщения утверждал, что приговор ему был вынесен по факту того, что он своим участием в некоторых мирных демонстрациях и других манифестациях, проводившихся в Соединенных Штатах, выражал свою поддержку или симпатию к определенным политическим лозунгам и взглядам. Он заявлял, что хотя он и был осужден за участие в организации, на самом деле его осудили за критические взгляды, которые выражал он и другие члены СМК в отношении официальной политики правительства Южной Кореи.

Автор сообщения жаловался, что вынесенный ему приговор представляет собой нарушение пункта 1 статьи 18 (свобода мысли), пунктов 1 и 2 статьи 19 (право беспрепятственно придерживаться своего мнения и право на свободное выражение своего мнения) и статьи 26 (равенство перед законом) Международного пакта о гражданских и политических правах.

Комитет по правам человека в своем решении отметил, что право на свободу выражения мнения имеет важнейшее значение в любом демократическом обществе, и любые ограничения осуществления этого права должны отвечать строгому критерию оправданности. Если государство-ответчик заявляет, что ограничения были оправданы необходимостью охраны национальной безопасности и были установлены на законном основании согласно статье 7 Закона о национальной безопасности, Комитет все равно должен определить, была ли необходимость в принятии таких мер для достижения заявленной цели. Комитет далее отметил, что государство-ответчик аргументирует свою позицию соображениями национальной безопасности, ссылаясь на общую ситуацию в стране и на угрозу со стороны «северокорейских коммунистов». Комитет посчитал, что государство-ответчик не смогло конкретизировать точный характер угрозы, которую, по его утверждению, представляло собой осуществление автором сообщения права на свободу выражения мнения, и пришел к выводу, что ни один из аргументов, выдвинутых государством-ответчиком, согласно пункту 3 статьи 19 не является достаточным основанием для наложения ограничения на право автора сообщения на свободу выражения мнения. Комитет внимательно изучил судебные решения, по которым автор сообщения был осужден, и заключил, что ни одно из этих решений или представлений государства-ответчика не доказывает, что осуждение автора сообщения было вызвано необходимостью защиты национальной безопасности. Таким образом, осуждение автора сообщения за выражение им своих взглядов должно квалифицироваться как нарушение его права, закрепленного в статье 19 Пакта [7].

В делах *Mukong v. Cameroon* [8] и *Sohn v. Republic of Korea* [9], Комитет по правам человека рассуждал таким же образом, что и в вышеприведенном деле. Комитет дал понять, что он не склонен признать допустимыми ограничения на свободу выражения мнения для целей национальной безопасности, по крайней мере, в тех случаях, когда государство-ответчик не может представить обстоятельных обоснований, конкретизирующих, почему и в какой степени введенное ограничение было необходимым для охраны национальной безопасности.

В ряде своих решений Комитет по правам человека подчеркивал, что на государствах лежит бремя доказывания путем приведения конкретных

Мехди АБДУЛЛАЕВ

доказательств, и что ограничения на свободу выражения мнения и другие права необходимы, чтобы защитить безопасность государства или некоторые другие легитимные интересы [10]. В деле *Pietroroia v. Uruguay* Комитет выявил нарушение пункта 2 статьи 19 Пакта, потому что заявитель был «арестован, содержался под стражей и осужден за свою политическую и профсоюзную деятельность», и прокурор не представил конкретных доказательств о деятельности, которая могла бы легитимно рассматриваться как уголовное деяние. Комитет, в частности, отметил следующее: «Одна лишь информация от государства-участника о том, что заявитель был обвинен в членстве в подрывной ассоциации и заговоре с целью нарушения Конституции, с последующими приготовлениями к совершению этих деяний, сама по себе недостаточна без подробностей выдвинутых обвинений и копий протоколов судебных заседаний».

Примечательно, что международные судебные органы восприняли указанный подход Комитета. Хотя нужно признать, что возникают трудности, когда государство отказывает – по соображениям национальной безопасности – раскрыть информацию, которая, по его утверждению, оправдывает введенные ограничения на основные права индивида. В таком случае, как заявил Европейский суд по правам человека в деле *Murray v. United Kingdom*, государство «должно предоставить, по меньшей мере, некоторые факты или информацию», чтобы показать необходимость введенных ограничений, если даже эта информация касается серьезной террористической угрозы [12].

Государства-участники Европейской конвенции о правах человека также неоднократно ссылались на национальную безопасность, как на основание для ограничения прав человека. Так, в деле *Klass v. Federal Republic of Germany*, касающемся законности секретного подслушивания, Европейский суд по правам человека принял утверждения государства-ответчика о том, что скрытое подслушивание телефонных разговоров осуществлялось в интересах «национальной безопасности» и «общественной безопасности» [13]. Угрозы этим интересам шли от все более изощренного иностранного шпионажа и серьезной внутренней террористической деятельности. Это были «исключительные условия», которые могли послужить оправданием для исключительных мер по секретному подслушиванию [14]. Все же нужно подчеркнуть, что понятие национальной безопасности сводится к действиям, которые представляют непосредственную угрозу самому существованию нации. Аналогичным образом, в деле *Leander v. Sweden* Европейский суд по правам человека констатировал необходимость для государства сбора информации и поддержания секретных досье

на кандидатов, претендующих на чувствительные работы, которые могут быть связаны с угрозами национальной безопасности [15].

Как уже выше отмечалось, национальная безопасность как основание для ограничения прав человека четко предусмотрена и в договорных положениях, предусматривающих процессуальные гарантии в случае высылки иностранцев (статья 13 Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 1 Протокола № 7 к Европейской конвенции о правах человека). Но тексты указанных положений в части, касающейся ограничений, не идентичны. Так, согласно статье 1 Протокола № 7 к Европейской конвенции, «иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства, не может быть выслан из него не иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность: а) представить аргументы против его высылки; б) требовать пересмотра его дела; и с) для этих целей быть представленным перед компетентным органом или перед одним или несколькими лицами, назначенными таким органом». Далее в статье говорится, что иностранец может быть выслан до осуществления указанных выше процессуальных гарантий, если такая высылка необходима «в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности» (*выделено нами. – М.А.*).

А что касается статьи 13 Пакта, в ней, во-первых, нет ссылки на общественный порядок, и, во-вторых, неприменение процессуальных гарантий по этой статье нужно оправдать *императивными соображениями* национальной безопасности. Т.е. указанная формулировка требует, чтобы ссылка на национальную безопасность делалась при исключительных случаях. В деле *Hammel*, Комитет по правам человека указал, что правительство Мадагаскара не предоставило никаких императивных соображений национальной безопасности для того, чтобы оправдать высылку гражданина Франции в нарушение Пакта [16].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Международные судебные (квасисудебные) органы в области защиты прав человека признают за государствами широкий предел усмотрения (*margin of appreciation*) в плане установления угроз национальной безопасности и определения конкретных мер для противодействия им.

На интересы национальной безопасности, как на основание для ограничения прав и свобод человека, можно ссылаться только в целях защиты существования государства, его территориальной целостности или политической независимости от применения силы или угрозы ее применения.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ НОРМАТИВНОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Любые ограничения прав и свобод человека по соображениям национальной безопасности должны отвечать следующим требованиям: 1) ограничение должно быть предусмотрено законом; 2) ограничение при любых обстоятельствах должно быть необходимым в демократическом обществе.

Оценка справедливости и пропорциональности

баланса, проведенного между интересами национальной безопасности и правами человека, должна осуществляться применительно к конкретной ситуации и обстоятельствам. Ключевым и предельным моментом при ограничении того или иного права или свободы является идея о том, что недопустимо затрагивание самого содержания права или свободы.

Литература:

1. Opinion on the Protection of Human Rights in Emergency Situations. Adopted by the Venice Commission at its 66th Plenary Session (Venice, 17-18 March 2006), www.legislationline.org/documents/id/7034
2. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка 22, статья 18 (Сорок восьмая сессия, 1993), <http://www1.umn.edu/humanrts/gencomm/hrcom22.htm>
3. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах, <http://legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14624>
4. Йоханнесбургские принципы «Национальная безопасность, свобода выражения мнения и доступ к информации», <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/Rjohannesburg.html>
5. Observer and Guardian Newspaper v. United Kingdom, <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57705>
6. Coliver S. Commentary to the Johannesburg Principles on National Security. Freedom of Expression and Access to Information. Human Rights Quarterly, vol. 20, 1998, p. 12.
7. Прецедентные дела Комитета по правам человека (Составители: Р. Хански и М. Шайнин). – Турку, 2004, с. 319-326.
8. Mukong v. Cameroon (Сообщение 458/1991), решение (соображения) от 21 июля 1994 года, Selected Decisions of the Human Rights Committee under the Optional Protocol, vol. 5. New York and Geneva, 2005, p. 86-94.
9. Sohn v. Republic of Korea (Сообщение 518/1992), решение (соображения) от 19 июля 1995 года, Selected Decisions of the Human Rights Committee under the Optional Protocol, vol. 5. New York and Geneva, 2005, p. 163-167.
10. L. Weinberger Weisz v. Uruguay (Сообщение № 28/1978), Selected Decisions of the Human Rights Committee under the Optional Protocol. Sess. 2-16, p. 60.
11. Pietroroia v. Uruguay, <http://www1.umn.edu/humanrts/undocs/session36/10-44.htm>
12. Murray v. The United Kingdom (1994). Publications of the European Court of Human Rights. Ser. A, vol. 300-A. – Paras, p. 59, 60.
13. Klass v. Federal Republic of Germany (1978), European Human Rights Reports, vol. 2, p. 214.
14. Harris D., O’Boyle M., Wabrick C. Law of the European Convention on Human Rights. London and Dublin, 1995, p. 346-347.
15. Leander v. Sweden (1987). European Human Rights Reports, vol. 9, p. 433.
16. Hammel v. Madagascar, Human Rights Committee, CCPR/C/24/D/132/1982 (1985), [http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/ef3e0bd958c2b818c1256ab9003294ad?Opendocument](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/ef3e0bd958c2b818c1256ab9003294ad?Opendocument)

Summary

The article deals with one of the permissible grounds for the restriction of human rights and freedoms – the protection of national security. It is based on the analysis of the relevant international instruments and judicial (quasi-judicial) practice. It is stressed that national security may be invoked as a legitimate ground for restricting fundamental rights and freedoms only for the purpose of protecting the existence of the nation or its territorial integrity or political independence against force or threat of force. Any restrictions on national security grounds must be prescribed by law and be necessary in a democratic society in relation to the legitimate aim sought.

Александр СОСНА,

доктор права, преподаватель юридического факультета
Государственного университета Молдовы

СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии с действующей международной Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколов к ней, Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) уполномочен принимать к своему производству иски по разногласиям между сторонами, подписавшими Конвенцию, и гражданами, проживающими в этих государствах, а также государствами – членами Совета Европы [1, с. 208].

Для нашего молодого государства Республики Молдова, особую актуальность вызывает то, что международное сообщество всячески поддерживает нормы, увеличивающие защищенность прав и свобод граждан Молдовы. В той же мере ЕСПЧ осуждает любое нарушение и ущемление гарантированных конституционных прав и свобод граждан Молдовы [2].

Государственная жалоба является одним из средств инициирования действия, предусмотренного Конвенцией, чтобы привести в движение систему контроля соблюдения законности правоохранительных органов [3, с. 796].

Принимая во внимание то, что в представленном материале рассматриваются правовые основы реализации конституционного права граждан на судебную защиту в ЕСПЧ, нужно сосредоточить наше внимание на второй категории дел, рассматриваемых в Европейском Суде – индивидуальные жалобы, посредством подачи которых начинают свою реализацию право на защиту. Индивидуальные жалобы составляют основную массу дел, рассматриваемых в Страсбургском суде.

По словам председателя Европейского Суда г-на Вильдхабера, «право на подачу индивидуальной жалобы всегда находилось в центре системы, выстроенной Конвенцией. Именно благодаря данному праву механизм Конвенции стал эффективной системой региональной защиты прав человека. Количество межгосударственных дел всегда было относительно небольшим. Общие стандарты Конвенции были утверждены и преобразованы в свод правил и преце-

дентов, именно за счёт огромного количества жалоб от частных лиц, жалующихся на государства в Страсбургский Суд» [4].

Согласно первоначальной системе, все жалобы, поданные индивидуальными заявителями или государствами-участниками Конвенции, становились предметом предварительного рассмотрения Европейской комиссии по правам человека. Она рассматривала вопросы их приемлемости и при положительном решении передавала дело и ЕСПЧ для принятия окончательного, имеющего обязательную силу, решения. Если дело не передавалось в Суд, оно решалось Комитетом министров. С 1 октября 1994 г. заявителям было предоставлено право самим передавать свои дела в Суд по жалобам, признанным Комиссией приемлемыми [5, с. 122].

Первоначально потерпевшее лицо должно предпринять все необходимые меры для самостоятельного разрешения спорной ситуации, прибегая к неюрисдикционной форме защиты. Лишь затем обращаться в соответствующий суд или иной уполномоченный орган государственной власти (юрисдикционная форма защиты). Данный порядок действия будет при определенных обстоятельствах способствовать успеху в ЕСПЧ [6, с. 18].

Необходимо определить круг субъектов подачи жалобы в ЕСПЧ. Статья 34 Европейской конвенции предусматривает приём заявлений-жалоб от любого лица, неправительственной организации или любой группы частных лиц. В оригинальных текстах Конвенции употребляются термины «*personality*» (на английском языке) и «*personne*» (на французском языке), которые подразумевают как физических, так и юридических лиц. Под понятием «физическое лицо» понимается любое человеческое существо, за которым признаются права и свободы, гарантированные Конвенцией «в силу своего происхождения, природы и предназначения» [7, с. 35].

Таким образом, статья 34 Конвенции упоминает три категории заявителей: физические лица, непра-

СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

вительственные организации и группы частных лиц. Конвенция не содержит требований и не проводит разграничение, которое существует во внутреннем законодательстве большинства договаривающихся сторон, в отношении правоспособности и дееспособности физических лиц. Отсутствие правоспособности в целом не сказывается на праве подачи жалобы, однако заявители могут быть представлены родственником или иным подходящим лицом. Например, в деле Винтерверп против Нидерландов [8, с. 289], жалоба была подана человеком, получившим тяжелое повреждение мозга в аварии и насильственно содержащимся в психиатрической больнице в соответствии с нидерландским законодательством о психическом здоровье.

Дети могут быть заявителями по делам перед Европейским Судом совместно со взрослыми жертвами в связи с той же жалобой, либо выступая от своего собственного имени. Так, в деле Маркс против Бельгии [9, с. 175], мать-одиночка и ее маленькая дочь жаловались на бельгийские законы о незаконнорожденности, в том числе в связи с завещанием и наследованием имущества.

Таким образом, круг физических лиц, которые могут воспользоваться правом на подачу жалобы, предельно широк, так как к заявителю не предъявляются ограничительные условия, связанные с возрастом, гражданством, грамотностью и т.д.

Субъектами жалобы могут стать также иностранные граждане, лица, имеющие гражданство более одной страны, двойное гражданство (бипатриды), или лица, не имеющие гражданство той или иной страны (апатриды), поскольку в Европейском Суде обеспечивается равная защита основных прав и свобод лиц независимо от их гражданско-государственной принадлежности. В качестве доказательства вышесказанному можно привести пример, когда против Республики Молдова было инициировано дело путём подачи жалобы гражданином Италии Жиованни Жюлиани (жалоба № 44981/05) на основании нарушения статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1, которое закончилось мировым соглашением [10, с. 37]. Так же, в деле Экбатани против Швеции заявителем был гражданин США. Несмотря на то, что США не является участником Конвенции, нарушение его права заявителя произошло на территории Швеции, которая ратифицировала Конвенцию [11, с. 136].

Говоря о субъектах, имеющих право подавать жалобы в ЕСПЧ, необходимо отметить очень важное условие, которое можно рассматривать как связанное с личностью заявителя. Необходимо, чтобы субъект обладал статусом «жертвы». В доктрине появилось деление понятия «жертвы» на 3 вида: прямая, потенциальная и косвенная [12].

1. В большинстве случаев при рассмотрении жалоб Страсбургский Суд имеет дело с прямыми (не-

посредственными) жертвами: обращающееся лицо в Европейский Суд само непосредственно уже стало жертвой нарушения его права.

2. Кроме этого, в практике Европейского Суда лицо может быть признано потенциальной жертвой в случае, если оно подвергается реальному риску применения к нему законодательства, противоречащего Европейской конвенции, и его права, закрепленные в Конвенции, будут нарушены [13, с. 40].

3. Косвенная жертва: в практике Европейского Суда признано, что лицо может стать косвенной жертвой, когда испытывает нарушение своих личных прав и из-за того, что нарушены права другого.

Необязательно, чтобы «жертва» понесла «ущерб» или «вред», что имеет значение только в связи с выплатами «справедливой компенсации», согласно статье 41 Конвенции. Например, в деле Де Йонг, Баллет и Ван ден Бринк против Нидерландов [14, с. 190], правительство утверждало, что господин Ван ден Бринк не является жертвой ввиду предположительного отсутствия причиненного ему ущерба. Он был призывником, отказавшимся повиноваться приказам на основании отказа от службы по соображениям совести, и поэтому был арестован и содержался под стражей. Правительство заявляло, что он не может считаться «жертвой», поскольку время, проведенное им под стражей, было вычтено из срока его приговора. Однако Суд счел, что интересы заявителя были непосредственно затронуты данным решением, и зачет срока не лишает его статуса жертвы.

Заявитель должен быть способен обосновать свой статус жертвы в течение всего разбирательства. Многие дела были исключены из списка, поскольку заявитель потерял статус жертвы. Тем не менее, смягчение приговора или принятие мер в пользу заявителя может лишить лицо статуса жертвы, только если это сопровождается явным или существенным признанием нарушения, а затем адекватным возмещением. Статус жертвы может, таким образом, зависеть от размера возмещения, присужденного национальными судами, и эффективности (в том числе оперативности) средств правовой защиты, способствовавших получению компенсации.

В деле Делюкин против Молдовы (жалоба № 1492503) о нарушении статьи 6 Конвенции и статьи 1 протокола № 1, правительство утверждало, что исходя из того, что сумма, присужденная в пользу заявителя, даёт право утверждать, что заявитель утратил статус «жертвы». Однако Европейский Суд постановил, что исходя из того, что выплата не повлекла за собой признания заявленных нарушений, заявитель сохранил статус «жертвы». Суд решает в каждом отдельном случае исходя из индивидуальности дела [15, с. 38].

В деле Экле против Германии [16, с. 385] Суд сформулировал тройной критерий утраты заявите-

Александр СОСНА

лем статуса жертвы: а) если национальные власти признали, что было допущено нарушение Конвенции, либо явным образом, либо по существу; б) если заявителю было предоставлено возмещение; в) если обращение с заявителем содержит существенные указания, позволяющие оценить, в какой степени нарушение было принято во внимание.

Юридические лица прямо не упоминаются в статье 34 Конвенции, но появляются, исходя из концепции «неправительственной организации». Также, статья 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции даёт убедительное основание для вывода о том, что ЕСПЧ вправе рассматривать не только жалобы физических лиц, но и жалобы юридических лиц в случае нарушения их права собственности. Они могут подавать жалобы о нарушении конвенционных прав в случае, если пользование данными правами не противоречит существу юридических лиц. Юридические лица, однако, не могут ссылаться на некоторые права, например, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, исходя из сущности именно юридического лица. Категория «неправительственные организации» может включать организации, которые по национальному праву не рассматриваются как юридические лица, например, определенные виды товариществ по законодательству некоторых договаривающихся сторон. «Неправительственный» характер рассматриваемых организаций означает, что они не должны быть государственными организациями, которые участвуют в осуществлении государственной власти. Под группами частных лиц подразумеваются в основном объединения (обычно временные) двух или более лиц, утверждающие, что они являются жертвами нарушения Конвенции [17, с. 256].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколы к ней среди основных принципов своей деятельности особо выделяет принцип равного доступа к правовой, юридической и судебной защите всех тех индивидуумов, права и свободы которых были нарушены или не защищены надлежащим образом национальными правоохранительными органами. В соответствии с действующей Конституцией Молдовы все граждане равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, языка, религии, пола, политической принадлежности, имущественного положения, а также социального происхождения. Любой гражданин может подать жалобу даже если он подозревается в совершении преступления и находится в уголовном розыске. Так, первоначальный элемент права на суд был сформулирован в известном решении по делу Голдера против Соединённого Королевства 1975 года как доступ к правосудию, который предполагает возможность для каждого инициировать гражданский процесс в суде. Господин Голдер пытался начать гражданский процесс, находясь в тюремном заключении по уголовному делу [18, с. 320].

Акцентируем внимание на то обстоятельство, что в ЕСПЧ с исковыми заявлениями могут обратиться неправительственные организации, религиозные объединения, профессиональные союзы, средства массовой информации и т.п. В процессе рассмотрения ЕСПЧ находятся жалобы членов профсоюзов Молдовы. Также в пример данного суждения можно привести дело Бессарабской Митрополии против Правительства Молдовы, принятого к рассмотрению Судом в 2001 году.

Следующая категория субъектов – «группа частных лиц». В доктрине под этим понятием понимают «более чем одно физическое лицо», при условии, что их объединяют одни и те же фактические обстоятельства дела, результатом которого стало нарушение одних и тех же прав и свобод, гарантируемых Конвенцией [19, с. 98].

Анализируя дела Европейского Суда, можно сделать вывод, что в категорию «частные лица» могут входить и целые деревни (деревня Муонио Саами против Швеции – № 28222/95), компании и акционеры (Санди Таймс против Соединенного Королевства № 6538/74, АО „Moldovahidromas” против Молдовы № 30475/03), строительные сообщества (национальное и провинциальное строительное общество и др. против Соединенного Королевства UK № 21319/93) и профсоюзы (станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии № 29221/95). Также заявителем в ЕСПЧ могут выступать и политические партии, как например Христианско-демократическая народная партия против Республики Молдова (№ 28793/02) [20, с. 228].

Для решения вопроса о приемлемости поданной жалобы ЕСПЧ обращает внимание не только на статус заявителя, но и на соответствующий статус ответчика, допустившего обжалуемое неправомерное деяние. В соответствии со статьей 35 Конвенции, ответчиком в разрешаемом споре может быть только «правительство», т.е. официальная государственная власть, которая после ратификации Конвенции обязана отвечать за правомерность деятельности своих правоохранительных органов в лице своих представителей в исполнительном и судебном производстве. Иными словами, для того чтобы жалоба была принята и рассмотрена ЕСПЧ, она должна быть подана против действий органа публичной власти государства-участника Конвенции, но не против действий частных физических или юридических лиц.

В процессуальном аспекте ответчиком по индивидуальной жалобе может быть только конкретное государство-участник Конвенции, действия (или бездействие) властей которого повлекли, по мнению заявителя, нарушение его права, гарантированного Конвенцией.

Естественно, что любое из государств-членов Совета Европы и участников Конвенции не заинтересовано в том, чтобы становиться ответчиком по жало-

СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

бам своих граждан в Европейский Суд. Напомним, с каким промедлением ряд государств признали право на индивидуальную жалобу. Создатели Конвенции не исключали, что некоторые государства будут искать и другие пути, ограничивающие возможность индивидуальных обращений в Суд. Поэтому в статью 34 Конвенции была включена еще одна норма: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права» [21, с. 208].

В силу принципа эффективности, который преобладает во всей Конвенции, заявитель должен иметь возможность обратиться в Суд без принуждения. Судебная практика санкционирует любую попытку, прямую или косвенную, направленную на оказание давления на заявителя, чтобы они не обращались в Суд. Заявители, заявленные или потенциальные, должны быть свободны в общении с секретарем Суда. В частности, любое препятствие корреспонденции заключенных составляет предмет тщательного рассмотрения. Суд, как и Комиссия, считает, что для надлежащего функционирования системы подачи индивидуальных жалоб исключительно важно, чтобы заявители и потенциальные заявители могли свободно общаться с комиссией, не испытывая давления со стороны властей с целью заставить их отозвать свои жалобы. Понятие «давление» включает в себя не только прямое принуждение и вопиющие случаи запугивания заявителей, возможных заявителей, а также их ближайших родственников, но и недопустимые косвенные действия или контакты, призванные разубедить заявителей или воспрепятствовать осуществлению их права на защиту в соответствии с Конвенцией. Вопрос о том, являются ли контакты между властями и заявителем или возможным заявителем неприемлемыми, должен решаться с учетом конкретных обстоятельств

каждого отдельного дела. В этой связи необходимо принимать во внимание уязвимость потерпевшего и его подверженность влиянию, которое могут оказывать на него власти. Попытки властей возбудить уголовное преследование против адвоката заявителя, даже если эти действия не имеют правовых последствий, следует рассматривать как вмешательство в осуществление его права на подачу индивидуальной жалобы [22, с. 826].

Говоря о государстве, нужно отметить тот факт, что государство может стать участником рассмотрения дела в Суде не только как ответчик. Это довольно редкий случай, но, тем не менее, он предусмотрен Конвенцией. В соответствии со статьей 36 «Участие третьей стороны» в отношении любого дела, находящегося на рассмотрении какой-либо палаты Суда, каждое государство-участник, гражданин которого является заявителем, вправе представить письменные замечания и принимать участие в слушаниях.

Как видно из этой нормы, участие государства в качестве третьей стороны может быть осуществлено по праву, но с учетом важного ограничения – оно возможно только в том случае, если в деле речь идет о нарушении прав гражданина этого государства.

В отличие от государства, какое-либо иное заинтересованное лицо – гражданин, общественная организация – не вправе вступить в дело в качестве третьей стороны. Однако в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Конвенции, Председатель Суда в интересах надлежащего отправления правосудия может пригласить лицо, не являющееся заявителем, равно как и государство, принять участие в слушаниях или представить письменные замечания. На практике такие просьбы адресовались государствам-участникам с экспертной целью – для выяснения, как решаются ими ситуации, подобные рассматриваемой в данном деле, чтобы выявить «общевропейскую среднюю» [23, с. 46].

Литература:

1. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября, 1950. În: Acte legislative interne și regionale. – Chișinău: Epigraf, 2005.
2. Henry, G. Schermers. Acceptance of International Supervision of Human Rights. *Leiden Journal of International Law* 12 (4):821-832, 1999. Kluwer Law International. Published online 2004.
3. Микеле де Сальвия. Судебная практика: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2004.
4. Address by Luzius Wildhaber. Protecting Human rights: the European Perspective fifty years after the signature of the European Convention on Human Rights. Strasbourg, 8 June 2000.
5. Сосна, А.Б. Проблемы защиты прав человека Европейским судом как составляющий элемент процесса демократизации Молдовы. В: Тезисы республиканской научно-практической конференции. Комрат, 2005. – Кишинёв: Bons Offices, 2006.
6. Евдокимов, А. В. Процедура защиты имущественных прав по российскому праву. В: *Международное публичное и частное право*, 2008, № 1.
7. Charrier, J., Chiriac, A. *Codul Convenției Europene a drepturilor omului*. – Paris: LexisNexis, 2008.
8. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Том 2. – Москва: НОРМА, 2000.
9. Лич, Ф. Обращение в Европейский суд. Учебное пособие. – Москва: Мемориал, 2006.
10. Бюллетень Высшей судебной палаты Республики Молдова. № 9, 2008. Дело Жиованни Жулиани против Молдовы (жалоба № 44981/05).
11. Европейский Суд по правам человека: Избранные решения: Том 1. – Москва: Норма, 2000.
12. Деменевой, А.В., Бурковым, А.Л. Изучаем Ев-

Александр СОСНА

ропейскую конвенцию. <http://sutyajnik.ru/rus/actions/marthur04/lodg/>.

13. Туманов, В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. – Москва: Норма, 2001.

14. Лич, Ф. Обращение в Европейский суд. Учебное пособие. – Москва: Мемориал, 2006.

15. Бюллетень Высшей судебной палаты Республики Молдова. № 9, 2008. Дело Делюкин против Молдовы (жалоба № 1492503).

16. Европейский Суд по правам человека: Избранные решения: Том 1. – Москва: Норма, 2000.

17. Курдюков, Д. Г. Право на жалобу в контексте Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. – Казань, 2001.

18. Нешатаева, Т. Н. Уроки судебной практики о

правах человека: европейский и российский опыты. – Москва: Городец, 2007.

19. Абашидзе, А. Х., Алисиевич, Е.С. Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – Москва: Международные отношения, 2007.

20. Raport: Drepturile omului în Moldova. – Chişinău: Promo-Lex, 2006.

21. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим: 4 ноября, 1950. În: Acte legislative interne şi regionale. – Chişinău: Epigraf, 2005.

22. Микеле де Сальвия. Судебная практика: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2004.

23. Туманов, В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. – Москва: Норма, 2001.

Summary

In modern jurisprudence much attention is paid to the subjects of the right to the protection of the European Court of Human Rights.

Analyzed the current legislation of the Republic of Moldova and international regulations governing the number of subjects of the right to the protection of the European Court of Human Rights.

The author expresses the need to make some changes and additions to the existing rules of law that will more effectively protect the rights of subjects of the law on the protection of the European Court of Human Rights.

Рустам МАМЕДОВ,
доктор юридических наук, профессор

Орхан БАБАЕВ,
мгистрант кафедры международного публичного права,
Бакинского государственного университета

ЗАЩИТА ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

На протяжении последнего тысячелетия коренные народы различных континентов стали свидетелями событий, которых не переживали раньше. Тысячи людей и, в частности, представители народов европейских государств, стали переселяться на их территории, смещая их органы управления, уничтожая культуру и целостность их экономических систем. Зачастую эти процессы не обходились без уничтожения женщин, мужчин и детей, которые оказывались на пути захватчиков. Все те, кто выжил, стали жертвами болезней, истязаний и рабства.

Проблемы коренных народов не ограничиваются лишь одним каким-то континентом, они проживают во всех уголках нашей планеты. В настоящее время к понятию *коренное население* относятся в основном такие народы, как выжившие в резервациях племена индейцев американского континента, инуиты и алеуты, проживающие за Полярным кругом, коренное население Австралии, народ Маори, проживающий на территории Новой Зеландии (или Аотеароа, на языке маори, что в переводе означает «Страна длинного белого облака»), коренные гавайцы и тихоокеанцы, малочисленный финно-угорский народ, коренной народ Северной Европы – саамы и другие меньшинства, проживающие в большем количестве на территории Азии и Африки [1, с. 15]. Они являются коренными, потому как их исторические корни соединены с этой

землей, и они не могут или не хотят жить в других местах, так как любят свои родные земли даже больше, чем те, которые пришли и захватили их земли. Правда, существуют и такие коренные народы, которые почти что не были затронуты колонизацией на протяжении истории вплоть до XX века. К таким народам относятся небольшие племена, проживающие на территории Амазонии, или народы Арктики. Такие народы жили и строили свою общину на основе небогатых природных ресурсов их земель. Однако на сегодняшний день даже эти изолированные племена подвержены опасности оказаться оккупированными и изгнанными со своих земель вследствие расширения ареала промышленных, экономических и геополитических интересов развитых государств.

В некоторых странах коренные народы даже составляют большинство населения, однако остаются бесправными и проживают в худших условиях. Их «цивилизованные» патроны не слышат, не понимают и игнорируют проблемы коренных народов, их прежняя история никого не интересует, а их образ жизни вызывает насмешки. Коренные народы борются против устоявшегося мнения о том, что для них не существует никакого будущего, кроме ассимиляции, растворения в других человеческих сообществах [2, с. 45].

Международное право как один из важнейших факторов побуждает государства обновлять законо-

Рустам МАМЕДОВ, Орхан БАБАЕВ

дательство о коренных народах, расширяя их права, независимо от того, присоединилось ли государство к той или иной конвенции, или нет, правительство в демократическом государстве стремится соответствовать сформировавшимся международным стандартам, а коренные народы могут ссылаться на них, обосновывая свои претензии и апеллируя к общественному мнению. Представители коренных народов являются такими же гражданами государств, на территории которых они проживают, и должны пользоваться такими же правами и свободами, нести такие же обязанности, как и другие члены общества.

Одна из первых успешных попыток признания и закрепления прав коренных народов была предпринята в 1957 году принятием Международной организацией труда Конвенции № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах», которая на сегодняшний день не является более открытой для ратификации, но, тем не менее, остается в силе для 18 стран, на территории которых имеется наибольшее количество коренных народов и затрагивает основные проблемы, касающиеся коренных народов [3, с. 1].

Огромным шагом в этой области стало принятие Генеральной ассамблеей 13 сентября 2007 года Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. В проект декларации были включены положения об обеспечении равных прав коренным народам и другим народам, о праве собственности на землю и природные ресурсы, о праве на самоопределение и возможности делать все возможное для достижения своего экономического, социального и культурного развития.

Одним из важнейших положений этой Декларации стало положение о том, что коренные народы сами уполномочены решать вопросы, касающиеся их правового статуса и будущей судьбы. Этот принцип является смежным и с принципом самоопределения народов. Так, например, в статье 4 указано: «Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций» [4, с. 4]. Также надо заметить, что в этой Декларации большое значение уделяется государству как субъекту, берущему на себя обязательства соблюдать и обеспечивать права и свободы коренных народов.

Достаточно важную роль в регулировании статуса коренных народов играют международные организации как универсальные, такие как ООН и региональные, регулирующие и поощряющие соблюдение прав человека на определенном регионе.

В рамках ООН работа в этой области ведется еще с 70-х годов прошлого столетия, активную роль в содействии защите коренных народов сыграла Подкомиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, члены которой избирались Комиссией ООН по правам человека. Далее Экономический и социальный совет ООН учредил рабочую группу, которая в свою очередь и занялась проектом вышеуказанной Декларации по коренным народам.

В рамках Европейского континента также существуют достаточно эффективные механизмы защиты прав коренных народов. Так, к примеру, в 1998-ом году была принята резолюция Совета Европы по коренным народам в рамках сотрудничества по развитию сообщества и стран – участниц. Европейский Суд также уполномочен рассматривать жалобы любых граждан стран-членов Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Если говорить о защите коренных народов, и в частности защите их национальности, нельзя не заметить важность роли внутригосударственных механизмов. К примеру, в Конституции Азербайджанской Республики, как и во многих других Конституциях, в статье 44 прямо указана и обеспечена защита государством национальной принадлежности своих граждан [4, с. 218]. «I. Каждый обладает правом сохранять свою национальную принадлежность. II. Никто не может быть принужден изменить свою национальную принадлежность» [3, с. 44]. Эта норма является императивной и обеспечивает национальное разнообразие, существующее в нашем государстве, и что самое главное, эта норма уравнивает все национальные меньшинства в объеме прав и обязанностей.

Актуальность нашего исследования заключается в том, чтобы путем международно-правовых изысканий найти способ, который будет способен установить новые универсальные стандарты и нормы, которые смогут быть применены ко всем коренным народам, независимо от расы, уровня культуры, социально-экономического развития, и защитить эти народы. Под защитой же подразумеваются не только физические и законодательные средства сохранения жизни, но и сохранение самобытности этих народов, их культуры, институтов, обычаев и законов.

Литература:

1. «Indigenous Peoples in International Law». S. J. Anaya. Oxford University Press, 1996.
2. Защита коренных народов в международном праве. Р. Ш. Гарипов. – Казань, 2012.
3. International Labour Organization Indigenous and Tribal Populations Convention N 107», 1957.
4. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов от 13 сентября 2007 года.
5. „Müasir beynəlxalq hüquqda insan hüquqları, əhali və miqrasiya problemləri” Ə. Əliyev. – Bakı, 2007. Конституция АР от 12 ноября 1995 года.

ЗАЩИТА ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Xülasə

Bu məqalədə yerli əhalinin beynəlxalq hüquqda müəyyən edilmiş statusu bağlı müzakirə aparılır. Status deməklə, hüquq və azadlıqların həcmi başa düşülür. Məqalədə əvvəlcə yerli əhalinin tarixi haqqında söz açılır, daha sonra beynəlxalq – hüquqi sənədlərdə müəyyən edilmiş hüquq və azadlıqlar və yekunda bu sahədə beynəlxalq təşkilatların, o cümlədən universal və regional təşkilatların rolu haqqında müzakirə aparılır.

Açar sözlər: yerli əhali, insan hüquqları, beynəlxalq hüquq

Summary

In this article concerns status of indigenous people in international law. Under “status” we understand the capacity of rights and freedoms which these native people possess. At the beginning of the article the history of native people is discussed, later in this article rights and freedoms mentioned in international sources, is presented and at the end the roles of international organizations in this field are discussed.

Keywords: indigenous people, human rights, international law

Ion CRETU,
superior lecturer, Law School,
Moldova State University

THE LEGAL REGIME OF ABSOLUTE NULLITY OF THE CIVIL LEGAL ACT

The theory of nullity of the civil juridical acts has been and continues to be one of the most controversial theories of law. The cornerstone of the theory of nullity, as a matter of course, is the Roman law. Originally physiognomy of the nullity was simple, a void act is considered as if it doesn't exist, as if it had never been made: *nullum est negotium, nihil actum est* [1]. This solution is due to the fact that during that period the Roman law related the effectiveness of contract to compliance with prescribed forms. As long as the contract did not meet the prescribed formalities, the contract was considered non-existent and without any legal effects.

In the age of Empire, it departs from the formalism imposed on contracts by the old Roman law and in the interests of fairness, Praetor avoiding cancellation of a contract concluded pursuant to the rigors of *jus civilae*, conferred so-called *restitutio in integrum*, against the acts that caused an unjust loss to their author. Although the Praetor could not declare the nullity of the act directly, as it was available according to the civil law, but indirectly, the legal act contrary to the principles of equity was abolished by promoting the action of *restitutio in integrum*. Consequently, an indirect abolition of the act was counted as equivalent to cancellation.

In the era of praetorian law, which proved to be „living voice of the people”, the nullity did not take place as of right, but might be ordered only by the magistrate after the court action. Up to promoting this action, the act was valid and effective. Act was canceled without being null.

This historical duality of nullities became the basis for the development of the concept of nullity in the modern era and, respectively, of that of modern encodings.

At the end of the XIX century and at the beginning of the next one a *classical theory of nullity* of German origin becomes widespread. According to this theory, the legal act is compared to an organism susceptible to be born, to get sick, to recover or die [2]. The existence of the legal act is determined by the gravity of the „disease” it suffers from.

Thus, if the vice seriously affects the legal act, the nullity is absolute, and can be invoked by any interested person and the act will not be susceptible to confirmation. On the contrary, if the document is affected by the vice without any serious consequences, then the nullity is relative and can be invoked only by the protected person and the act will be susceptible to confirmation.

At the beginning of the XX century, against the background of criticism directed at the classical theory, the modern theory of nullity is formed. According to this theory, the nullity doesn't consist in a state of an act, but in the right to criticize directed against the effects of the legal act in order to penalize violation of some rules provided by the law. Unlike the classical theory, in which nullity of the right lacks the effects of the act without a special pronouncement of nullity; the modern theory claims that nullity of the legal act - whether absolute or relative, - is a legal sanction pronounced by the judge [3].

The theories presented above have their impact on the way of thinking of contemporary doctrinarians. In this regard, we observe that German law as a devotee of classical theory makes a fundamental distinction between void acts and voidable acts. Void acts being considered as of right, without special finding of the judiciary; and voidable acts can be recognized as such by a declaration of intent subject to reception [4], or in case of judicial dispute.

In French law, as well as in the law of the other countries which were inspired by French law, the difference between absolute and relative nullity is distinguished and, according to the doctrine of these countries, it is believed that both nullities have effect only if case they are rendered by the court.

The Old Civil Code of the Republic of Moldova of 1964 used the terms of null convention and conventions that may be declared void (voidable) as part of terminology, without specifying whether the nullity of void agreements is applied automatically, as of right or to be

THE LEGAL REGIME OF ABSOLUTE NULLITY OF THE CIVIL LEGAL ACT

rendered by the court. Analysis of judicial practice based on the old legislation allows us to state that this kind of nullity lacked the effects of the act only in case the nullity was pronounced by a court.

The current Civil Code of the Republic of Moldova [5] brings the notions of absolute nullity and relative nullity in legislation, but does not deny the concepts of act void and voidable act. As an alternative, as noted in Art.216 of the Civil Code, legislature equates the notions of *absolute nullity* and *void act*, as well as the notion of *relative nullity* and *voidable act* that may be null or declared void. In some specific areas, such as, for example art.682 of the Civil Code, the legislator using the term of void or voidable act refers implicitly to absolute nullity or in some cases to the relative one.

It is worth noting that the current Civil Code does not contain any provisions that would determine the absolute nullity of legal acts based on the nullity pronounced by a court.

So naturally we ask the question: if the absolute nullity should be declared by a court or if it lacks the effects of the legal act as of right, without requiring a court decision.

In search of an answer to this question, we find that some local authors [6], subscribe to the opinion that any annulment must be ordered by the judge. As long as the judge has not declared the invalidity of the act it must be presumed to be valid and effective. Various arguments are being brought forward to support this point of view.

Some authors believe that no matter how void the act may be, it has a material existence, it acquires a provisional title possessing a semblance of validity, and as long as it has not been declared void by the judge, the parties or the third parties have no right to despise it [7].

Other authors justify this opinion by reference to the principle that one cannot be self-righteous; one cannot on his own authority decree that an act is null and disregard the act according to his own opinion [8].

Finally, it is also considered that the absolute nullity pronounced by the court is required to avert the execution of a null legal act or to remove the uncertainty that parties to legal act might have [9].

In contrast to the above mentioned points of view, we believe that the foregoing arguments are not compelling enough to require the absolute nullity to be pronounced by a court. Thus, we share doctrinal views that claim that nullity does not require a court order to deprive a legal act of its effects [10]. Nullity shall take effect immediately, so that, despite of its material appearance, a void legal act does not have any period of time of legal validity. Judge does not „damage” the act because it was damaged from the start [11]. The judge is limited only to find the closing of the the null act and will further apply the effects of the annulled act [12].

The standpoint is supported by the fact that, depen-

ding on the way how the nullity is regulated, legislator, when lacks of effects an act of absolute nullity, uses the word ‘*is null*’, namely imperatively declares without any reservations, in his own right, the act is void. In this case, the legislator assumes an exclusive jurisdiction to declare a legal act - void, without transmitting such jurisdiction to the courts. Thus, the absolute nullity is regulated by the legislator through the imperative method in all cases.

If the case of the relative nullity legislator utilizes the phrase „*may be declared null*”, leaving it up to the persons entitled to claim recognition of legal act nullity or, on the contrary, uphold its validity. The relative nullity therefore is regulated by the legislator through enacting method.

It’s essential that a legal document should be declared null by the legislator to be *deemed* void. If we accept that nullity is pronounced by the court, indirectly, we will have to consider the respective act valid until the moment of delivery of any court order. Otherwise, the act declared null by the legislature cannot be considered valid even for a moment. Such an act is doomed to die at the moment it is born.

Considering the literal meaning of the phrases used by the legislator in Art.216 of the Civil Code, we notice that the legislator in paragraph 2 of this article expressly provides that the legal act affected by the relative nullity may be declared void „by the court” whilst in paragraph 1 of the same article the legal act is simply declared null (*de jure*), omitting to pay the court the right to nullity.

We believe that this omission is not an accidental one; the legislator excluded the judicial nature of nullity by definition. If the legislator wanted the nullity to be the subject to the delivery of a judgment, then this aspect would be specified expressively.

Some recent civil codes [13], aiming to exclude any controversy in this issue, expressly provide that the legal acts affected by the absolute nullity are void, regardless of their recognition by the court, but the legal documents affected by the relative nullity may be declared void only by the court.

We believe that the certain fact, whether or not the nullity is required to be pronounced by a judge, is one of the elements that distinguish between void acts and voidable acts. Or, as mentioned I.V. Matveev, admitting the possibility to initiate an action of recognition of nullity for void acts, in fact, we erase the border between the void and voidable legal acts [14].

A new radical position, comparing to the existing reality, is promoted by the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Moldova, which on p.6 of Decision No. 1 of 07.07.2008., regarding applying the law governing nullity of civil legal act by courts „states that” ... *the legal document affected by the absolute nullity is null, a court order finding the absolute nullity is not required*” [15].

Ion CRETU

Surely, as the legal act affected by the absolute nullity is null *de jure*, when the court examines the case the judge will have to claim the nullity of the legal act in the motivated reasoning of decision and the decision of the court will apply only the effects of the nullity, such as replacing the parties to the previous state, erasing the inscription made under the invalid legal act, etc.

Some authors, in general, share opinion that null act should not be regarded as a legal act, it is only the appearance of conduct contrary to the rule of law [16]. M. M. Agarkov considers that the term „legal document” is intended to designate only the action that leads to the desired result.

A void act does not even deserve to be considered as a legal fact, since the act affected by the absolute nullity is not able to lead to achieving a licit goal, or even if it leads to achieving a certain result, this result is different from the one desired by the parties [17].

Referring to this controversial issue, a Russian scientist D.I. Meier states that a null legal act actually exists, but it is not able to produce consequences that would occur if it were true; but this does not mean that the act is irrelevant and void legally! Such an act may cause other legal consequences [18].

This point of view is taken up and developed by another famous scholar D.M.Ghenkin, who reiterates that a null act does not generate the null legal effect meaning that the legal effect to which the conduct of the parties was directed are not realized. But a void act generates negative effects, such as the obligation to repay the benefit received under the invalid act, damages etc. [19].

The legal nature of a void act became the subject of study for a famous scientist I.B. Novıtkii, who mentioned in his works that „a fact can no way be transformed into a non fact”. Once the will was manifested and directed towards achieving a particular outcome (birth, modification or termination of legal relations), it has achieved a certain fact, we cannot say that this has not happened. Another problem is, whether the legal consequences, which are normally related to the respective fact, could occur or could not occur; in the latter case having been a void act [20].

Through a successful example N. Duvernia compares a void act to a fake coin and one in the circuit, noting that either validity or invalidity of the coin is attributed to the recognition or non-recognition of the power to serve as a legal instrument of payment. A fake coin is not available for payment. Payment made with such a coin is invalid, null and void. However, both the fake coin, as well as one in the monetary circuit is called coin [21].

Like a fake coin, a void legal document has existed in fact, being a legal fact, but the nullity is linked not to the fact that it does not exist, but that it does not lead to the consequences the will of the parties was oriented

to. Such an act generates negative consequences as the parties have not expressed their will.

Insisting on the legal regime of absolute nullity legislator in article 217 of the Civil Code establishes three rules as core principles to distinguish the legal regime of the absolute nullity from the relative nullity:

1. Absolute nullity may be invoked by any person who has an innate and present interest or even the court ex officio.

Due to the fact that the absolute nullity protects the general public interests of society, the legislature naturally gives the opportunity to invoke it to a wide circle of people.

First, the absolute nullity may be invoked by the parties, since the harmful effects of the null act affect their interests. In the literature the question has appeared: whether absolute nullity may be invoked by both sides or just by the party whose interests are harmed. Regarding this aspect, the doctrine is controversial about the possibility of invoking nullity by the party responsible for abrogation.

Putting in the spotlight the rule that no one can take advantage of his own turpitude (*nemo audits allegans own turpitude*), we are made to consider that the absolute nullity may be invoked by the party responsible for invalidity to obtain restitution of benefits in the court.

On the other hand, the public policy issue of nullity meant to punish legal documents concluded in violation of mandatory legal provisions is more energetic than the previous rule and allows invoking nullity even by the party that despised such legal provisions.

This doctrinal guidance became the basis for the current Civil Code. The legislator granted the right to invoke the nullity to any person, without any exceptions to deprive the person responsible for the nullity of the possibility of invoking it. However, in such a situation if the law does not distinguish it, then we cannot distinguish either.

The legitimate interest the person has is important for invoking nullity. Interest requirement comes from the conditions of the exercise of civil action [22]. Interest is one of the essential elements of the action, so that when there is no interest, there is no action. Interest, as the essential requirement of the exercise of the civil action, besides the fact that it must be legitimate, must necessarily be innate and present.

This requirement of procedural law is also reflected in substantive law; the article 217 paragraph 1 of the Civil Code expressly proclaims it an absolute condition of invoking nullity. Court should proceed to solve the case starting with the examination of conditions of the exercise of civil action, and meeting the requirements to be part of the process [23]. However, the law gives the right to be the part of the process even to third party that can justify a legitimate interest in relation to finding the required nullity. Absolute nullity may be invoked by any

THE LEGAL REGIME OF ABSOLUTE NULLITY OF THE CIVIL LEGAL ACT

interested third party trying to draw any consequence from the void act. This act is void *erga omnes*, hence the name absolute is given to nullity [24].

In this regard, the Plenum of the Supreme Court of RM 07.07.2008 in p.7 of Resolution No. 1 enlists the persons entitled to invoke nullity: *avînzi cauza (habentus causam)* and *terții (third parties)*. The term „*avînzi cauza*” is not known in national legislation, being a creation of a specialized doctrine meant to designate the category of third parties who have not participated in the completion of the legal act, but are affected when the contract takes effect. They are similar to the parties meaning that the effects of the legal act will also affect them, and, simultaneously, they resemble the actual third parties as they have not concluded the legal act. The name originates from the French *avînzi cauza* and its etymological origins in the phrase „*ayants cause*”, is intended to name the successors of the parties, whether they are universal, under universal or particular title.

Absolute nullity may be invoked by the actual third parties (*penitus extranei*) that are totally distant persons for the law, because they didn't take part in the conclusion of the legal act and, according to the principle of relativity, the effects do not affect them. So, the people who justify the avoidance of self-interest (such as, for example, the interests of shareholders for the acts concluded by the company), as well as persons called upon the law to ensure the legitimate interests of other persons (such as for example prosecutors in the cases provided for in Article 71 CPC, the insolvency administrator in cases provided by the Law of insolvency, art.113-114 etc.) belong to this category.

Finally, the general interest of enacting this sanction requires the court to invoke the absolute nullity by the office. The automatically invoked nullity does not mean that the court may refer to the office the action of declaration of the absolute nullity.

The court will automatically invoke the absolute nullity by the office in cases when the void legal act is the basis of the benefit, which is subject to judgment. For example, the applicant claims collection of judicial remuneration arising from a contract that is to conceal a crime, and the court found that the legal act is contrary to law, the court will invoke nullity in motivated reasoning of the decision and the decision will only decide on the dismissal of the action.

We believe that invoking nullity is not only a right, but a duty of the court. We believe that the court is required to determine whether the act is a valid or invalid one before applying the provisions of a legal document in the case study. If the legal act is contrary to law, public order or morality, the court is required to invoke the nullity, even if the parties do not request it, to ensure the protection of the general interest, for whose purpose absolute nullity is enacted in legislation. Otherwise,

you can get absurd situations when illegal business is allowed by the court order.

2. The absolute nullity cannot be removed by confirmation.

Confirmation is a unilateral legal act by which the party entitled to declare nullity waives the right to invoke the nullity or the right to oppose nullity exception. The sanction of the absolute nullity is enacted for the sake of the need to preserve the public interest; therefore, the legislator established the rule of impossibility of confirmation of the annulled legal acts. The act declared void by the legislator is likely to be „revived” by the parties. Any manifestation of will, which would tend to remove this imperative is itself void.

Some vested interests are likely to compete with the general interest protected by absolute nullity, in such circumstances *Femida* balance tilts to protect such interests by establishing exceptions to the rule of impossibility of confirmation of the annulled legal acts.

In this regard, the Plenum of the Supreme Court in the Decision No. 1 of 07.07.2008 p. 8 raises an exception art. 43 paragraph 2 and 3 of the Family Code, which provides that confirmation of nullity of marriage, in the following two cases:

- When it is terminated by a minor who has not reached matrimonial age, if the minor's interests require it, or if he does not give his consent to the termination of the marriage;

- When the marriage was contracted without the intention of creating a family (fictitious marriage), if at the time of examination of the case, people who concluded the marriage have already created a family.

Another exception is found in art. 213 paragraph 2 of the Civil Code, it meant covering the nullity of the legal act concluded in breach of authentic form, when one party executed or partially executed the legal document that requires authentic form and the other part avoided a notary authentication. The court, at the request of the party that executed or partially executed the legal document, has the right to declare legal document signed in breach of authentic form valid if the act does not contain any elements contrary to law.

As it has been noted, the above mentioned provisions shall allow possibility of confirmation of the legal act concluded in breach of requisite but they will not be able to confirm the legal act concluded in breach of the written form *ad validitatem*. However, in terms of suretyship legislator, departing from the general rule, art.1147 of the Civil Code provides confirmation of a legal act concluded in breach of the written form, if case when *fidejusso* performs his duty.

Ferenda law, it would be advisable to follow the example of the Civil Code of Ukraine and include the opportunity to confirm the legal acts concluded in breach written form *ad validitatem* into civil law, in case

Ion CRETU

when one party performs the obligation and the other party acknowledges receipt of the benefit, which in case of litigation could be recognized valid by the court.

3. The absolute nullity is imprescriptible.

The rule of imprescriptibly absolute nullity is one of the novelties in civil law legislation introduced by the current Moldovan Civil Code. The Old civil law contained no provision to exclude invalidity of legal acts in the sphere of activity of extinguished limitation, leaving absolute nullity under the influence of the general limitation period of three years.

Currently, some Civil Codes, such as for example Civil Code of the Russian Federation, Ukraine, etc, applies general term of estinguished limitation of 3 years to claims related to invocation of the absolute nullity. Civil Code of the Republic of Belarus shares basically the same concept, but provides a period of 10 years to pursue actions of finding and applying the effects of such a nullity .

Imprescriptibly absolute nullity a creation of the French doctrine, which was later taken over by the Romanian legislation and was probably the source of inspiration for the current Civil Code of the Republic of Moldova. Justification of the imprescriptibility of nullity is extensively discussed in the literature, several points of view being expressed.

Some authors consider that imprescriptibility is justified by the ascertaining character of the action of

the absolute nullity , so that the role of the court is limited to a finding that the absolutely null act did not take place *ab initio*. As any finding related to the action, the questioned action is considered to be an imprescriptible one [25].

Other authors explain the inalienable character of the absolute nullity by non-patrimonial nature of the absolute nullity [26] which can not be accepted for the simple reason that the relative nullity action having a non-patrimonial nature, yet is the subject to an extinguished limitation.

The imprescriptibility of the absolute nullity is also considered to be driven by the need to preserve a general interest, as the sanction of the absolute nullity [27] was established for that purpose.

Finally, imprescriptibility of the action of the absolute nullity results from the correlation between the absolute nullity and the extinctive prescription, meaning that both are aimed at the protection of public interest, so that no absolute nullity may be subordinated to extinctive prescription [28].

Literately speaking of paragraph 3 of article 217 of the Civil Code, the rule of the imprescriptibility is applied only to perform the action declared absolutely null, but not to property claims resulting from a legal act affected by absolute nulling . The general limitation period of three years is applied to such claims.

Bibliography:

1. Hamangiu, C., Rosetti-Bălănescu, I., Băicoianu, A. Tratat de drept civil român. Ediție îngrijită de Dumitru Rădescu, vol.I. – București: Editura ALL, 1996, p. 113.
2. Zlătescu, V.D. Tratat elementar de drept civil roman. Teoria generală, vol. I. – București: Casa de Editură „Calistrat Hogaș”, 2000, p. 176.
3. Florescu, Gabriela. Nulitatea actului juridic civil. – București: Editura Hamangiu, 2008, p. 62-63.
4. Немецкое право. часть I. Гражданское уложение. – Москва: Международный центр финансово-экономического развития, 1996, с. 39.
5. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 82-86/22.06.2002, art. 661.
6. Boca, S. Modalități de invocare a sancțiunii nulității actului juridic civil // Legea și viața, 2012, nr. 6, p. 14; Comentariul Codului civil al Republicii Moldova, vol. I, p. 431.
7. Hamangiu, C., Rosetti-Bălănescu, I., Băicoianu, A., op. cit., p. 117.
8. Idem.
9. Тузов, Д.О. Ничтожность и оспоримость сделок: классическая доктрина и проблемы российской цивилистики//Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. – Москва, 2002, с. 155.
10. Рожкова, М.А. Недействительность дозволенных и недозволенных действий (юридический очерк)// недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика. Ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2006, с. 23.
11. Hamangiu, C., Rosetti-Bălănescu, I., Băicoianu, A., op. cit., p. 116.
12. Рожкова, М.А., op.cit., p. 24.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации, <http://www.gk-rf.ru> (Accesibil 01.02.2013); Гражданский кодекс Республики Беларусь, <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9800218&p2={NRPA}> (Accesibil 01.02.2013); Гражданский кодекс Украины, <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (Accesibil 01.02.2013).
14. Матвеев, И.В. Правовая природа недействительных сделок. – Москва: Юрлитинформ, 2002, с. 63-64.
15. Buletinul Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova, nr.4-5, 2009.
16. Рожкова, М.А., op. cit., p. 22.
17. Агарков, М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву// советское государство и право, nr.3-4/1946, p. 47.
18. Мейер, Д.И. Русское гражданское право. Часть I (по изданию на 1902 г.). – Москва: Статут, 1997, с. 204.
19. Генкин, Д.И. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону. – Москва: Юриздат, 1947, с. 49.
20. Новицкий, И.В. Сделки. Исковая давность. – Москва: Госюриздат, 1954, с. 66.
21. Дювернуа, Н.Л. Чтения по гражданскому праву, т. 1, с. 884-885.
22. Ciobanu, V. M. Tratat teoretic și practic de procedură civilă. – București: 1996, p. 272.
23. Florescu Gabriela, op. cit., p. 201.

THE LEGAL REGIME OF ABSOLUTE NULLITY OF THE CIVIL LEGALACT

24. Hamangiu, C., Rosetti-Bălănescu, I., Băicoianu, A., op. cit., p. 116.

25. Eliescu, M. Unele probleme privitoare la prescripția extinctivă în cadrul unei viitoare reglementări legale, S.C.J. nr. 1/1956, p. 259-260.

26. Ionașcu, Tr., Barrasch, E. Tratat de drept civil, vol.I, partea generală. – București: Editura Academiei RSR, 1967, p. 372.

27. Cosma, D. Teoria generală a actului juridic civil. – București: Editura Științifică, 1969, p. 434.

28. Pop, A., Beleiu, Gh. Drept civil. Teoria generală a dreptului civil. – București: Editura Universității București, 1980, p. 369.

Виктор РУСУ,
магистр права,
старший преподаватель кафедры публичного права
Европейского университета Молдовы

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТА

Современный парламент - это высший орган народного представительства, призванный не только выражать суверенную волю народа, регулировать важнейшие общественные отношения (главным образом посредством принятия законов), но и осуществлять контроль за деятельностью органов исполнительной власти и высших должностных лиц.

Что касается места парламентов в государственном механизме и соответственно их функций, то теории разделения властей Дж. Локк и Ш. Монтескье ограничивали их роль осуществлением преимущественно законодательной функции, тогда как, как Ж.Ж. Руссо – последовательный приверженец неделимости народного суверенитета обосновывал идею единства верховной власти, из которой вытекало право законодательной власти контролировать исполнительную власть. Нетрудно заметить, что эти идеи лежат в основе соответственно дуалистических и парламентских форм правления.

Современная юридическая литература по парламентаризму полна разных формулировок, обозначающих деятельность парламента: «парламентские функции», «компетенция парламента», «парламентские полномочия» и т.д. Чтобы избежать терминологического «разнобоя», считаем уместным использовать эти термины как элементы одной юридической конструкции, согласно которой компетенция есть юридическое выражение функций, ее структура складывается из предметов ведения и полномочий органа. Профессор Ион Гучак в одной из своих работ отмечает, что компетенция парламента зависит от многих факторов: формы правления, политического режима, государственной структуры, исторического развития государства, а также структуры политической системы [1]. Исходя из сказанного, наиболее удачным представляется понимание данного явления с позиций социологического и теоретико-правового понятия «функция». С данных позиций выступает и М.В. Баглай, отмечая, что «Компетенция парламента - это объем полномочий, через ко-

торые раскрываются основные функции данного органа государственной власти» [2].

В научной литературе при определении основного назначения парламента в системе высших государственных органов отмечается осуществление этим органом следующих функций: законодательной, представительской и контрольной (при этом заметим, что все они выражают суверенную волю народа). Некоторые исследователи, не подвергая сомнению значимость законодательной, представительской и контрольной функций, отдают предпочтение одной из них, ставя ее на первое место и наделяя системообразующими характеристиками.

В монографии конституционного права под редакцией профессора Charles Debbasch [3] и других сотрудников Университета Экс-Марсель рассматриваются традиционные функции парламента: функция голосования законов, финансовое утверждение, парламентский контроль исполнительной функции. Автор в вопросе упоминает, что в участие парламента «иногда» входит и назначение высших должностных лиц и членов высших судебных инстанций.

В литературе идентифицируются как функции парламента:

- 1) законодательная функция;
- 2) определение основных направлений социально-экономической деятельности;
- 3) отбор, назначение или отзыв участников государственной власти;
- 4) парламентский контроль;
- 5) руководство и определение внешней политикой;
- 6) организация и самостоятельная деятельность.

Так, по мнению И.А. Алебастровой, важнейшими функциями парламента являются законотворчество, представительство и контроль [4] (заметим, что на первое место поставлена законодательная функция). Более сильной позиции придерживается авторский коллектив под руководством проф. Б.А. Страшуна,

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТА

полагающий, что главная функция парламента заключается в осуществлении законодательной власти. Она включает и верховное распоряжение государственной казной, т.е. принятие государственного бюджета и контроль за его исполнением. Кроме того, парламент контролирует исполнительную власть [5]. Помимо российских исследователей, такой же точки зрения придерживаются и некоторые зарубежные правоведы. Немецкий теоретик государственного права К. Хессе, говоря о законодательной функции, отмечает: «Значение этой функции в современном социальном государстве тем больше, что только законами может быть создано точно определенное и ограниченное известными пределами правовое положение личности, которое находится в зависимости от деятельности государства по его созданию и формированию и является основной предпосылкой свободы личности» [6].

Заслуженные конституционалисты Румынии профессор Ioan Muraru и Simina Tănăsescu дают критическое определение функции парламента как «законодательной», оценивая, что оно будет рассматриваться в связи с конкретной деятельностью, которая несет «совещательная» власть. Тем не менее, при изучении в деталях функции парламента, они начинают свое рассмотрение с законодательной функции и поддерживают эту классификацию [7].

Другая группа исследователей в качестве центрального элемента триады называет представительскую функцию, которая вытекает и формируется на основании принципа народного представительства с целью выражения в парламентской деятельности совпадающих интересов всего народа. При этом понятие «народное представительство» рассматривается как высшая форма представительства вообще. Неслучайно известный немецкий юрист Г. Еллинек (1851-1911) в своей фундаментальной работе «Общее учение о государстве» относил идею представительства к первоначальным правовым воззрениям человека и отмечал, что представительный орган должен иметь единую волю, независимо от того, является ли он собранием единомышленников или просто коллективом. Ибо воля отдельных избирательных союзов и вместе с тем всей совокупности избирателей направлена не только на избрание отдельных депутатов, но и на создание самой системы представительного правления, поскольку выборы представителей верховной власти являются единым волевым актом всего народа [8].

Разные парламента по-разному определяют функции своих парламента. Немецкие юристы (Г. Кляйн и В. Цее) выделяют следующие функции своего парламента: законодательствование; формирование других органов; политическое волеобразование и контроль за правительством; представительство нации. По их мнению, центральное место парламента заключается в формировании государственной воли (или в политическом волеобразовании и контроле за прави-

тельством). Это объясняется фактором постоянного соревнования парламента и других высших органов федерации за престиж и влияние в немецком обществе [9]. Другой немецкий правовед Э. Буш указывает, что «согласно Основному закону ФРГ, система управления государством основывается на контроле и разделении властей» [10]. Российский исследователь немецкого парламентаризма Ю.П. Урьяс отмечал, что немецкие правоведы указывают на 5 функций парламента: представительство нации; политическое волеобразование; законодательство; формирование правительства и контроль за его деятельностью. При этом в ходе проведенного опроса немецкие парламентарии функцию представительства поставили на последнее место [11].

Контрольная функция парламента в силу ряда причин не нашла достойного освещения в теории и практике постсоветского парламентаризма. Но для стран с многовековой парламентской традицией присуще другое отношение к этой функции. Английские ученые Е.С. Уэйд и Д.Д. Филипс среди функций английского парламента главным считают контроль за исполнительной властью. Затем следует законодательная функция и только потом блок, получивший название в английской традиции как «разные функции» (включая судебные функции; принятие петиций; учреждение следственного комитета для расследования любого дела, имеющего государственное значение; представления о смещении должностных лиц) [12].

В своей работе «Парламентское право» профессор Victor Pora [13] заявил, что функции парламента в Европейской парламентской практике в целом соответствуют классификации, сделанной конституционалистами Франции Marcel Prelot и Jean Boulouis и швейцарии Jean Francois Aubert, которая имеет четыре направления: представление, совещательная функция, контроль, законодательная функция. Но здесь, если мы обратимся к принципу классификации, то заметим, что эти четыре направления не являются жесткими.

В этом контексте, некоторые авторы выбирают основные функции – правоустанавливающие и конкретные функции или вторичные, связанные с несовершенством теории разделения властей.

Victor Pora функции классифицированы следующим образом:

1. в первую очередь, функция законодательной власти;
2. вторичные функции;
 - 2.1 правительственная функция, выполняемая статьей 66 Конституции:
 - одобрить основные направления внутренней и внешней политики государства;
 - утверждение военных доктрин;
 - утверждение государственного бюджета;
 - контроль за кредитами государственной экономической помощи и другой поддержки зарубежных стран, заключение соглашений о государственных кредитах и кредитах из иностранных источников;

Виктор РУСУ

- приостановление деятельности местного самоуправления;

- ратифицирует, приостанавливает и отменяет действие международных договоров, заключенных Республикой Молдова;

- выбирает и назначает чиновников;

- объявляет частичную или всеобщую мобилизацию.

2.2. Контроль достигается посредством:

- полной проверки информации правительства (статья 104);

- обращения президента к Парламенту с посланиями по вопросам общенационального значения (статья 84);

- надзора постоянных комиссий, депутатских фракций и депутатов через вопросы и запросы (статья 105);

- обзора членов, имеющих право требовать правительственные документы, представляющие различную информацию (статья 104).

Косвенный контроль может быть осуществлен с помощью:

- Счетной палаты, которая осуществляет контроль за порядком формирования, управления и использования публичных финансовых средств (ст. 133);

- Контроль включает особые поручения, данные властью.

Что касается «правительственной функции», следует отметить, что такая функция осуществляется, в частности, правительством. Парламент в качестве представителя правительственного механизма появляется только в некоторых случаях, которые полностью определяют то, что функция правительства осуществляется правительством, которое обеспечивает внутреннюю и внешнюю политику страны и имеет «общее руководство».

Несмотря на определенные различия, вызванные не всегда одинаковым подходом к пониманию задач и функций парламента, многие авторы сходятся во мнении, что назначение парламента - это, прежде всего, представление в качестве представительного и законодательного органа государства. На наш взгляд, говоря о взаимоотношениях между основными функциями современного парламента, хотелось бы сказать, что вряд ли будет продуктивной попытка «построения» субординации указанных функций на манер «что главнее или что первично». На наш взгляд, эти функции следует рассматривать на основе принципа взаимодополняемости функций или компетенций, что расширило бы зону ответственности парламента за эффективность законодательной и правоприменительной деятельности.

Литература:

1. Guceac, I. Curs elementar de drept constituțional. Vol. II. – Chișinău: 2004, p. 344.

2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридических вузов и факультетов. – Москва: Норма-Инфра-М, 1998. – с. 493.

3. Charles Debbasch. Droit Constitutionnel Et Institutions Politiques – 4ème Édition. – Paris, 2001, p. 231.

4. Алебастрова, И. А. Конституционное право зарубежных стран: Учебное пособие / Под ред. С.Ю. Кашкина. – Москва: Юрайт-М ООО, Инфра-М, 2001, с. 203.

5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Т. 1-2. Часть общая: Учебник / Отв. ред. проф. Б. А. Страшун. – 3-е изд. – Москва: БЕК, 1999, с. 447.

6. Хессе, К. Основы конституционного права ФРГ / Пер. с нем. – Москва: Юрид. лит., 1981, с. 248.

7. Muraru, I., Tănăsescu, S. Drept constituțional și instituții politice, ediția a XI-a. Editura AII Beck. Volumul

II. – București, 2004, p. 153; Muraru, I., Elena Simina Tănăsescu. Drept constituțional și instituții politice: – București: Ediția 13, Volumul II, Editura C.H. Beck, 2009, p.154.

8. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Пер. с нем. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004, с. 418, 433.

9. Кляйн, Г., Цее, В. Бундестаг // Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого 7-томного издания. Т. 1 / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – Москва: Изд-во ИГиП РАН, 1994, с. 155.

10. Busch, E. Parlamentarische Kontrolle: Ausgestaltung und Wirkung. – Heidelberg: Decker und Müller, 1991, p. 9.

11. Урьяс, Ю. П. Механизм государственной власти ФРГ. – Москва: Наука, 1998, с. 63.

12. Уэйд, Е. С., Филлипс, Д. Д. Конституционное право / Пер. с англ. – Москва: Инстр. лит., 1950, с. 117-145.

13. Victor, Popa. Dreptul parlamentar. – Chișinău: ULIM, 1999, p.108.

Summary

The basic functions of current parliament are considered in the article on the basis of comparative and juridical analysis of world practice of parliamentarianism. And also takes notice to the question of the beginning of representative and legislative powers of current parliament (which is realizing as immanent opposition related to the current parliamentarianism). And takes notice to the necessity of search of new balance between executive and legislative powers.

Roman MEREUTSA,
PhD student at the Institute of Political and
Legal Research of the Academy of Sciences
(Republic of Moldova)

APPLICATION OF EU LAW INTO NATIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

Adoption of EU legislation on public procurement policies created conditions for open competition and rise of the market in this area. Enforcement. This goal allowed the development of national and European companies which become competitive in global and European markets. Therefore was appropriate to develop national legislation on public procurement. Obviously were harmonized national rules in Member States and states acceding to the EU. So EU coordinated and is coordinating the procurement procedures and creates conditions for various companies to participate in auctions and tenders for obtaining public contracts in different fields. In this case all firms can compete for public contracts based on equality and objectives principles. Obviously, these principles and policies of the EU have founded stipulating in documents and directives in this meaning. Studying literature and EU publications in this regard, we can conclude the following principles and rules of EU law on public procurement: *Free competition of enterprises in public procurement; Rational using of public finances, ensuring and choosing the best offers; Accessibility of Economic operators to the internal market and to the third country markets; Accessibility of Economic operators to the system "Registrul de Stat al Achizițiilor Publice" (SIA RSAP) (Automated Information System).*

An essential principle must also be transparency. EU provides transparency in awarding contracts. The procedure for the award of tenders must respect every step of transparency and also to allow equal opportunity for all parties to the auction. This principle refers both to operators as residents and non-resident excluding preferential margin repealed by LP267 from 23.12.11. It should be pointed out that the European Court of Justice developed this legal principle and gave legal possibility to apply it in various types of procurement in Moldova. Compliance of principles of transparency leads to full and correct compliance of participants in

the tender. Supreme Court of Justice adopted various resolutions for breach of the principle of transparency. Lack of transparency leads to illegality contracts and is a flagrant violation of national and European legislation on public procurement. The principle of transparency is manifested by the requirement to use the open and restricted procedures. Use of the negotiated procedure is an exception from the requirement to use open and the restricted procedure of auction - interpreted restrictively, required to issue a public contract and the notification of award, ban on the dividing the contracts to decrease the relevant thresholds, and other procedures. In order to ensure the principle of transparency in public procurement EU uses informational technologies, SIMAP System - Informational system for European public markets. Since October 2012, was launched Automated Informational System „Registrul de Stat al Achizițiilor Publice” (SIA RSAP). The platform is the first step in implementation process of digitization of procurement. The new system transposes procurements in an effective, transparent and competitive mechanism. Launch of Automated Informational System „Registrul de stat al achizițiilor publice” increases transparency, effectiveness and credibility of the procurement process in Moldova. Digitizing of procurements contributes to the formation of a competitive business environment and to increase clarity about how public money is spent.

For effective use of financial resources by applying the principle of transparency in the process of making the procurement procedures have been proposed several proposals in this regard (*Anexa1: scrisoarea către Direcția Juridică a MDRC nr.04/2-11 din 28.01.2014, Executor: Roman Mereuță*):

- Placing on web pages of contracting authorities in the rubric „Achiziții publice” three divisions as follows: „Planificare”, „Proceduri” and „Contracte”, which will facilitate public access to information on public procurement organized by ADR.

Roman MEREUTSA

- Publication on the site reports on the conclusion of small value contracts for a semester, according to Regulation procurement of low value, approved by the Government of the Republic of Moldova No. 148 of 14.02.2008.

- Acquisition of economical operators to apply SIA system, that will facilitate informing them about the procedures organized by contracting authorities.

- Signing statements of confidentiality and impartiality by working group members who are missing on meetings for opening tenders but are participating in the evaluation of tenders.

- Publication of adds about spending the LP and their results in the local press by the beneficiaries and on the beneficiaries web pages.

- Creating a list of advertisements about the LP feasts on the website of public institutions.

- The possibility of adjusting the price must be indicated both tender documentation and contract which will be concluded by special provisions in this regard.

- Minutes of meetings of solving complaints from AAP must be published on the website of the institution.

- Besides notices of intent, state institutions should be required to publish web pages, their budgets and balance sheets, that any interested person can follow the allocation and spending of public money.

Another essential principle is open competition in public procurement. Open competition is a principle such as transparency and equality. Open competition remains a fundamental and primary purpose of the public procurement regime. Legal obligations in the competition which also are technical standards that are used to specify the goods and services to be purchased. Tenders must demonstrate that they correspond with technical standards, which will be evaluated. If they do not match with standards they can't be exposed to competition. We conclude, that namely the restrictive provision of standards reduces the number of participants in public procurement and obviously minimizes competition. In this respect the EU has clearly exposed that „...Technical specifications must not have the effect of creating unjustified obstacles to the opening up of public procurement to competition”. Another general principle of public procurement is equal treatment, which is similar to the principle of non-discrimination. This principle is referred more in grant award competition law and equity law. In this case we can talk about the right to equal opportunities in public purchasing process. We should also refer to the equal right of access to information, their disclosure amount, etc. Equality can be observed only by maintaining neutrality in the public procurement process.

In order to improve the legal framework for public procurement in terms of improving the principles applied in this area have been proposed several changes:

(Anexa2: scrisoarea către Direcția construcții materiale de construcții și tehnologii moderne a MDRC nr.04/2-10 din 28.02.2012, Executor: Roman Mereuță):

- At the rules on procurement working group in section. 3: to include the following changes: The working group of the contracting authority can be co-opted voting staff person within the records of the institution subordinated to the contracting authority.

- At the rules on public procurement works: the item. Amendment 67 we propose to be introduced: In order to prevent distortion of the information in the content of tenders submitted and saving public finances to the displacement of at least 5 members of the working group, group meetings can be held in external contracting authority only in cases expressly provided for by law.

- At the the rules on public works: the item. 153 to include change: Do not presenting the public procurement tender guarantees and performance guarantees that are not issued by banks.

- At the the rules on public works: the section. 165 to include the change: The contracting authority has the obligation to issue / return performance guarantee as follows:

a) 70% of the guarantee within 14 days of the conclusion of the reception report on completion, if not raised by that claim on it, and the risk for concealed damage is minimal;

b) the remaining 30% of the guarantee, the warranty period of the work executed, based on the minutes of final acceptance.

The minutes of final acceptance can be made for parts of the work, if they are physically distinct and functionally.

Considering the neighboring country practices, change text data is taken from the Government Decision no. 925 of 19 July 2006 „On approval of rules for implementing the provisions concerning the award of public procurement contracts in the Government Emergency Ordinance no. 34/2006 regarding the award of public procurement contracts, public works concession contracts and services concession”.

- The rules on public works: the item. 165 to include the change: The final acceptance report shall be made only after the expiry of the warranty on the work. Final acceptance shall be convened by the investor within 15 days after expiration of the warranty period. The warranty period is stated in the contract.

- The rules on public works: the section. 119 propose to include the change: Working Group will reject any offer in any of the following cases: letter i) construction license of the economic operator in the tender submitted, proving not all work requested in the specifications. As an exception, the offer is rejected if the types of work for which the economic operator is not

APPLICATION OF EU LAW INTO NATIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

licensed, they will be met by licensed subcontractors in the types of work required. The economic operator must submit its offer licenses subcontractors and the work that they will perform

- Changing public procurement legislation related to verification and registration documents for tendering procedures and contests COP to goods, services and works in the territory of the second level (district) by the Public Procurement Agency representative bodies, except for contracts greater than 2, 5 mln. lei on goods and services, 99.0 million lei to work

EU directives are described in the literature and other principles such as the principle of non-discrimination, proportionality, mutual recognition, the principle de minimis and other.

We aimed to evaluate the EU and Moldova public procurement. First we analyzed the EU legislation on public procurement. Thus, the development of modern procurement is appropriate for the development of market economies in transition states creating jobs, ensuring growth and providing resources exploitation. It should be noted that the EU had evolutionary period in which also the development of policies and legislation on public procurement. These policies relate directly to the core values of „even self movement of goods” and „services even self movement”. An important role in the development of these policies had the Council of Europe and the latest EU Treaty. We must emphasize that analyzing literature, policy development and EU legislation on public procurement to determine several stages:

The first phase 1957-1985: first directive issued to reinforce the key principles of the Treaties.

- Stage Two 1985-1992: tightening rules on utilities and remedies.

- Step Three 1992-1995: Public service contracts and strengthening the AAG OMC.

- Step Four: 1996-2006: new directive on public sector and utilities.

- Step Five 2007-2012: the new Remedies Directive and the Directive on defense procurement.

Procurement policy in RM is determined by the legislation adopted by Parliament and the legislative implementation by the Government. Legal and public policy is determined by the issuing country as a feature of budgetary discipline that contains principles of administrative law but also economic and competitive policy. Responsibility for the implementation of public procurement in Moldova was historically delegated to agencies in the field - National Agency for Government Procurement which was replaced with the Agency for material resources, procurement and Aids Humanitarian and which was later transformed into the National Agency of procurement currently active. National Procurement Agency is subject structurally and functionally

accountable to the Ministry of Finance and Government. The RM procurement is decentralized. Each state institution organizes tenders under the law on public procurement law no.96 of 13.04. 2007 Only the drugs are purchased by Medicines and Medical Devices Agency. Procurement Agency that coordinates government bodies, public procurement advertise oversees procurement processes in all institutions. The Agency also drafted legislation, arranges training for public procurement, Public Procurement Bulletin edit, analyze complaints coming from the operators. In 2008 the Government Decision 468 of May 29, 2008, was created Procurement Supervision Commission as an independent body. This committee oversees the auctions that estimates of goods or services exceeding 5 million lei. Legal protection of operators is ensured by examining administrative services contracts that are subject to challenge. It is now ready for a legislative initiative to amend Law No. 96 on procurement and launch Agency for Solving Complaints. On historical period postindependență held several changes to the legislative and normative acts regulating public procurement process the RM. We examined various acts of public procurement in the EU and Moldova.

Our goal was to examine a various number of EU directives and national laws in public procurement domain where we applied comparative method in order to examine them and has been highlighted numerous proposals to harmonize legislation in this area. The necessity of involving EU law appears in the law of the country and the approximation of laws on public procurement. Follow that some EU rules should be harmonized in Moldova, with advisory comments and recommendations on the advantages / disadvantages of full harmonization.

In the way of full harmonization of legislation RM has identified a number of obstacles. It should be noted about insufficient funding of the Public Procurement Agency. These relate both to personnel management as well as institutional budget. The increase of AAP funding would boost at growth of equity, formation, elaboration of manuals and guidelines, operator certification, supervision and, more importantly, drafting legislative amendments and regulations that will be submitted to the Government, creating a center lawmaking that is very important.

Lack of capacity prevented till now the Agency to develop secondary legislation necessary for the implementation of various procurement procedures provided by the 2007 Law on Public Procurement.

In fact, only four of the eleven pieces of secondary legislation in line with Article 33 of the Law are in force.

The overall level of harmonization is acceptable, in terms of the ability to develop the Law No. 96 since

Roman MEREUTSA

2007 on public procurement. Law on public procurement can be identified based on the EU model as set out in Directive 2004/18 / EU. In many areas it gives effect to that Directive in so as competence and application.

However, there are some not providing items in the Law No. 96 since 2007 on public procurement. The most important are: implementation of secondary legislation, status and effect of the review authority, managing the selection and award criteria, lack of regulation for utilities, award criteria and reporting requirements.

These weaknesses are compounded by lack of resources and a huge volume of work of the Agency that leads to inability to provide priorities. Number of contracting authorities is also a serious problem affecting efficiency.

Harmonization of legislation must determine the primary legislation (Act No. 96 since 2007 on public procurement) which is in an acceptable state for greater harmonization with EU directives and regulations. It uses some specific correlation although in some provisions principles are lacking. This continuous improvement of Moldovan legislation by adopting amendments and increasing EU harmonization. A greater harmonization will result probably more provisions through amendments to this law, but if you use a full use of the advantages of relying on secondary legislation, any expansion in the text can be kept to a minimum level.

There is a need to amend Law No. 96 since 2007 on public procurement to achieve minimum harmonization levels appropriate to facilitate harmonization and an advanced degree. Currently there is provided a legislative initiative on amending and supplementing.

In terms of institutional capacity is evident and indisputable professionalism of human resources and management. Experts estimate there are insufficient staff, resources, IT equipment and capabilities for the Agency to fulfill effectively all the functions and, in particular, to supervise the many contracting authorities throughout the country, and to regulate the market. It is understood, however, that each of the 37 districts of the Republic of Moldova has a designated official responsible for overseeing the procurement procedures at the district level. These officials are currently employed by a particular contracting authority and thus they do not realize these functions for and on behalf of the Agency. It would be useful to consider If this personal framework could be integrated into the Agency as a means to increase productivity and efficiency in supervision.

And most obviously, it is not clear whether the Agency operates as an extension of the contracting authority or a truly independent body that regulates the market. This blurring of functions manifested most obviously in the functions of the Agency to review and record both: before the commencement of the tender documents, procurement contracts (and in fact, the de-

cision to award) at the end of procedure, decisions complaints operators Contracting authorities.

There is proposed here that the Agency should necessarily give up any or all of the three functions identified. However, it is necessary to establish clear and definite separation of functions, duties and responsibilities between the agency and the contracting authority between the Agency and businesses. Institutionally speaking, the most obvious deficiency is that the Agency has a wide range of functions so that this can lead to the conclusion that there is a theoretical probability of an institutional conflict of interest. This seems especially true in terms of control mechanisms and remedies. While agency staff, in practice, be able to prevent any conflict of fact, this does not prevent a perception of institutional bias against contracting authorities. Avoid perceptions of institutional bias is the key in building confidence in the system.

It is observed that the current functions of the Agency have been conferred by legislation, whereas the primary law still reserves the features of its predecessor, and so this discrepancy should be resolved. It is a technically compared to the overall assessment, but probably has constitutional implications. Indispensable is the ability and experience of implementing the application of Law no. 96 of 2007 on public procurement is continuing to review and registration of tender documentation and contracts to deciding appeals. It is unclear how effective this enforcement role as the Agency receives up to 100 bids to review each day from about 12,000 contracting authorities in the country, and over 400/500 complaints (which are 400 in number 2010) that are received in a year. In result, however, it seems that the personal involved in these examinations agency has considerable experience in the areas of competence.

Enforcement capacity should be facilitated further by appointing officials in the region, allowing the Agency staff in Chisinau involve other methods of execution (eg, site inspections, training guides, etc.) Evaluation of competition principle stated in terms of transparency, it is impossible to measure the level of competition in the market (or other macro-economic issues) because there are no statistics available.

However, in respect of certain contracts, it is possible for the Agency to determine whether there was competition for the contract, assuming that the contracting authority has requested approval for a contract agency. Contracting authorities should be required to create a database of operators of goods, services, works to invite tenders. There whitelist skilled operators but contracting authorities should not be limited to them. So doing a trial and creating the data base.

The principle of equality and the award of public procurement indispensable for evaluation indicators equal (basic principle, discrimination, equivalence of

APPLICATION OF EU LAW INTO NATIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

technical specifications, parity communications, etc.) are all clearly stipulated in Law no. 96 of 2007 on public procurement. However, in general terms regime in Moldova is in a good position for that to move towards equal treatment more sophisticated techniques, such as staff training, greater use of variations, etc.

Efficiency in public procurement has an important role in public procurement. The format of the 2007 Law on Public Procurement and use of secondary legislation is one, in the sense that it is clear enough to follow, but greater detail is available elsewhere on this note that Article 41 of the Law available in English translation 2007 procurement seems to allow „alternative offers” and indicates that these alternative offers can be „additional”. This suggests that they are additional to other offers; this should be clarified. Procurement practice efficiency is diminished by the fact that only four of the eleven procedures are used, as in these cases there is no secondary legislation.

The most significant number is considered inefficient contracting authorities. 12,000 is a large number to be administered by one institution for 23 developing. There is great difficulty in trying to raise the standard for all procurement capacity 12,000. Accordingly, centralization measures are recommended, unless the procurement procedure, then the procedure for working with procurement procedure.

Experts reveal the early approval RM-EU legislation on public procurement lacked Common Procurement Vocabulary. Thus, with the release of „*Registrul de Stat al Achizițiilor Publice*” (SIA RSAP) were taken CPV codes that were included in it.

Control contracts also acts as a check on compliance. Number of complaints received annually is at a level that suggests the view that the Agency can exercise regulatory control, but is low in contrast to the number of contracts subject to the full rigor of the system.

The list of providers is prohibited composed. List of qualified suppliers is of limited use. Standard bidding documents and other secondary legislation are exceeded. Agency does not have any statistics they need to determine where you should exercise control regulator therefore needs to be improved reporting requirements, in particular the cancellation of the tender is not a decision which is subject to regulatory control, and is one such decision that is often used to conceal a preference for a particular bidder.

Obviously, there are some measures against evasion (splitting thresholds, calculation, conflicts, canceling contracts). Prohibition on splitting contracts to avoid exceeding the thresholds is clearly stipulated in the 2007 Law on Public Procurement. Develop higher statistics may help assess its effectiveness. Excluding seasonal contracts'm an exception too broad and open to abuse it, or perhaps the meaning of seasonal contracts should be limited much narrower.

Annulment proceedings is not a subject to any regulatory enforcement. There are limitations on when a procurement may be canceled, but there is confusion. Article 50 of the Public Procurement Act allows the contracting authority to cancel its own initiative, but later the same provision restricts the cancellation procedure by the Agency, in any event, the cancellation seems to be different from the „reject all offers”, described as a decision is subject to review by the Agency (Article 71).

The scope of the contract is satisfactory, with a couple of significant omissions. The 2007 Law on Public Procurement refers to all contracts, not just those above the thresholds. It also covers contracts for goods, services and works, although they are not defined.

The law applies to contracts, regardless of the sector, but it is unclear to what extent regulates utilities in this regard, specific compliance with EU directives requires the implementation of a slightly different regime.

Exceptions are mostly satisfactory, but public contracts tangible resources and emergency provisions should indeed be regulated substantially, if required by the negotiated procedure. The 2007 Law on Public Procurement also excludes works concessions, which is not allowed by the EU Directive and should be addressed.

Note that the choice of procedures is limited to four, while eleven are set out in law. However, the remaining seven seems to require secondary legislation for implementation detail and should be given attention as soon as possible.

The framework agreement seems to be properly implemented, in principle, the 2007 Law on public procurement, without basic necessities of secondary legislation where resources for preparing secondary legislation in this area is not available, the Agency should be able to use their regulatory powers under Article 9 to develop a non-binding model for use by contracting authorities. Because they are able to record (and therefore not recorded) contracts under the law, they could prevent any abuse of the system by not registering binding framework agreements to the existence of a legal procedure.

However, dynamic purchasing systems and electronic auctions require a specific e-procurement strategy and wider if they are to be effectively introduced.

Closed procedure seems to be based on an EU restricted procedure, but can be used only if certain conditions are met, which is not a requirement in the EU model. It is recommended that these conditions be removed.

It is difficult to reconcile the demand for price quotes criterion award by lowest price. The 2007 Law on public procurement seems to intend it as a separate procedure, and not one of the two award criteria should

Roman MEREUTSA

be made available, in principle, moreover, it would not really be recommended. It seems little prospect that the request for price quotations to be regarded as lawful under the EU regime, and this should be re-stated that the criteria for the award of costs.

The negotiated procedure is based on the EU, but only reproduce some cases allowed by the Directive. This in itself is generally considered satisfactory.

A modern fully functioning regulatory and supervisory procurement is important for Moldova for a number of reasons currently:

- Procurement law and policy is handled by the state as a feature of budgetary discipline, focusing on principles of administrative law, and not as a matter of economic policy and competition.

- Procurement Agency works focusing on individual procurement oversight rather than a policy that would lead to greater efficiencies, economies of scale and avoiding corruption.

- Public procurement legislation was substantially revised in 2007 in response to a series of problems that have arisen under the 1997 Law on Public Procurement Act 2007 was also complemented by a series of legal instruments derived under form of government decisions.

While Procurement Law No. 96 of 2007 was prepared generally in accordance with the EU public sector, a number of more specific concepts to be incorporated into it. Moreover, EU Utilities Directive and EU standards regarding the water, energy, transport and telecommunications sectors have not been implemented. While the level of harmonization, to date, is reasonable and provides a stable base for a wider further harmonization, the Public Procurement Act 2007 should be amended to provide a broader harmonization and to eliminate deficiencies identified in addition, the Public Procurement Agency in Moldova requires additional personnel and institutional capacities, where it aims to achieve effective harmonization further.

Advantages / disadvantages of harmonization of Moldovan legislation to EU laws:

In the context of Moldova's efforts towards greater integration in the EU, harmonization of public procurement legislation and its implementation and enforcement credibility is of particular importance in terms of:

- trade relations (ex, market opening for non-indigenous suppliers is a significant element in encouraging trade);

- achieving greater competition for secondary markets - which covers the supply of raw materials, expertise, products and labor providers that bid for and win auctions;

- Greater value for public money (mostly derived from competition, lower prices and economies of scale);

- avoid corruption (through a transparent and accessible process);

- Increased investor confidence in the economy of Moldova and strengthening growth potential (especially in the SME sector).

Disadvantages (which are generally more than offset by the benefits) refers to the complexity of new systems and additional administrative costs on short-medium term.

Obstacles for harmonization

The main obstacles that relate to full harmonization are a number of barriers to the effective implementation of existing legislation, the need for further legislation and the limited capacity of the Public Procurement Agency. These barriers include:

- Incomplete autonomy Public Procurement Agency;
- The absence of a legitimate state;
- A large number of contracting authorities (about 12,000);

- Lack of information analysis for statistical data collection;

- Exclusion of existing regulatory tasks of the Agency Procurement Policy;

- adopt secondary legislation required under Article 33 of the 2007 Law on Public Procurement;

- Continued use of outdated forms;

- Lack of guidance materials to clarify procedural or procurement;

- Lack of financial autonomy and self-sustainability;

- The system is difficult in terms of bureaucratic because of the very low thresholds in the legislation;

- Lack of enforcement synergy between the Agency and the National Anti-Corruption Centre (NAC);

- Absence of a panel of judges to resolve disputes;

- The need for ongoing professional development and awareness initiatives.

Institutional changes needed in 2015

- Creating a legal basis for an independent procurement agency and self-financed;

- Creating judicial panel to review disputes;

- Establishing an international systematic and statistical reporting;

- Centralization of certain public roles, according to a methodology based on thresholds;

- Develop institutional capacity of the Agency.

Recommendations and priorities for future

Based on the analysis and evaluation of the level of harmonization of the legislation of the Republic of Moldova in the field of public procurement that future efforts for the immediate future must be guided by the following considerations and recommendations:

APPLICATION OF EU LAW INTO NATIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

1. Amending and implementing primary law to achieve the minimum level of harmonization, facilitating approximation to an advanced degree.

2. The need to integrate the 37 officials in the 37 districts to increase productivity and efficiency of the Agency.

3. Public Procurement Agency must be an independent legal entity, must have clear and definite separation of functions, duties and responsibilities between the agency and the contracting authorities and economic operators between the agency and between agency and institution responsible for enforcement. An agency should achieve financial independence and self-management.

4. Propose to create of the Agency for Solving Complaints

5. Agency should be given additional powers, such as the right to appeal to the courts in order to enforce its supervisory function.

6. The necessity to create an informational system of statistical analysis, information on the number of contracts their aggregate values for overhaul that would facilitate the oversight function. Improvement in this area should be a priority.

7. Necessity use guidelines and codes to really streamline procurement practice

8. Increase standard procurement competence among the approximately 12,000 contracting authorities. Recommendations are measures of centralization both in purchase and in the management of the procurement procedure.

9. There should be a provision to ensure a continuous review threshold levels, and it is subject to secondary legislation or regulations.

10. Law No. 96 of 2007 on public procurement work rule concessions, which is not permitted by the EU directive. This should be examined urgently. Development and adoption of a new law regulations in this regard.

11. It would be preferable that Law No. 96 of 2007 on public procurement obligations for contracting authorities to provide operators such as transparency, equal treatment, etc.

12. The need to implement the criteria for inclusion in the list of prohibited suppliers and materials requiring contracting authorities to prepare necessary if an operator has failed to fulfill contractual obligations.

13. Closed Procedure seems to be based on the pro-

cedure restricted / limited to the EU, but can be used only when certain conditions are met, which is not a requirement in the EU model. We recommend removing these circumstances.

14. It is assumed that there is the prospect that the request for bids to be considered legal within the EU regime, and this should be re-stated as the basic award criteria price.

15. The general approach for establishing time limits strictly correspond to the EU model, but the actual time limits are less than the minimum required under the EU regime and therefore must be changed.

16. The overall award criteria is less satisfactory and should be reviewed taking into account the approach adopted by the EU, which the Public Procurement Act 2007 seeks to reproduce.

17. With regard to details of the winning bidder, there is a requirement to notify unsuccessful bidders within 10 days of the conclusion of the contract. This is not in accordance with the EU model, which requires notification of award to all bidders, including the winning bidder before signing the contract.

18. It is not clear how it works period of 10 days for filing complaints, especially if the circumstances constituting grounds of appeal relate to the rejection date or the date on which reasons are given.

19. The provisions relating to dispute settlement requires substantial revision and should be developed. There may be some advantages in trying to reproduce the legislation process is said to be a lucrative and successful now in Moldova.

20. There are no provisions on the powers of the court, which would be a significant deficiency, given that panel (group of judges) who makes decisions on appeals within the agency meets the requirements set out in the review bodies EU model.

21. requirements for suspension currently are excessive and should be reviewed.

22. It is not possible for the Agency to receive and record complaints after contractului and declare such contracts as void. This should be examined.

It is recommended that at least 24 disputes are heard by a panel / external panel, consisting of a person who has the status of a judge or has the qualifications to be appointed judge.

These proposals remain the obligations undertaken by the Republic of Moldova in the context of the Association Agreement on economic developments.

Bibliography:

1. Legea nr. 96-XVI din 13.04.2007 privind achizițiile publice.

2. Directiva Consiliului 71/304/CEE cu privire la abolirea restricțiilor privind libertatea de prestare a ser-

viciilor în cadrul contractelor de lucrări publice și privind atribuirea contractelor de lucrări publice contractanților care activează prin intermediul agenților sau sucursalelor, JO Ediție specială (II).

Roman MEREUTSA

3. Directiva Consiliului 71/305/CEE din 26 iulie 1971 privind coordonarea procedurilor pentru atribuirea contractelor de lucrări publice, JO Ediție specială 1971 (II).

4. Directiva Consiliului 77/62/CEE din 21 decembrie 1976 de coordonare a procedurilor pentru atribuirea contractelor de aprovizionări publice, JO L 13 din 15 Ianuarie 1977.

5. Directive 80/767/CEE, JO L 215 din 18 august 1980. Directiva dată a implementat obligațiunile comunitare în conformitate cu Acordul AGTC din 1979 cu privire la achizițiile publice.

6. Directiva Consiliului 88/295/CEE din 22 martie 1988 de modificare a Directivei 77/62/CEE cu privire la coordonarea procedurilor de atribuire a contractelor de aprovizionări publice și de abrogare a anumitor prevederi din Directiva 80/767/CEE, JO L 127 din 20 mai 1988.

7. Directiva Consiliului 89/665/CEE din 21 decembrie 1989 privind coordonarea legilor, regulamentelor și prevederilor administrative cu privire la aplicarea procedurilor revizuite la contractele de lucrări și aprovizionări publice, JO L 395 din 30 decembrie 1989.

8. Directiva Consiliului 90/531/CEE din 17 septembrie 1990 cu privire la procedurile de achiziții în cazul entităților care activează în sectoarele de ape, energie, transport și telecomunicații, JO L 297 din 29 octombrie 1990.

9. Directiva Consiliului 92/13/CEE din 25 februarie 1992 de coordonare a legilor, regulamentelor și prevederilor administrative cu privire la aplicarea normelor comunitare la procedurile de achiziții în cazul entităților care activează în sectoarele de ape, energie, transport și telecomunicații, JO L 76 din 23 martie 1992.

10. Directiva Consiliului 92/50/CEE din 18 Iunie 1992 privind coordonarea procedurilor pentru atribuirea contractelor de servicii publice, JO L 209 din 24 iulie 1992.

11. Directiva Consiliului 93/36/CEE („Directiva privind aprovizionările”) din 14 Iunie 1993, JO L 199 din 9 august 1993.

12. Directiva Consiliului 93/37/CEE (y/the Works Directive”) din 14 Iunie 1993, JO LI 99 din 9 august 1993.

13. Directiva Consiliului 93/38/CEE din 14 iunie 1993 privind coordonarea procedurilor achizițiilor publice în cazul entităților care activează în sectoarele de ape, energie, transport și telecomunicații, JO L 82 din 25 martie 1994.

14. Directiva 2004/17/CE a Parlamentului European și a Consiliului din 31 martie 2004 privind coordonarea procedurilor achizițiilor publice în cazul entităților care activează în sectoarele de ape, energie, transport și telecomunicații, (Directiva privind Utilitățile), JO L 134 din 30 aprilie 2004.

15. Directiva 2004/18/CE a Parlamentului European și Consiliului din 31 martie 2004 cu privire la coordonarea procedurilor pentru atribuirea contractelor de lucrări publice, contractelor de aprovizionări publice și contractelor de servicii publice (Directiva privind Sectorul Public), JO L 134 din 30 aprilie 2004.

16. Directiva 2007/66/CE a Parlamentului European și Consiliului din 11 decembrie 2007 de modificare a Directivei Consiliului 89/665/CEE și 92/13/CEE privind îmbunătățirea eficacității revizuirii procedurilor de atribuire a contractelor publice, JO L 335 din 20 decembrie 2007.

17. Directiva 2009/81/CEa Parlamentului European și Consiliului din 13 iulie 2009 privind coordonarea procedurilor pentru atribuirea anumitor contracte de lucrări, de aprovizionări și de servicii din partea autorităților sau entităților contractante în domeniul apărării și securității, și modificarea Directivei 2004/17/EC și 2004/18/EC, OJ 216 din 20 august 2009.

18. Regulamentul Comisiei (CE) nr. 213/2008 din 28 noiembrie 2007 de modificare a Regulamentului (CE) nr. 2195/2002 a Parlamentului European și Consiliului privind Vocabularul Comun al Achizițiilor (VCA) și Directivele 2004/17/CE și 2004/18/CE ale Parlamentului European și Consiliului cu privire la procedurile achizițiilor publice, privind revizuirea VCA, JO L 74 din 15 martie 2008.

19. Regulamentul Comisiei (CE) nr. 1564/2005 de modificare a Regulamentului (CE) nr. 2195/2002 cu privire la Vocabularul Comun al Achizițiilor din 16 decembrie 2003.

20. Regulamentul Comisiei nr. 2195/2002 cu privire la Vocabularul Comun al Achizițiilor din 5 noiembrie 2002).

21. Regulamentul Comisiei (CE) 1150/2009 din 10 noiembrie 2009 de modificare a Regulamentului (CE) nr. 1564/2005 privind formele standarde pentru publicare în cadrul achizițiilor publice în conformitate cu Directiva Consiliului 89/665/CEE și 92/13/CEE, JO L 313 din 28 noiembrie 2009.

22. Regulamentul Comisiei (CE) 1177/2009 din 30 noiembrie 2009 de modificare a Directivei 2004/17/CE, 2004/18/CE și 2009/81 /CE a Parlamentului European și Consiliului cu privire la aplicarea pragurilor respective pentru procedurile de atribuire a contractelor, JOL 314 din 1 decembrie 2009.

23. Directiva Comisiei 66/683/CEE din 7 noiembrie 1966 de eliminare a tuturor diferențelor dintre tratarea produselor naționale și a produselor care, în conformitate cu articolele 9 și 10 ale Tratatului, trebuie să fie admise pentru libera circulație, în ceea ce privește legile, regulamentele sau prevederile administrative ce interzic utilizarea produselor menționate și prescriu utilizarea produselor naționale sau stipulează o atare utilizare ca obiect de profitabilitate, JO 220 din 30 noiembrie 1966.

24. Directiva Comisiei 70/32/CEE din 17 decembrie 1969 privind furnizarea bunurilor către Stat, autorități locale și alte organe publice, JO L 13 din 19 ianuarie 1970.

25. Hotărârea Comisiei din 7 ianuarie 2005 cu privire la normele detaliate pentru aplicarea procedurilor stipulate în articolul 30 al Directivei 2004/17/CE a Parlamentului European și Consiliului de coordonare a procedurilor de achiziții în cazul entităților ce activează în sectoarele de ape, energie, transport și servicii poștale, JOL 134 din 30 aprilie 2004.

APPLICATION OF EU LAW INTO NATIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN
THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

26. Anexa1: Scrisoarea către Direcția Juridică a MDRC nr. 04/2-11 din 28.01.2014, Executor: Roman Mereuță.

27. Anexa 2: Scrisoarea către Direcția construcții materiale de construcții și tehnologii moderne a MDRC nr. 04/2-10 din 28.02.2012, Executor: Roman Mereuță.

Резюме

Принятие законодательства ЕС по вопросам политики государственных закупок создали условия для открытой конкуренции и подъема рынка в этой области. Эта цель дало возможность развитию европейских компаний которые стали конкурентоспособными на мировых рынках и Европы. Поэтому целесообразно разработать национальное законодательство о государственных закупках. Очевидно, что они согласованы национальные правила в государствах-членах и присоединении к ЕС. ЕС согласовал и координирует процедуры закупок и создает условия для различных предприятий для участия в тендерах и конкурсах на получение государственных контрактов в различных (сферах развития) областях. В этом случае все фирмы могут конкурировать на получение государственных контрактов на основе равенства и объективных принципов. Очевидно, что эти принципы и условия политики ЕС найти в документах и директивах в этом отношении. Изучение литературы публикаций ЕС в этой связи, можно сделать вывод, следующие принципы и нормы права в политике государственных закупок ЕС: Конкуренция бесплатно для предприятий в государственных закупках; Рациональное использование государственных средств, гарантировать качество и выбор предложений; Доступ экономических операторов на внутренний рынок и на рынках третьих стран; Доступность операторы в «Государственный реестр государственных закупок» (SIA RSAP) (автоматизированной информационной системы).

Константин СИЧИНСКИЙ,

докторант Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СТРАХОВАТЕЛЯ В ДОГОВОРАХ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО АВТОСТРАХОВАНИЯ

Исходя из определения договора страхования, закрепленного в ст. 1301 Гражданского кодекса [1], **страхователем** является *сторона страхового договора, которая обязуется уплатить другой стороне (страховщику) страховой взнос (страховую премию)*.

Поскольку страхователь *«обязуется»*, т.е. *принимает на себя обязанность*, вытекающую из договора страхования, можно сделать вывод, что **страхователь** является *лицом, заключающим договор страхования со страховщиком*.

При этом (уточняет профессор Ю.Б. Фогельсон) вовсе не обязательно, чтобы:

- защищались интересы самого страхователя;
- именно страхователь получал страховую выплату;
- страховой взнос платил именно страхователь;
- страховой случай произошел со страхователем.

Не наличие страхового интереса, не страховой случай и даже не уплата страхового взноса, а именно участие в согласовании условий договора и только оно делает лицо страхователем [2, с. 70].

До недавнего времени, аналогичная позиция находила свое отражение и в Законе о страховании № 407-XVI от 21.12.2006, ст. 1 которого определяла **страхователя** как *лицо, заключившее договор страхования со страховщиком* (3, в редакции, действовавшей до 20.07.2012 г.).

Наряду с этим законодатель установил и специальный правовой статус для лица, которое не участвуя в заключении договора страхования, тем не менее приобретало все имущественные права (а также ряд неимущественных обязанностей) страхователя.

Так, в соответствии со ст. 1301 Гражданского кодекса [1], страховщик берет на себя обязанность при наступлении страхового риска выплатить страхователю или **третьему лицу (выгодоприобретателю страхования)** страховую сумму или страховое возмещение.

Таким образом, исходя из положений ст. 1301 Гражданского кодекса, таким третьим лицом, обладающим специальным правовым статусом является **выгодоприобретатель страхования**.

Учитывая, что в случае наличия в договоре страхования такого субъекта как **выгодоприобретатель**, договор заключается в *его пользу*, т.е. в пользу третьего, к такому договору и самому выгодоприобретателю в полной мере применимы положения ст. 721 Гражданского кодекса [1], согласно которой стороны договора могут установить, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, которое получает непосредственное право требовать производства исполнения в свою пользу. Не обязательно, чтобы третье лицо было определено или существовало на момент определения условий договора; достаточно, чтобы оно могло быть определено и существовало на дату исполнения договора.

При этом единственное условие, предъявляемое законом к **выгодоприобретателю страхования**, – это наличие у выгодоприобретателя *страхового интереса*, поскольку ч. (1) ст. 1308 Гражданского кодекса [1] прямо устанавливает, что для заключения договора страхования страхователь должен представить страховщику предложение в письменной форме (заявление), в котором указывает свой интерес и интерес выгодоприобретателя страхования.

Указанная ситуация, однако, изменилась с вступлением в силу 20.07.2012 г. Закона об изменении, дополнении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов № 94 от 26.04.2012 г. [4], которым была утверждена новая концепция относительно правового статуса страхователя.

Так согласно новой редакции ст. 1 указанного закона **страхователь** был определен как *лицо, которое заключило или в пользу которого заключен договор страхования со страховщиком* [3].

Одновременно, было введено новое понятие

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СТРАХОВАТЕЛЯ В ДОГОВОРАХ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО АВТОСТРАХОВАНИЯ

лицо, заключающее договор страхования, под которым понимается *лицо, заключающее договор страхования по страхованию риска в отношении другого лица и обязующееся выплачивать страховщику страховую премию без получения статуса страхователя* [3].

Таким образом, исходя из определений понятий «страхователь» и «лицо, заключающее договор страхования» можно сделать вывод, что действующий Закон о страховании Республики Молдова [3] отказался от определения **страхователя** как лица, участвующего в согласовании условий договора, выделяя теперь в качестве основного критерия *приобретение таким лицом прав, вытекающих из договора страхования*.

Как следствие, новое определение понятия «страхователь» поглощает понятие «выгодоприобретателя страхования», что ведет к отсутствию необходимости выделять его в качестве субъекта страхования, обладающего отдельным правовым статусом.

В то же время, возникает необходимость выделять в качестве субъекта страхования с отдельным правовым статусом **лицо, заключающее договор страхования**.

Вместе с тем, комплексный анализ положений Закона о страховании, Гражданского кодекса и Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами, позволяет заключить, что вышеизложенный вывод верен лишь для *договоров страхования имущества*.

Во-первых, несмотря на внесение вышеуказанных изменений (понятия «страхователя» и «лица, заключающего договор страхования») в Закон о страховании, положения Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами № 414-XVI от 22.12.2006 [5] **не претерпели соответствующих изменений**.

Так, в соответствии со ст. 2 данного Закона, **страхователь является физическое или юридическое лицо, заключившее договор обязательного страхования автогражданской ответственности** [5]. При этом в Законе отсутствует понятие *лица, заключающего договор страхования*.

Как следствие, в отношении определения правового статуса данного субъекта между Законом о страховании и Законом об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами возникает правовая коллизия, которая подлежит разрешению в порядке, предусмотренном Законом о законодательных актах № 780 от 27.12.2001 г.

В соответствии с частями (2)-(3) ст. 6 указанного Закона [6], общий законодательный акт содержит нормы права, применяемые ко всем общественным

отношениям или субъектам права либо к определенным видам отношений или определенным категориям субъектов без утраты нормами своего общего характера. Специальный законодательный акт содержит нормы права, применяемые исключительно к некоторым видам общественных отношений или категориям субъектов, строго определенным путем отступления от общего правила. В случае противоречия между нормой общего законодательного акта и нормой специального законодательного акта, имеющих равную юридическую силу, применяется норма специального законодательного акта.

Учитывая, что Закон о страховании осуществляет правовое регулирование *всех* страховых правоотношений, тогда как Закон об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами – *только одного конкретного вида страхования*, именно его положения носят **специальный характер** и, соответственно, **подлежат применению**.

Таким образом, в договорах страхования автогражданской ответственности **страхователем всегда** является лишь *лицо, непосредственно заключающее страховой договор*.

В то же время, нельзя не отметить, что, на первый, по данному вопросу, позиция отечественного законодателя несколько отличается от позиции, принятой в международной системе обязательного страхования автогражданской ответственности.

Так, в соответствии с п. 2.10. Внутреннего Регламента (Internal Regulations), принятого 30 мая 2002г. в г. Ретумно (о. Крит) Генеральной Ассамблеей Совета Бюро [7] в целях регулирования международной системы обязательного страхования автогражданской ответственности «Зеленая карта» («Green Card»), под «**страхователем**» (*‘insured’*) понимается **любое лицо, чья гражданская ответственность застрахована по страховому полису**.

Отметим, однако, что Пояснительный Меморандум к Внутреннему Регламенту (Internal Regulations Explanatory Memorandum) [8], уже переводит термин *‘insured’* как «**застрахованное лицо**», уточняя, что данный термин *означает любое лицо, чья ответственность перед третьими лицами покрывается страховым полисом. В соответствии с национальными правовыми нормами и положениями договора (страхования) не обязательно, чтобы это лицо было тем лицом, которое заключило договор страхования*.

Вместе с тем, учитывая, что официальными текстами, как Внутреннего Регламента, так и Пояснительного Меморандума являются английский и французский языки, а термин *‘insured’*, действительно может быть переведен и как «**страхователь**», и как «**застрахованное лицо**», хотя данные понятия и *не являются идентичными*, отечественный законо-

Константин СИЧИНСКИЙ

датель не только не стал, но и *не должен* был руководствоваться указанными положениями, поскольку предпочел осуществить более детальное разграничение правового статуса субъектов обязательного страхования автогражданской ответственности.

Вместе с тем, в страховании автогражданской ответственности такое лицо обладает еще одной немаловажной особенностью – оно в обязательном порядке должно страховать *собственную автогражданскую ответственность*.

Данный вывод вытекает из анализа положений ч. (1) ст. 16 Закона о страховании [3], согласно которым, в случае страхования гражданской ответственности страховщик обязан выплатить *возмещение за ущерб, ответственность за причинение которого несет страхователь*, в силу закона, перед пострадавшими третьими лицами и за судебные *расходы, понесенные страхователем* в гражданском деле.

Вместе с тем, законодатель не ограничивает право страхователя *дополнительно к собственной* застраховать и гражданскую ответственность третьих лиц. Так, согласно ч. (2) ст. 16 Закона о страховании [3], договором страхования может быть включена в страхование и гражданская ответственность *других лиц наряду с лицом*, заключившим договор.

В то же время, важность подобной оговорки для страхования именно автогражданской ответственности остается *дискуссионной*:

– с одной стороны, ст. 3 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [5], прямо предусматривает, что страхованию подлежит не только автогражданская ответственность владельца автотранспортного средства, но и его *пользователя* – лица, непосредственно управляющего авто транспортным средством, которым согласно ст. 2 данного Закона [5] может быть страхователь, лица, включенные в договор страхования, другие лица, управляющие автотранспортным средством *с ведома или без ведома владельца*;

– с другой стороны, согласно частям (2)-(3) ст. 1410 Гражданского кодекса [1], обязанность возмещения вреда (т.е. *гражданская ответственность*) возлагается на лицо, которое **владеет** источником повышенной опасности за исключением случая, когда оно докажет, что источник выбыл из обладания владельца в результате противоправных действий третьих лиц. В таком случае ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, несет лицо, противоправно завладевшее источником. Однако согласно ч. (2) ст. 8 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [5], *не считается застрахованным* риск *пользователя* автотранспортного средства, *не включенного в договор страхования*.

Таким образом, с одной стороны, по договору обязательного страхования автогражданской ответственности осуществляется страхование ответственности не только владельца, но и пользователя, а с другой стороны, в случае причинения ущерба *законным пользователем* автотранспортного средства гражданская ответственность возлагается на его *владельца*, тогда как в случае причинения ущерба *лицом, противоправно завладевшим* автомобилем, его гражданская ответственность не относится к страховым рискам.

Тем не менее, автору представляется, что прямое указание в законе на возможность для страхователя застраховать не только собственную гражданскую ответственность, но и гражданскую ответственность других лиц является *обоснованным и целесообразным*, поскольку позволяет избежать различного толкования соответствующих положений и способствует формированию единообразной практики их применения.

Во-вторых, автор подчеркивает, что изменение позиции законодателя относительно вышеуказанных определений (понятия «страхователя» и «лица, заключающего договор страхования») в целом никак не повлияло на общую правовую характеристику договора страхования, заключаемого в пользу третьего лица. Такой договор по-прежнему продолжает в полной мере подпадать под положения ст. 721 Гражданского кодекса [1], с той лишь разницей, что с учетом указанных изменений:

а) правовым статусом, предусмотренным «старым» законом для *страхователя*, теперь обладает **лицо, заключающее договор страхования;**

б) **страхователь** же наделен правовым статусом, предусмотренным «старым» законом для *выгодоприобретателя страхования*.

В целях иллюстрации данного вывода автор считает возможным привести в качестве примера Решение Суда Вулкэнешть по конкретному делу, вынесенное еще 09 июня 2010 года, т.е. до внесения в Закон о страховании вышеуказанных изменений:

Районный суд Вулкэнешть, рассматривая гражданское дело по исковому заявлению К.С. к ответчику X-leasing SRL и соответчикам страховой компании A SA и представительству страховой компании M SRL, о признании договора страхования КА-СКО недействительным, истребовании гос. номеров автомобиля и возмещения морального ущерба незаконными действиями к выводу, что согласно п.5.2.5 договора истец К.С., обязался оплатить все расходы по страхованию. Согласно п.8.6 данного договора, запрещена эксплуатация автомобиля если не произведены уплаты всех сумм в соответствии с.7.1. договора.

Согласно п.9.1 договора X-leasing SRL, обязано было застраховать автомобиль за счет К.С. Согласно

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СТРАХОВАТЕЛЯ В ДОГОВОРАХ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО АВТОСТРАХОВАНИЯ

но п.9.1.2 договора, X-leasing SRL обязано было ежегодно, за 14 дней до истечения срока договора страхования, вновь страховать данный автомобиль.

В соответствии с главой V договора лизинга от 22.08.2007 года, пункты 5.1.1-5.2.26, истцу К.С. не было запрещено заключать договора страхования на автомобиль.

Из пояснения сторон вытекает, первый ежегодный договор страхования КАСКО автомобиля истек в 2008 году и ответчик X-leasing SRL в нарушении условий договора лизинга, в 2008 году, не заключил новый договор страхования.

Ч. (1) ст. 15 Закона Республики Молдова о страховании предусматривает, что страхование проводится только в пользу собственника.

Данным законом не запрещается заключение договора страхования и другими лицами. Главное условие, чтобы он был заключен в пользу собственника.

Истец К.С. при заключении договора страхования автомобиля данное условие не нарушил.

Таким образом, истец К.С. в качестве лизингополучателя абсолютно законно заключил договор страхования КАСКО находящегося у него в пользовании автотранспортного средства в пользу собственника автомобиля X-leasing SRL [9].

В то же время, автор считает необходимым обратить внимание, что несмотря на внесение вышеуказанных изменений в Закон о страховании, положения ст. 1301 Гражданского кодекса («...выплатить страхователю или третьему лицу (выгодоприобретателю страхования) ...») по-прежнему остаются неизменными. Более того, и в самом тексте Закона о страховании в новой редакции понятие «*выгодоприобретатель страхования*» можно встретить неоднократно.

При этом автор подчеркивает, что ни Гражданский кодекс, ни Закон о страховании не содержат определения указанного понятия.

Как следствие, возникает закономерный вопрос, если под *страхователем* понимается лицо, которое заключило или в пользу которого заключен договор страхования, то кого же имеет в виду законодатель под термином «*выгодоприобретатель страхования*».

Ответ на данный вопрос, по мнению автора, может дать комплексное исследование положений ст. 3, 6 и 14 Закона о страховании [3].

Так, в соответствии со статьей 3, объектом страхования являются имущественные интересы, не противоречащие законодательству Республики Молдова, связанные с:

а) личностью *страхователя* или *выгодоприобретателя страхования*, его жизнью, здоровьем и трудоспособностью (*личное страхование*);

б) имуществом, кредитами и гарантиями, финансовыми потерями физических и юридических лиц (*имущественное страхование*);

с) ответственностью страхователя перед физическими или юридическими лицами за причиненный им ущерб (*страхование гражданской ответственности*).

Согласно части (2) статьи 6, в *страховании жизни* сумма, подлежащая выплате *страхователю* или *выгодоприобретателю страхования* при наступлении события, предусмотренного договором страхования, представляет собой страховую компенсацию, в то время как, согласно части (3), в *страховании имущества или гражданской ответственности* сумма, которую страховщик должен выплатить *страхователю* с целью возмещения ущерба, причиненного страховым случаем, представляет собой страховое возмещение.

Наконец, в соответствии с ч. (2) ст. 14 «Специфические условия договора страхования жизни», страховая компенсация выплачивается *страхователю* или в случае его смерти *выгодоприобретателю страхования*, им назначенному.

Комплексный анализ вышеизложенных положений позволяет сделать вывод, действующее законодательство Республики Молдова о страховании предполагает наличие такого субъекта как **выгодоприобретатель страхования** исключительно в договорах страхования жизни (личного страхования), в то время как в договорах имущественного страхования (в том числе добровольного имущественного автострахования КАСКО) и договорах страхования ответственности (в том числе обязательного страхования автогражданской ответственности) выделение такого отдельного субъекта является *неправомерным*, поскольку его правовой статус полностью поглощается правовым статусом *страхователя*.

Вместе с тем, автор подчеркивает, что данный вывод не вытекает прямо из положений Закона о страховании, а является результатом его комплексного правового анализа, что противоречит положениям п. а) и е) ст. 19 Закона о законодательных актах [3], согласно которым предложения закона строятся в соответствии с правилами грамматики так, чтобы мысли излагались верно, сжато, не допуская двоякого толкования, и должны быть доступными для понимания всеми заинтересованными субъектами, а используемая терминология употребляется в таком же значении и имеет такую же форму, как и в других законодательных актах и в нормах законодательства Сообщества; используется один и тот же термин, если он правилен и если его повторное употребление исключает неясность.

Как следствие, в целях избежания двойного толкования и недопущения неясности относительно правового статуса *выгодоприобретателя страхования*, автор считает целесообразным дополнить ст. 1 Закона о страховании понятием «**выгодоприобретатель страхования**» под которым следует понимать

Константин СИЧИНСКИЙ

– назначенное страхователем в договоре страхования жизни или установленное законом лицо, которому выплачивается страховая компенсация в случае смерти страхователя.

Кроме того, автор считает необходимым и изменение данного в той же статье понятия «лицо, заключающее договор страхования». Ранее автором уже было продемонстрировано, что выделение подобного лица в качестве отдельного субъекта договора является актуальным **только** для договоров страхования имущества. Более того, в отдельных случаях использование законодателем данной формулировки может исказить смысл правовой нормы либо вообще лишить ее смысла.

В качестве примера можно привести уже цитированные ранее положения ч. (2) ст. 16 Закона о страховании [3], согласно которым, договором страхования может быть включена в страхование и гражданская ответственность других лиц наряду с *лицом, заключившим договор*.

Если исходить из буквального определения «лица, заключившего (заключающего) договор страхования», данного в ст. 1 Закона о страховании, то смысл данной нормы является противоречивым, поскольку слово «наряду» предполагает, что договором страхуется гражданская ответственность *лица, заключившего договор*, т.е. данное лицо является *страхователем*, в то время, как из определения «лица, заключившего (заключающего) договор страхования» следует, что такое лицо *не приобретает* правовой статус страхователя. И хотя, с одной стороны, в ст. 1 и ст. 16 законодателем используются все же несколько различные формулировки («заключающее» и «заключившее»), а с другой стороны, противоречивый смысл данной лишь в отношении русского текста закона (на государственном языке формулировки звучат как «contractant al asigurării» – в ст. 1 и «persoana, care a încheiat contractul de asigurare» – в статье 16), это не решает проблему в целом.

Как следствие, автор предлагает изменить понятие «лица, заключающего договор страхования» дополнив его слово «**имущества**».

Определив общий правовой статус *страхователя* в договорах имущественного страхования и страхования автогражданской ответственности, автор считает возможным перейти к более подробному правовому исследованию *данного субъекта* непосредственно в договоре добровольного имущественного автострахования КАСКО и договоре обязательного страхования автогражданской ответственности.

Законодательство Республики Молдова не предъявляется каких-либо специальных требований к лицу, которое может быть страхователем.

Таким образом, можно сделать вывод, что в качестве **страхователя** может выступать *любое физическое или юридическое лицо*.

Вместе с тем, не следует забывать, что Гражданским кодексом предъявляются общие требования о правосубъектности участников гражданских правоотношений.

Так, в случае, когда страхователем выступает *физическое лицо*, закон также требует обладания им полной дееспособностью.

Согласно ст. 19 Гражданского кодекса [1], дееспособностью является способность лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, лично создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

Ч. (1) ст. 10 Гражданского кодекса [1] устанавливает, что полная дееспособность физического лица возникает с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцати лет, и именно с этим моментом закон связывает приобретение физическим лицом права заключения любых сделок.

В то же время, закон указывает отдельные случаи, когда лицо может получить полную дееспособность и до достижения им указанного возраста. Так часть (2) вышеупомянутой статьи [1, с. 10], указывает, что несовершеннолетний, вступивший в брак, приобретает полную дееспособность. Часть (3) той же статьи [1, с. 10] гласит, что несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, либо с согласия родителей, усыновителей или попечителя осуществляет предпринимательскую деятельность.

Заметим, что Гражданский кодекс предусматривает возможность заключения сделок также и несовершеннолетними с четырнадцати лет. При этом ч. (2) ст. 12 [1] дает исчерпывающий список таких сделок:

- а) мелкие бытовые сделки, подлежащие исполнению в момент их совершения;
- б) сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения или государственной регистрации прав, возникающих на основании таких сделок;
- с) сделки по сохранению.

Таким образом, мы видим, что договор страхования под действие данной нормы не подпадает.

Однако следует также отметить, что законодательство предоставляет лицам с четырнадцати лет, обладающим частичной дееспособностью, возможность заключать такие сделки с согласия родителей, усыновителей или попечителя [1, ч. (1) с. 11]; лица с ограниченной дееспособностью могут заключать такого рода сделки с согласия попечителя [1, ч. (2) с. 25], а лица, не являющиеся дееспособными (либо признанные таковыми), как и лица, обладающие частичной дееспособностью, но не достигшие четырнадцати лет, – лишь через законного представителя.

Что же касается *юридических лиц*, то, в соответствии с ч. (1) ст. 60 Гражданского кодекса [1], право-

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СТРАХОВАТЕЛЯ В ДОГОВОРАХ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО АВТОСТРАХОВАНИЯ

способность юридического лица приобретается в момент его государственной регистрации и прекращается в момент его исключения из государственного реестра.

Вместе с тем, как уже было продемонстрировано выше, существуют и некоторые дополнительные требования, которые закон предъявляет уже непосредственно к *страхователю в определенном виде страхования*.

Так, страхователем по договору добровольного имущественного автострахования КАСКО, по общему правилу, может выступать только **собственник** автотранспортного средства.

Данный вывод, вытекает из положений ч. (1) ст. 15 Закона о страховании [3], согласно которому страхование имущества может быть осуществлено только в пользу собственника имущества, если законом или договором не предусмотрено иное.

В данном контексте, автор подчеркивает, что указанное ограничение существует именно в отношении того лица, в чью пользу осуществляется страхование, т.е. *страхователя* в том смысле, который придал ему Закон о страховании в последней редакции.

При этом, в свете вышеизложенных изменений к Закону о страховании, вовсе не обязательно, что страхователь сам заключал договор добровольного имущественного автострахования КАСКО. Более того, иногда законом прямо установлено обратное.

Для иллюстрации можно привести использованный ранее пример лизинга.

Согласно п. h) ч. (1) ст. 7 и п. е) ч. (1) ст. 13 Закона Республики Молдова о лизинге № 59-XVI от 28.04.2005 [10], обязанность по страхованию предмета лизинга лежит на *лизингополучателе*, который, естественно, собственником данного имущества не является.

Как следствие, если лизингополучатель заключает договор имущественного страхования в отношении объекта лизинга и, соответственно, приобретает статус *лица, заключающего договор страхования*, именно лизингодатель, который и является собственником имущества, приобретает правовой статус *страхователя*, и именно ему, а не лизингополучателю подлежит выплата страховое возмещение.

Вместе с тем, учитывая оговорку об *автономии воли* («если договором не предусмотрено иное») в ст. 15 Закона о страховании, автор не видит никаких действительных препятствий ни для выступления в качестве *страхователя* лица иного, нежели собственник, ни для множественности лиц на стороне *страхователя*. Однако на практике участники правовых отношений избегают изменения вышеуказанного ограничения. Так, например, в случае залога автотранспортного средства, стороны устанавливают для залогодателя обязанность по страхованию предмета залога. Вместе с тем, они не устанавливают залогодержателя

в качестве *страхователя* (или *выгодоприобретателя страхования*, как это могло быть до изменения Закона о страховании), а идут по пути распространения залога на страховое возмещение. Подобной позиции придерживается и законодатель. Так, в соответствии с положениями п. 6 ст. II Закона № 173 от 25.07.2014 г. о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты (в силу с 08.11.2014 г.) [11], ч. (2) ст. 9 Закона о залоге № 449-XV от 30 июля 2001 года [12] будет изложена в следующей редакции «Залог распространяется на страховое возмещение, за исключением ситуации, когда страховой случай имел место по вине залогодержателя или если договором о залоге предусмотрено иное».

Аналогичное требование предъявляется законом и к *страхователю* по обязательного страхования автогражданской ответственности. В данном контексте, автор напоминает, что в отличии от добровольного имущественного автострахования под *страхователем* в обязательном страховании автогражданской ответственности понимается **именно** лицо, *заключившее* договор страхования, причем застраховавшее *собственную* автогражданскую ответственность.

Таким лицом, в соответствии с ч. (1) ст. 8 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [8, с. 2] является исключительно **владелец автотранспортного средства**, т.е. *собственник автотранспортного средства по праву, а также лицо, владеющее автотранспортным средством на основе договора имущественного найма, лизинга или иных документов, предусмотренных законодательством*.

При этом, законодательство о страховании не только устанавливает специальное требование к страхователю в договорах добровольного имущественного автострахования и обязательного страхования автогражданской ответственности (быть собственником/ владельцем автотранспортного средства), но и устанавливает специальные правила на случай, если такому требованию начинает соответствовать другое лицо.

Так, в случае договора добровольного имущественного автострахования подлежат применению положения частей (8)-(9) ст. 15 Закона о страховании [3], согласно которым, в случае отчуждения застрахованного имущества **приобретатель** имеет право выбора между *продлением* срока действия или *расторжением* договора страхования. При этом для продления договора, продавец должен в течение 10 дней со дня отчуждения застрахованного имущества проинформировать страховщика об отчуждении, а страховщик, в свою очередь, должен пересчитать страховую премию, подлежащую уплате новым страхователем, и соответственно уменьшить или увели-

Константин СИЧИНСКИЙ

читать страховую премию за неистекший период действия договора страхования.

В случае же договора обязательного страхования автогражданской ответственности надлежит руководствоваться ч. (4¹) ст. 8 Закона об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами [3], которая предусматривает, что при отчуждении автотранспортного средства *приобретатель* имеет возможность *изменить* страховой договор либо, если риск приобретателя застрахован на основе данного договора, *сохранить* его.

Подводя итог настоящей работе, автор считает, что в свете последней редакции Закона о страховании № 407-XVI от 21.12.2006, можно сделать следующие **выводы** относительно правового статуса *страхователя* в договорах автострахования:

– *во-первых*, следует **различать** понятие и правовой статус *страхователя* в договоре добровольного имущественного автострахования КАСКО и договоре обязательного страхования автогражданской

ответственности, которые хотя и являются близкими по своему содержанию, тем не менее, *не идентичны*;

– *во-вторых*, в целях избежания двойного толкования и недопущения неясности, автор считает целесообразным дополнить ст. 1 Закона о страховании понятием **«выгодоприобретатель страхования»** под которым следует понимать – *назначенное страхователем в договоре страхования жизни или установленное законом лицо, которому выплачивается страховая компенсация в случае смерти страхователя*, а также изменить понятие **«лица, заключающего договор страхования»** дополнив его слово *«имуществва»*;

– *в-третьих*, автор обращает внимание, что, фактически, *единственным* требованием, соответствием которому является *необходимым (обязательным)* условием для приобретения статуса страхователя по автостраховому договору **является обладание лицом (в собственности либо во владении) автотранспортным средством**, в отношении которого и заключается договор.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Республики Молдова. Законом № 1107-XV от 06.06.2002 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, 22 июня, № 82-86, с. 661.

2. Введение в страховое право. Просто о сложном. Фогельсон Ю.Б. 2-е издание. – Москва: БИК, 2001, с. 237.

3. О страховании. Закон № 407-XVI от 21.12.2006 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2007, 06 апреля, № 47-49, с. 213.

4. Об изменении, дополнении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов. Закон № 94 от 26.04.2012 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2012, 20 июля, № 149-154, с. 484.

5. Об обязательном страховании гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами. Закон № 414-XVI от 22.12.2006 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2007, 09 сентября, № 32-35, с. 112.

6. О законодательных актах. Закон № 780 от 27.12.2001 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, 14 марта, № 36-38, с. 210.

7. Internal Regulations adopted by the General

Assembly in Crete on 30 May 2002 and revised in Lisbon on 29 May 2008 and in Istanbul on 23 May 2013 – <http://www.cobx.org/content/default.asp?PageID=58&DocID=66953>.

8. Internal Regulations Explanatory Memorandum – Issued 2003, Latest Update in 2013 – <http://www.cobx.org/content/default.asp?PageID=58&DocID=67017>.

9. Решение Суда Вулкэнешть от 09 июня 2010 г. по делу № по делу № 2-81/10 – http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jvl/get_decision_doc.php?decision_key=49E3A5FF-D185-DF11-84BB-00215AE003CB&case_title=Dosar-52-2-45-25012010-2537.

10. О лизинге. Закон № 59-XVI от 28.04.2005 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova Moldova, 2005, 08 июля, № 92-94, с. 429.

11. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты. Закон № 173 от 25.07.2014 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2014, 08 августа, № 231-237, с. 531.

12. О залоге. Закон № 449-XV от 30 июля 2001 года г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2001, 02 октября, № 120, с. 863.

Summary

In this article the author makes comparative analysis of the specifics of the insured party legal status in the fully comprehensive motor insurance contracts and compulsory civil liability insurance in respect of the use of the motor vehicle contracts. The research is based on the studies of normative acts, juridical practices and scientific works in legal sphere. Significant part of this article is consecrated to the study of the influence the changes in the Law on insurance adopted on 20.07.2014 have on the legal status of the insured party.

Keywords: motor insurance, fully comprehensive insurance, compulsory civil liability insurance in respect of the use of the motor vehicle, insured, beneficiary.

George РУСНАК,
академик, вице-президент Академии наук
Республики Молдова

Ольга КРЕЦУ,
докторант, Университет политических и экономических
европейских знаний имени Константина Стере

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ (НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ)

Инструменты традиционной дипломатии не приносят результатов вот уже много лет. Последние попытки разрешения конфликта в форматах международной безопасности и переговоров зашли в тупик. В то же время ниша народного участия в разрешении конфликтов остается свободной и открытой от ограничений мировых политик.

Низкая оперативность дипломатического реагирования на динамику современных международных конфликтов стала причиной развития на Западе и на Востоке культурно-цивилизационных моделей управления конфликтами. Народная дипломатия должна рассматриваться как метод разрешения конфликтов, направленный на формирование общественного мнения за рубежом и осуществляемый в основном не государственными актерами, участвующими в урегулировании конфликтов и миротворческой деятельности благодаря делегированию им государствами и международными организациями прав и компетенций в сфере международных отношений [1].

Народная дипломатия может предоставить существенный вклад для разрешения конфликта, отдавая свое предпочтение обеспечению диалога, преодолению неправильных представлений о вещах и ходу дальнейшего постановления вопроса. Так или иначе, через средства массовой информации и общение,

воспитание, культуру или экономические связи, инструменты народной дипломатии направлены на создание социального капитала и благоприятных условий для примирения. Народная дипломатия, скорее всего, уместна для ситуаций низкой интенсивности, затянувшегося конфликта, определенных историей антагонизма и недоверия, где она может разработать меры, способствующие обмену опытом, поддерживать взаимодействие и степень предсказуемости в отношениях и которая может привести в идеале к постепенному изменению неблагоприятных отношений. Продолжительная изоляция, наоборот, может привести к углублению враждебности, усугубить конфронтационные позиции и укрепить неправильные представления о ситуации.

В этом контексте, мы рассматриваем народную дипломатию широко как попытку «международного актера руководить международной обстановкой путем привлечения зарубежной общественности» [2], а также через призму того, что называется *новой народной дипломатией*, которая ставит акцент как на становлении гражданского общества так и политических актеров на международной арене. Народная дипломатия в ее новом формате является уже не только деятельностью государства, а становится процессом строительства отношений, где государство выступает в роли посред-

Георге РУСНАК, Ольга КРЕЦУ

ника между местным и международным неправительственным сектором. В своем новом формате народная дипломатия не просто односторонняя форма общения, а взаимовыгодное партнерство. В то время как международные переговоры определяют политические параметры разрешения конфликта, работа над подлинной трансформацией конфликта делается на уровне широких масс сторон - участниц конфликта.

Однако может ли народная дипломатия в вышеизложенном своем формате способствовать разрешению конкретно Нагорно-Карабахского конфликта? Ведь, разрешение международного территориального конфликта возможно лишь тогда, когда мировым сообществом дана его объективная политико-правовая оценка, прежде всего, следует строго разграничить историю и международное право, отделив их друг от друга, при выработке окончательного решения по урегулированию конфликта. Только на основе всестороннего, полного, исчерпывающего изучения причин и корней конфликта, оценки ситуации возможно достижение нижеследующих основных целей: 1) принятия сторонами (при участии посредников) справедливого решения; 2) юридически правильного и результативного применения общепризнанных международно-правовых норм; 3) обеспечения стабильного, долговременного, гарантированного мировым сообществом мира [3].

Другими словами, применение народной дипломатии является важным путем разрешения конфликтов, однако ее использование имеет свои ограничения и должно восприниматься реалистично. Нельзя ожидать, что процессы, которые требуют больше времени, такие как формальные переговоры или другие конкретные политические уступки будут иметь мгновенный результат, этот подход является поэтапным в построении атмосферы доверия. Народная дипломатия должна служить основой для диалога на своих собственных принципах или она рискует стать причиной политических разногласий и тупиков.

Нагорно-карабахский конфликт, который начался еще во времена СССР в 1988 г., является главным предметом разногласия между восстановившими независимость в 1991 г. Азербайджаном и Арменией, вызванного территориальными претензиями Республики Армения. Если изначально данный конфликт представлял собой выяснение отношений, переросших в уличные бои и гонения между двумя союзными республиками в составе одного федеративного государства, то впоследствии Нагорный Карабах стал предметом развернувшихся военных действий между двумя полноправными субъектами международного права. Изменив после восстановления независимости свой юридический статус, эти две республики, тем не менее, не сумели изменить ситуацию в разногласии по поводу территориальной принадлежности Нагорного Карабаха [4].

Данный конфликт не имеет краткосрочных решений и надежды на окончательное решение конфликта могут быть реальными, если вопросы будут решены на месте. Общая оценка конфликта кратко отражает исходные параметры нынешних политических, экономических и стратегических сценариев региональной политики в частности. Процесс демократизации, факторы этнической идентичности в регионе и в его окрестностях, региональная экономическая интеграция и внешнее вмешательство в региональную политику являются предпосылками для разрешения конфликта [5].

В процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта часто говорят о коллизии принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение, а стороны настаивают на примате одного принципа над другим. Таким образом, Азербайджан настаивает на примате принципа территориальной целостности, а Армения на праве народов на самоопределение и настаивает на том, что принцип территориальной целостности отнюдь не означает нерушимость границ [6, с. 40].

Составной частью принципа территориальной целостности являются соответствующие нормы международного права, охватывающие нерушимость границ и подтвержденные тем же заключительным Хельсинкским актом: «Государства- участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, так и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы» [6, с. 40-41]. В свою очередь данные нормы обязывают государства осуществить:

- 1) признание существующих границ в качестве юридически установленных в соответствии с международным правом;
- 2) отказ от каких-либо территориальных притязаний на данный момент или в будущем;
- 3) отказ от любых иных посягательств на эти границы, включая угрозу силой или ее применение.

Не нужно даже доказывать то, что все эти принципы в соответствии с правом международных договоров налагают на Армению определенные обязательства. Данные нормы давно уже являются международным обычным правом.

Что же касается принципа народов на самоопределение, международное право снова не на армянской стороне, так как право на самоопределение в своем широком смысле стало «мертвым» принципом международного права и приобрело более узкое понимание, такое как самоопределение меньшинств в культурном, религиозном и языковом плане. Доводами, приведенными армянской стороной в соответствии с конвенцией Монтевидео 1933 г., Нагорный Карабах как независимая республика должна быть признана на международном уровне. Однако Арме-

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ (НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ)

ния упускает тот факт, что согласно данной конвенции, государство как субъект международного права должно обладать [6, с. 42-43]: 1) постоянным населением; 2) определенной территорией; 3) собственным правительством; 4) способностью к вступлению в отношения с другими государствами.

На деле ничем таким сепаратистская территория не обладает. Оккупированная Арменией территория вышла далеко за пределы Нагорного Карабаха, сепаратистский режим никак не определил своего населения и не ввел понятия «гражданства», что в принципе невозможно сделать без определения территории. Собственное правительство отсутствует по умолчанию, а все решения принимаются на уровне Армянской Республики, и, наконец, ввиду непризнания «Нагорно-Карабахской Республики» ни одним мировым государством вступать в дипломатические или какие-либо другие отношения не представляется реальным.

В связи с вышесказанным, Армяно-Азербайджанский конфликт можно было бы охарактеризовать следующим образом [7, с. 97]:

1) Армяно-Азербайджанский нагорно-карабахский конфликт является классическим конфликтом между двумя суверенными государствами и подлежит урегулированию в строгом соответствии с Уставом ООН и общепризнанными принципами и нормами современного международного права. Отметим, что оба спорящих государства являются полноправными членами ООН.

2) Принцип, который непосредственно должен применяться по отношению к урегулированию армяно-азербайджанского конфликта, является принципом разрешения международных споров политико-дипломатическими и юрисдикционными средствами на основе норм международного права.

3) Эффективное применение данного принципа в конфликте возможно лишь при достижении единой позиции, основанной на согласованных волях государств-сторон в конфликте. В данном конфликте этого достичь весьма сложно, но возможно и реально, если убедить и заставить стороны строго соблюдать и выполнять общепризнанные нормы современного международного права, в том числе и резолюции Совета Безопасности ООН, членами которого являются оба государства.

Острая ситуация в Нагорном Карабахе заставила принять в ней участие посредников, таких как ООН, ОБСЕ, СЕ и ЕС. Попытки по урегулированию конфликта в некоторой степени сняли остроту конфликта, но не смогли решить его полностью. При этом во время переговорных процессов стало понятно, что активную роль в разрешении конфликта играет внутренняя политическая обстановка в Азербайджане и Армении. Нагорный Карабах для обществ обеих стран уже стал частью повседневной жизни, вызыва-

ет сильные эмоциональные переживания, как армян, так и азербайджанцев [8].

За более 20 лет международные организации в лице ООН, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Европейского парламента, Организации Исламской конференции приняли ряд резолюций, посвященных армяно-азербайджанскому конфликту. Все они сводятся к таким общим постановлениям, как вывод вооруженных сил Армении с территории Нагорного Карабаха, сохранение территориальной целостности Азербайджана, возвращение изгнанного населения в свои дома, обеспечение нормальных и равных условий жизни армянской и азербайджанской общин.

С самого начала конфликта между Арменией и Азербайджаном с целью аннексии части территорий Азербайджана, Совет Безопасности ООН принял четыре резолюции (№№ 822, 853, 874, 884) [9]. Однако данные акты так и не были выполнены впоследствии. В данных актах фактически от Армении требовался вывод войск с территории Азербайджана. Армянская сторона до сих пор игнорирует эти постановления, даже с учетом того, что она является полноправным членом ООН и обязана применить резолюции. С другой стороны, Совет Безопасности ООН со своей стороны имеет все полномочия, чтобы заставить Армению исполнить постановления, выставленные в резолюции, путем применения статьи 41 Устава ООН (применение невоенных санкций) или статьи 42 Устава ООН (применение военных санкций).

Минская группа ОБСЕ является основным посредником процесса мирного разрешения нагорно-карабахского конфликта. С 1997 г. сопредседателями Минской группы являются Российская Федерация, Франция и США. Консенсусный характер принятия решений в рамках ОБСЕ мешает выработке единой концепции урегулирования конфликта со стороны этой организации [10].

Принципиальные рамки урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе были предприняты еще на Лиссабонском саммите ОБСЕ в 1996 г. Сопредседателями Минской группы были рекомендованы три принципа, которые должны были стать частью урегулирования армяно-азербайджанского конфликта:

а) обеспечение территориальной целостности Республики Армении и Азербайджанской Республики;

б) самоопределение Нагорного Карабаха в составе Азербайджана с предоставлением этому региону наивысшей степени самоуправления;

в) обеспечение гарантий безопасности Нагорного Карабаха и всего его населения.

Армения была единственной страной, отказавшейся поддержать эти принципы и, к сожалению, за истекшее время в подходах Армении к урегулированию конфликта существенных изменений так и не произошло.

Георге РУСНАК, Ольга КРЕЦУ

Сопредседатели Минской группы, хотя и заявляли о неприемлемости сложившегося статус-кво, большую часть усилий направляли на предотвращение эскалации конфликта, нежели на его решение.

Основные элементы, квалифицирующие природу конфликта, были закреплены в документах, подготовленных докладчиками Парламентской ассамблеи Совета Европы (резолюция №1416 от 25 января 2005 г.) [11]. Помимо подтверждения факта оккупации территории Азербайджана и осуществления этнической чистки, было однозначно заявлено, что «независимость и отделение региональной территории от государства могут быть достигнуты только путем законного мирного процесса, основанного на демократической поддержке жителей такой территории, а не в результате вооруженного конфликта, следствием которого является изгнание на этнической почве и де-факто присоединения такой территории к другому государству».

Включение в состав Минской группы России дало новые надежды на разрешение конфликта, однако им суждено было не сбыться по той простой причине, что Россия больше защищала свои национальные интересы, нежели была готова дать конструктивные предложения по решению нагорно-карабахского конфликта.

Из пяти соседствующих стран Азербайджана, Россия является страной, с которой Азербайджан связывают близкие отношения, если учесть совместное советское прошлое. Россия также оказывает различную степень влияния на остальных соседей Азербайджана. Естественно, Россия преследует свои геополитические интересы в данном регионе, одним из которых является предотвращение распространения влияния западных держав, и в частности США [17].

Россия осуществляет двухуровневый подход в разрешении Нагорно-Карабахского конфликта. Совместно с США и Францией, она является сопредседателем Минской группы, и в то же время руководство Российской Федерации проводит личные встречи с президентами Армении и Азербайджана. Результатом ряда таких встреч стало подписание Майендорфской декларации, которая предполагала разрешение конфликта в рамках дипломатических мирных путей.

В ноябре 2008 г. после подписания Майендорфской декларации в урегулировании конфликта начался новый этап, инициированный Россией. В 2009 г. был опубликован т.н. Мадридский документ в следующем формате [16]:

1. Возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана;
2. Предоставление промежуточного статуса для Нагорного Карабаха, обеспечивающего гарантии безопасности и самоуправления;

3. Обеспечение коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом;

4. Определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем имеющего обязательную юридическую силу волеизъявления;

5. Возвращение всех внутренне перемещенных лиц и беженцев в места прежнего проживания;

6. Международные гарантии безопасности и проведение миротворческой операции.

По разным причинам эти принципы с самого начала подверглись резкой критике как армян, так и азербайджанцев. Армяне продолжают считать, что уступки, предусмотренные этим соглашением, нанесут ущерб национальным интересам Армении и Нагорного Карабаха, причем, наибольшее беспокойство вызывает принцип, согласно которому окончательный статус Нагорного Карабаха будет определен путем референдума. В 2009 году в текст были внесены небольшие, но существенные изменения: вместо «окончательный правовой статус Нагорного Карабаха будет определен путем референдума – всеобщего голосования населения Нагорного Карабаха» (ОБСЕ, 2006) была предложена формулировка «определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем имеющего обязательную юридическую силу волеизъявления» (ОБСЕ, 2010) [19].

Азербайджанская сторона сочла основные принципы неприемлемыми, полагая, что они не предусматривают возможности восстановления территориальной целостности Азербайджана, поскольку для определения своего будущего населению Нагорного Карабаха будет предоставлено право референдума или всеобщего голосования.

Позиция России в вопросе нагорно-карабахского урегулирования, строится на том, что азербайджанская и армянская стороны сами ответственны за процесс урегулирования конфликта. Россия готова поддержать компромиссную договоренность, которая устроит все вовлеченные стороны, а в случае ее достижения – выступит гарантом ее урегулирования. Официальная позиция Москвы выражается в ведении «равноудаленного диалога» между Ереваном и Баку путем подписания с обеими сторонами договоров о стратегическом партнерстве, тем самым взяв на себя обязанность урегулирования конфликта [20].

На данный момент Европейский Союз (ЕС) оказывает мало влияния на политику Южного Кавказа и вокруг него. В то же время данный регион исключительно важен для ЕС как источник топлива и энергоресурсов. Европейские корпорации вложили огромные деньги в строительство трубопроводов и добывающую промышленность Азербайджана. А европейские политики надеются с помощью альтернативного маршрута поставок получить большую свободу от России. Однако реализации этих планов угрожает тлеющий карабахский конфликт. Ведь в

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ (НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ)

случае начала вооруженного конфликта Армения угрожает атаковать нефтегазовую инфраструктуру, а в данном пункте ее интересы находятся в одном русле с интересами России.

Одним из основных направлений политики ЕС в регионе Южного Кавказа является урегулирование конфликтов, в том числе и нагорно-карабахского конфликта, создание системы региональной безопасности и сотрудничества. Таким образом, в 1998 г. ЕС аккредитовал своего представителя в Азербайджане, а в 2000 г. было утверждено постоянное представительство ЕС в Азербайджане [12]. Помимо этого, Европейский парламент отметил необходимость урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, который препятствует обеспечению безопасности в регионе. На основе доклада Пьера Гартона «Политика ЕС по отношению к Южному Кавказу» была принята резолюция, в которой отмечено, что армяне на оккупированных территориях осуществляли политику этнической чистки, а в целях урегулирования конфликта ЕС выступил с предложением освободить оккупированные территории Азербайджана (Агдам, Физули, Джабраил, Губадлы, Зангилан).

Однако, поскольку переговоры на официальном уровне зашли в тупик, ЕС решил обратиться за помощью к народной дипломатии. Таким образом, в сентябре 2013 года при поддержке ЕС британская миротворческая группа «International Alert» выпустила доклад, анализирующий причины провала мирных переговоров по Карабаху. Данный доклад включает в себя следующие общие выводы [13]:

- 1) конфликт выгоден правящим элитам;
- 2) мирный процесс переговоров оторван от народа;
- 3) необходимо создание переговоров, альтернативных существующим на официальном уровне;
- 4) неразвитость гражданского общества как главный камень преткновения на пути развития народной дипломатии.

Главным заключением доклада является тот факт, что, по мнению британских специалистов, пока народная дипломатия не влияет на политический курс, однако со временем, когда воспитанная в духе примирения молодежь вырастет, придет к власти и получит возможность принимать политические решения, тогда они нацелят свой взгляд на разрешение конфликта. На современном этапе миротворческие инициативы не решают конфликт, они меняют отношение к конфликту. А это является первым этапом к разрешению конфликта.

Безусловно, хорошо развитое гражданское общество в условиях демократии могло бы включиться в разработку программ, направленных на установление диалога между общинами. Как мы уже отметили в начале статьи, использование народной дипломатии благоприятно влияет на решение конфликта, когда с

точки зрения международного права конфликт исчерпан. В данной же ситуации «воспитанная в духе примирения молодежь» с легкостью может подвергнуться влиянию внешних сил, которые не всегда действуют в соответствии с международным правом и согласно национальным интересам пострадавшего государства (в нашем случае Азербайджанской Республики).

Анализ доклада британской миротворческой группы «International Alert» показывает, что в нем имеет место подмена основных исходных данных конфликта (агрессии Республики Армения в отношении Азербайджанской Республики, оккупация территории суверенного государства, этническая чистка азербайджанцев и представителей некоторых других национальностей с их исконных земель в Зангезуре, Нагорном Карабахе и семи прилегающих к нему районах и т.д.), преследующая цель дезориентировать мировое общественное мнение для сохранения статуса-кво. И это несмотря на совместное заявление руководителей государств, сопредседателей Минской группы, о недопустимости сохранения статуса-кво в конфликте.

ЕС концентрируется на продвижении народной дипломатии на уровне масс, через сбалансированное содействие общин обеих сторон конфликта, а не на уровне громких политических заявлений, которые могут усугубить существующие споры. Для поддержания нужной достоверности своих целей ЕС продвигает собственный план действий с точки зрения народной дипломатии [2, с. 61]. Другими словами, ЕС придерживается того же принципа, что и Россия, так называемого «равноудаленного диалога», пытается защитить свои интересы как Азербайджане, так и в Армении. Данная позиция не всегда благоприятна странам - участникам конфликта, так как позволяет продвижение идей, выгодных армянской стороне, но не соответствующих нормам международного права.

После краткого анализа конфликта можно заметить, что международные организации и ведущие державы рассматривали данный конфликт как внутренние дела между Азербайджаном и Арменией. Ни одно государство не обсуждало первопричины конфликта. Международным сообществом в данном конфликте не была дана правильная оценка, также как и природа конфликта не рассматривается досконально, или конфликт не воспринимается в серьез.

Говоря о народной дипломатии, мы не можем не затронуть неправительственный сектор как, пожалуй, один из главных секторов, который активно содействует и продвигает народную дипломатию, в том числе в разрешении обсуждаемого нами конфликта.

В Азербайджане существует множество организаций независимого гражданского общества, которые отличаются своей активностью и положительным влиянием на процессы. Эти организации обладают

Георге РУСНАК, Ольга КРЕЦУ

сильным потенциалом, профессиональными кадрами, широкой практикой и возможностью реализации масштабных программ. Они проявляют инициативу и осуществляют значимую деятельность по формированию гражданского общества, развитию демократических институтов и защиты прав человека. В настоящее время в Азербайджане сформированы профессиональные НПО, охватывающие такие области, как права человека, демократии, верховенства закона. Тем не менее, у организаций независимого гражданского общества имеются и слабые стороны – отсутствие широкого сотрудничества с международными НПО, деятельность в формате коалиций, слабые усилия по усилению гражданских инициатив [15].

Направленность деятельности азербайджанских НПО и активная поддержка данного сектора государством, а также участие данных НПО в международных проектах, позволяют раскрыть тему конфликта не только на местном уровне, но и на международном, создав независимую площадку для обсуждения вопросов, связанных с нагорно-карабахским конфликтом.

Западные исследователи склонны называть политическую и правовую среду в регионе непермиссивной, а неправительственный сектор Азербайджана недостаточно свободным и подвластным государственному сектору.

Как неформальная платформа взаимодействия с/или между негосударственными актерами, народная дипломатия предоставляет высокую степень гибкости в том контексте, в котором правовые и политические ограничения исключают другие типы взаимодействия, такие, например, как формальная дипломатическая работа. Однако государственное вмешательство в деятельность НПО несет в себе, скорее всего, предупреждающий характер, нежели желание лимитировать их деятельность. Руководство Азербайджана осознает, что народная дипломатия включает в себя подходы, которые принято называть многосторонней дипломатией, которая выступает в

качестве важнейшего дополнения к официальным переговорам между сторонами в разрешении конфликтов и примирении. Однако позволить неправительственному сектору полностью контролировать ситуацию и применять действия, несогласованные с государством, в условиях недостаточной развитости данной сферы и не устранённых последствий агрессии Республики Армения в неразрешенном конфликте, может, скорее всего, привести к срыву переговоров, эскалации конфликта, нежели к налаживанию диалога и примирению.

Выводы:

Неформальная натура народной дипломатии имеет особую ценность, потому что она позволяет использовать практичные и неполитизированные средства участия. Народная дипломатия работает на уровне взаимодействия от людей к народу (people-to-people) и, таким образом, затрагивает более обширное преобразование конфликта без политических предпосылок. Это обеспечивает прочную основу для укрепления доверия. Однако использование народной дипломатии в условиях неурегулированного конфликта достаточно рискованно, и может привести, скорее всего, к эскалации конфликта, нежели к его разрешению.

В условиях явной оккупации территорий, которые в соответствии с международным правом принадлежат Азербайджану, отсутствие конкретных решений со стороны конфликтующих сторон и мирового сообщества, способных привести к разрешению конфликта, использование народной дипломатии возможно лишь на уровне установления диалога между представителями общин. При этом крайне опасно рассматривать ее как единственный и верный путь разрешения нагорно-карабахского конфликта. Любое налаживание диалога посредством народной дипломатии возможно лишь после восстановления нарушенных международно-правовых норм. Все остальные случаи будут носить характер спекуляции.

Литература:

1. Манойло, А. В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов. – http://www.intelros.ru/pdf/Sientist/2013_10/3.pdf.

2. Kirova, Iskra. Public Diplomacy and Conflict Resolution: Russia, Georgia and the EU in Abkhazia and South Ossetia. – LA: published by Figuera press, 2012, с. 8.

3. Алиев, Намик. Международное право – основа для разрешения конфликтов и долговременного мира // Армяно-Азербайджанский нагорно-карабахский конфликт и приднестровский конфликт. Мат-лы межд. конф. (Кишинэу, 1 июня 2012 г.). Науч. ред.: проф. Намик Алиев; отв. за вып.: проф. Олег Балан. – Кишинэу, 2012, с. 14.

4. Ибрагимов, Ровшан. Неурегулированные конфликты как препятствие к региональному сотрудничеству

(на примере Армяно-Азербайджанского нагорно-карабахского конфликта) // Армяно-Азербайджанский нагорно-карабахский конфликт и приднестровский конфликт. Мат-лы межд. конф. (Кишинэу, 1 июня 2012 г.). Науч. ред.: проф. Намик Алиев; отв. за вып.: проф. Олег Балан. – Кишинэу, 2012. – 130 с.

5. Khalid Iram. Nagorno-Karabach Conflict. - <http://pu.edu.pk/images/journal/pols/Currentissue-pdf/karabakh.pdf> - 01.06.2014.

6. Макили-Алиев Камал. Некоторые аспекты провала международного права в нагорно-карабахском конфликте // Армяно-Азербайджанский нагорно-карабахский конфликт и приднестровский конфликт. Мат-лы межд. конф. (Кишинэу, 1 июня 2012 г.). Науч.

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗРЕШЕНИИ
КОНФЛИКТОВ (НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ)**

ред.: проф. Намик Алиев; отв. за вып.: проф. Олег Баллан. – Кишинэу, 2012, с. 40.

7. Осмокеску Николае. Международное право и замороженные конфликты // Армяно-Азербайджанский нагорно-карабахский конфликт и приднестровский конфликт: современное состояние и перспективы урегулирования. Мат-лы межд. конф. (Кишинэу, 1 июня 2012 г.). Науч. ред.: проф. Намик Алиев; отв. за вып.: проф. Олег Баллан. – Кишинэу, 2012, с. 97.

8. Офлаз, Б. Роль международных организаций в разрешении Нагорно-Карабахского конфликта.- http://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhdunarodnyh-organizatsiy-v-reshenii-problemy-nagornogo-karabaha#_=_ -05.06.2014

9. <http://mfa.gov.az/index.php?language=en&options=content&id=751>

10. Пашаева, Гюльшан. Армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт: современное состояние и перспективы урегулирования // Армяно-Азербайджанский нагорно-карабахский конфликт и приднестровский конфликт: современное состояние и перспективы урегулирования. Мат-лы межд. конф. (Кишинэу, 1 июня 2012 г.). Науч. ред.: проф. Намик Алиев; отв. за вып.: проф. Олег Баллан. – Кишинэу, 2012, с. 22-23.

11. <http://karabakhinfo.com/ru/manset/1565-o-trehpriincipah-uregulirovaniya-armyano-azerbaydzhanskogo-konflikta.html> - 02.06.2014.

12. Ахмедов, Эльчин. Сотрудничество Азербайджана с Европейским Союзом в контексте интеграции в Евроатлантические структуры // Право и Политология (Международный научный журнал, Кишинэу, Молдова), 2012, №19, с. 56.

13. <http://spb-nakhchivan.ru/node/691> - 02.06.2014.

14. Демократический Транзит: Модели Развития Стран Южного Кавказа / В. А. Кулик, В. М. Якушик, Е. Е. Синдеева, А. Н. Жуган. Под общ.ред. В. А.Кулик /. – Киев: ЦИПГО, 2013. – 18 - <http://www.politika.org.ua/dt.pdf>

15. <http://www.zerkalo.az/2014/evrosoyuz-podderzhal-azerbaydzhanskie-npo/> - 02.06.2014.

16. Statement by the OSCE Minsk Group Co-Chair countries. - <http://www.osce.org/mg/51152> - 24.06.2014

17. <http://www.ieras.ru/pub/monizkova.pdf>

18. Fuller Elizabeth. Azerbaijan's foreign policy and the Nagorno-Karabach Conflict: <http://www.iai.it/pdf/dociai/iaiw1312.pdf>

19. Ayunts Artak, Madrid Principles: Basis for Conflict Settlement or War? <http://caucasusedition.net/analysis/madrid-principles-basis-for-conflict-settlement-or-war/>

20. Чернявский Станислав. Возможные пути урегулирования нагорно-карабахского конфликта в пост-майендорфский период: http://www.isoa.ru/art-view.php?bc_tovar_id=796

Summary

The article aims to analyse the possibilities of using the public diplomacy as a tool for conflict resolution. Furthermore, the author provides the retrospective of attempts for solving the conflict, offered by the international organisations and major powers.

Public diplomacy works at the level of interaction from people to people, and thus affects the broader transformation of the conflict without political preconditions. This provides a solid foundation for confidence-building. However, the use of traditional diplomacy in the unresolved conflict is risky and can lead to escalation of conflict, rather than to resolve it.

Keywords: public diplomacy, international relations, regional conflict, international organisations.

Валериан ДОЛИДЗЕ,
доктор истории,
Тбилисский государственный
университет им. И. Джавахишвили

ГРУЗИЯ В СПИРАЛИ РАЗВИТИЯ

Артикуляция интересов является основой политического процесса. Она происходит в конкретном общественном контексте, в процессе политической коммуникации. Ее источником является стратификационная система общества, классовый, расовый, национальный и т.д. состав которого отражается в политической жизни, где потребности больших социальных групп превращаются в политические интересы, артикуляция и агрегация которых создает политический процесс.

Поэтому как общество в целом, так и ее отдельные части создают общественную базу артикуляции и агрегации интересов. Ее можно определить как совокупность определенных индивидов, на основе общих специфических признаков которых происходит осознание и превращение их общих интересов в политические требования. Интерес - это все то, что может приносить пользу конкретным людям, их группам, а также всему обществу. Такими могут быть конкретные законы, международные договоры, политические изменения и т. д. Например, для тех людей, которых объединяет такой общий признак, как владение малым бизнесом, этот признак порождает интерес в ведении фиксированного налога, который им принесет конкретную пользу – увеличит их капитал. Предметом интереса может быть революция, в результате чего одни теряют свой социальный статус и богатства, а другие, напротив, получают их. Например, французские крестьяне XVIII века были заинтересованы в революции, которая дала им землю. Чем меньше отличаются друг от друга составные группы общества, тем больше гомогенным является общественная база артикуляции и агрегации интересов. Усиление однородности социальной базы уменьшает вероятность того, что удовлетворение интересов одной части общества произойдет за счет другой. Глубина противоречия и степень различия между большими социальными группами определяют уровень разобщенности общества, существование разделительных

линий между ее частями, степень их близости и отдаленности, социальные дистанции.

На примере трех случаев состояния грузинского общества, мы можем наблюдать связь между ними и политическими изменениями. Каждый из этих случаев дает специфические образцы политической динамики и векторов движения общества. Первый случай охватывает период с 1800 по 1921 г.; второй – с 1921 по 1991 г.; третий – современную Грузию. Эти различные примеры социально- политического функционирования Грузии связаны между собой. Их можно представить в виде трех дуг одной спирали, которые расположены друг над другом и направлены вверх. Второй случай отрицает первый – формируется общество, которое в корне отличается от предшествующего состояния грузинского общества и на основе соответствующей политической динамики изменяет вектор политического движения; третий случай является отрицанием второго, в результате чего Грузия возвратилась к вектору первоначального развития, но уже на сравнительно высоком уровне, как в социально-экономическом развитии, так и с точки зрения хронологического и исторического времени. Грузия начинает переходить к третьей дуге спирали и находится в начале пути восхождения по ней. Поэтому сходство с первым случаем еще не доказано до конца.

1. Первая дуга спирали: Грузия в составе Российской Империи и в первой республике

В составе Российской империи долгое время (64 года) Грузия развивалась сначала в условиях крепостничества (1800–1864 гг.), а потом его пережитков (53 года – 1864–1917 гг.), когда земля еще оставалась в основном собственностью дворянства. В годы независимости (1918–1921), в результате крестьянских восстаний, определенные изменения произошли в аграрных отношениях, но они не были изменены радикально. Между членами грузинского общества существовали глубокие различия, как по культурному

ГРУЗИЯ В СПИРАЛИ РАЗВИТИЯ

развитию и владению частной собственностью, так и по общественным статусам, что порождало глубокую социальную дистанцию между ними. Интересы различных классов и сословий существенно расходились друг с другом. Поэтому реализация интересов одного класса могла осуществиться только за счет других классов, что затрудняло их агрегацию. Страна была аграрной, большинство населения неграмотным, что еще больше обостряло проблему коммуникации в условиях слабого развития транспорта. В обществе господствовали русский язык и администрация (исключением из этого является короткий период существования независимой первой Грузинской республики), коммуникации внутри страны были развиты слабо, отдельные уголки Грузии функционировали в изолированном режиме. Грузинская интеллигенция была малочисленной, грузинский народ еще не сформировался в нацию и внутренне был разобщен на основе существования различных сословий; очень слабо было развито чувство национальной идентичности, усилению которого препятствовало существование сословно – классовых и местных идентичностей, глубокие классовые противоречия и социальные дистанции.

Все это создавало морально-психологический климат, который характеризовался чувством сословно – классовой ненависти и недоверия. В этих условиях общая национальная идея не могла выполнять функцию всеобщей политической мобилизации. Этому мешала также и чувство опасности завоевания Османской империей, что способствовало усилению позиции православной России в Грузии. Особенной остротой отличались проблемы аграрных отношений. Как отмечает И. Джавахишвили, аграрные движения в Грузии имеют долгую историю. По его словам, документы свидетельствуют, что, несмотря на трудности политического положения, в продолжение всего восемнадцатого века в Грузии не прекращались аграрные движения. Крестьянство было поставлено дворянством в тяжелое положение. Поэтому в начале установления Российского господства в Грузии крестьянство с надеждой смотрело на Российское государство. В отличие от дворян, которые потеряли привилегии, оно надеялось, что Россия улучшит его положение. Поэтому в начале присоединения Грузии к России, когда кахетинское и картлийское дворянство было настроено антироссийски, крестьянство все еще оставалось в режиме ожидания. Как говорила одна из крестьянок князя Цицианова (Цицишвили) русскому чиновнику, она сохраняла верность к русским, но князья и дворяне ненавидели их (т.е. русских) [1, с. 100]. Несмотря на это, крестьянство активно участвовало в антирусских восстаниях – Мтиулетское (1804), Кахетинское (1812), Имеретинское (1819). Но это не означает, что в грузинском обществе были решены

острые сословные противоречия и исчезло взаимное недоверие между основными большими социальными группами. Через некоторое время, после первых антироссийских восстаний, крестьянство вновь переходит на сторону царизма, от которого ждало помощи против своих помещиков. Касаясь причин неудачи антироссийского заговора грузинских дворян 1832 года, И. Джавахишвили отмечает, что даже в том случае, если бы не было предательства, этот заговор все равно кончился бы неудачей, так как крестьянство не поддерживало его. В это время среди крестьян начинается массовое мирное движение за освобождение от крепостной зависимости. Они с надеждой обращались к Российским правительственным учреждениям. По свидетельству И. Джавахишвили, русское чиновничество стояло на стороне крестьянства. Поэтому, несмотря на тяжести русского режима, они не выступали против русского чиновничества, от которого ждали помощи в освобождении от крепостной зависимости [1, с. 111-117]. В Мегрелии (один из уголков Грузии – В.Д.) сословные противоречия переросли в крестьянское восстание.

Грузинские крестьяне в России видели не только защитника от завоевания Турецкой империей, но также и от работорговли, которая особенно расцветала в западной Грузии. Поэтому, как отмечает Н. Жордания, крестьяне Гурии (один из уголков Грузии – В. Д.) были воспитаны в такой атмосфере, что не могли представить себе свободную Грузию и даже не имели настоящего представления о значении этого слова. Грузия для них означала Картли (один из уголков Грузии – В. Д.) В их представлении не существовало единой Грузии. Они всегда думали о своей защите от турок и в этом деле своим помощником считали только Россию [2, с. 101].

Сословно-классовые противоречия не были преодолены и после уничтожения крепостничества. Сословно-классовая идентичность в условиях бедного общества разделяла народ на две части, которые противостояли друг-другу на основе несовместимости интересов, нейтральная артикуляция которых было невозможной, так как она не могла осуществиться без нанесения вреда чужим интересам. Глубокая социальная дистанция отделяла одну часть общества от другой, каждая из которых была представлена своей партией и идеологией. Такая дистанция являлась настолько устойчивой, что ее остатки продолжали существовать и при советской власти, во второй половине XX века. По свидетельству нашего респондента, его прабабушка, бывшая дворянка, запрещала ему играть с детьми соседей, предки которых до установления советской власти прислуживали ее семье.

До советизации Грузии источником социальной дистанции являлось глубокое различие по таким при-

Валериан ДОЛИДЗЕ

знакам, как собственность, образование, ценностная система, социальный статус, источник доходов, правовое положение.

В условиях незавершенного процесса формирования нации и бедного общества, которое характеризовалось остротой противоречия интересов, глубокой взаимной отчужденностью и социальной дистанцией между ее членами, основой политической мобилизации для большинства народа являлась не национальная, а классовая идентичность.

Искоренить разобщенность общества не смогло и правительство первой республики. Глубокая социальная дистанция, взаимное недоверие, неравномерное распределение собственности в условиях бедного общества – крайне затрудняло осуществление такой широкой артикуляции и агрегации, которая способствовали бы созданию всеобщего консенсуса. В меньшевистской Грузии ресурсы для нейтральной агрегации и артикуляции интересов отсутствовали. Поэтому они осуществлялись на фоне конфликта и насилия. В 1918–1919 гг. Грузия становится ареалом крестьянских восстаний. В феврале 1918 года начинается и продолжается в течение почти 7 месяцев революционное восстание в Лечхуми, где восставшие низложили органы местной власти и объявили советскую власть. В марте 1918 года начинается восстание в Гори, Рачах, Сачхере и др. районах. Эти восстания носили массовый характер. Только в селе Гоми действовал отряд в составе 1500 бывших солдат. Они вместе с рабочими Хашурского депо командовали отрядами, которые действовали в Хашурском районе в селах Хции и Осиаури. В конце июня, в районе Сачхере -Чиатура, восставшие заняли почту-телеграф, железнодорожную станцию, военный комиссариат, и в Сачхере была объявлена советская власть. Только в уездах Зугдиди и Сенаки в восстании участвовало до 11 тысяч крестьян. 28 июня 1918 года они заняли город Зугдиди [3, с. 173].

В июне 1918 года в Душетском уезде начинается крестьянское восстание, и была установлена советская власть. В этом уезде после подавления восстания к ответственности были привлечены 200 человек [3, с. 174].

В 1919 году широкий характер приняли восстания в уездах Озургети, Гори, Поти, Самтредия, районах Кахетий и др. 24 октября 1919 года восставшие, которые действовали в районах Хашури и Гори, заняли Атени, Али, Ховле, Медждрисхеви и другие села. Они захватили села от Квишхети до Карели и объявили советскую власть. В районе Самтредия большевистскими отрядами были заняты поселок Кулаши, Сачилао, Марани и др. Восстание приняло широкий характер в Озургетском уезде. В ноябре в поселке Чохатаури восставшими были заняты штаб гвардии, управление милиции, почта-телеграф и другие учреждения, и была объявлена советская власть.

К восставшим, которые действовали в Чохатаури, присоединились отряды Ланчути, Супса и Силаури [3, с. 180].

В первой республике крайне обострились отношения между трудом и капиталом, что выразилось в усилении забастовочного движения. Не были до конца решены аграрные проблемы. Меньшевики не смогли полностью искоренить те отношения, которые существовали между крестьянами и дворянами. Крестьянство продолжало платить помещикам часть своего урожая, разобщало село. Они были недовольными и коммунистами, которые в начале установления советской власти поддерживали эволюционное проведение земельной реформы. Поэтому крестьяне, в начальный период советской власти, самочинно разрабатывали земли помещиков и прекратили платить им часть урожая [3, с. 234-235].

Во время проведения коммунистами земельной реформы, крестьяне в массовом порядке изгоняли помещиков из своих поместий, овладевали их сельскохозяйственным инвентарем, распределяли между собой живую тягловую силу. В 1921 – 1925 гг. количество крестьянских хозяйств возросло до 413 940- на 87 598 единиц [4, с. 273].

2. На второй дуге спирали движения

В годы советской власти Грузия перешла на второй этап социально-экономического, политического и культурного развития, в результате которого изменился общественно-политический контекст функционирования политической системы, что в конце концов привело к краху реального социализма. В этом первостепенную роль сыграли изменения классовой структуры и классовой идентичности. Классы уже не являлись базами для артикуляции интересов и политической мобилизации. Это сделало нейтральной и бесконфликтной артикуляцию и агрегацию интересов. В месте с этим исчез самый значительный источник разобщения общества и противопоставления его различных частей друг другу. Был создан такой общественный контекст, который способствовал развитию национальной идентичности и солидарности. Но исчезновение классовой идентичности ослабило социальную базу существующей власти. Искоренение классовых различий создало материальные и политические условия для развития национальной солидарности. Начинается изменение общественной базы артикуляции и агрегации интересов, где место классовой идентичности занимает национальная идентичность. Дискретная и противоречивая общественная база артикуляции и агрегации интересов заменяется единой гомогенной базой. Поэтому артикуляция и агрегация объединяет членов общества, а не противопоставляет их друг другу. Такая база была создана на основе исчезновения старых классовых различий. Но это не являлось единственным и до-

ГРУЗИЯ В СПИРАЛИ РАЗВИТИЯ

статочным условием для возникновения конфликта между обществом и советской властью. Гомогенизация социальной базы артикуляции и агрегации интересов только во взаимодействии с другими переменными ослабили ее социальную базу. Параллельно с изменением старой, конфликтной классовой структуры, происходило массовое распространение Грузинского образования. На Грузинском языке получали как среднее, так и высшее образование. Это давало возможность молодежи в массовом порядке ознакомиться с историей Грузии, грузинской литературой и т. д. Грузинская школа, где главными предметами являлись Грузинский язык и литература, воспитывала молодежь на произведениях грузинских классиков, что способствовало развитию грузинского патриотизма. Преподавание общественно-политических предметов носило формальный характер. В обществе широко распространялись произведения литературы, которые были написаны на патриотические темы. Особенной заботой пользовался Грузинский язык, который был развит и усовершенствован в Советской Грузии. Во время советской власти значительно ослабло различие между членами общества по таким признакам, как уровень образования и культурного развития, социальный статус, что существенно уменьшало социальную дистанцию.

В результате социально-культурного развития общества и повышения материального уровня жизни народа появилась потребность в таких стандартах жизни, удовлетворить которые не могла экономическая система реального социализма. Поэтому начинает развиваться теневая экономика, которая как экономически, так и идеологически и политически ослабляла социализм и создавала благоприятные условия для восстановления капитализма. Связь между теневой экономикой и капитализмом можно наблюдать на примере истории создания одной парикмахерской во второй половине 60-х годов двадцатого века. Ее строительство не было предусмотрено планом, и следовательно, не были выделены деньги для этого. Поэтому чиновники министерства социального обеспечения незаконно разрешили двум парикмахерам на собственные деньги построить эту парикмахерскую. Таким образом, объект был построен, и он заработал. Парикмахерская была поставлена на баланс министерства. В рассмотренном случае парикмахеры проявили частную инициативу на основе собственной экономической ответственности. Для получения частной прибыли от вложенного капитала они работали с грубым нарушением прејскуранта, где обслуживание клиентов оценивалось в копейках, тогда как реальный сервис оплачивался в рублях. Для прикрытия такого нарушения закона они давали взятки чиновнику финансового органа и руководству. Эти парикмахеры теневые доходы получали также и от незаконной реализации через официальную торговую

сеть мыла и одеколонов, которые были выделены государством для их профессиональной деятельности. В этом случае доходы распределялись между ними и работниками торговли. Эту парикмахерскую можно считать гибридом социализма и капитализма. Теневая экономика получила массовый характер. Это обесценивало значение честного труда, распространяло чуждый социализму образ жизни, делегитимизировало социализм и даже подчиняло себе ее политическую систему, которая стала защищать антисистемные поведения и обеспечивать их воспроизводство. Доходы от теневой экономики распределялись между государственными и партийными руководителями. Например, в Зестафонском районе существовала традиция – от одной тонны урожая винограда секретарю райкома партии причиталось 5 рублей. От винных заводов района секретарю Зестафонского райкома М. Асланикашвили предлагали 20 000 – 30 000 рублей, но он категорически отказывался брать эти деньги. Но Асланикашвили оказался беспомощным перед натиском теневой экономики и уже на посту первого секретаря горкома г. Кутаиси застрелился при неясных обстоятельствах [5, с. 10]. Проходил процесс легитимации и расширения теневой экономики. В этих условиях широкое распространение получила криминальная идеология, которая все шире формировала поведение большей части общества. В таких социально-экономических обстоятельствах начиналось развитие идеологического процесса, который на базе национализма делегитимизировал СССР и социализм и на основе национальной идентичности направлял политическую мобилизацию против существующей политэкономической системы.

Если в условиях старой классовой структуры один человек трудился в пользу другого, в условиях советской системы место господина и собственника заняло общество, которое было представлено государством. Оно являлось не только нанимателем, но также обеспечивало занятых бесплатным и доступным образованием, здравоохранением, работой, жильем, социальным равенством. Государство создавало условие для их физического, духовного, культурного развития, индивидуального совершенства и т. д. Но в условиях низкой зарплаты и теневой экономики эти блага для широкого общества были замаскированы порочной практикой реального социализма.

Социальные изменения, произошедшие в Советской Грузии, изменили общественный контекст функционирования политической системы, что подготовило начало процессов либерализации и демократизации на основе постепенного открытия политической системы.

Повышение уровня образования и информированности граждан приходило в противоречие с политическими и идеологическими ограничениями существующей политической системы. Возросший

Валериан ДОЛИДЗЕ

уровень социального и культурного развития общества требовала, чтобы его управление происходило на основе широкого политического дискурса. Именно этим было вызвано развитие перестройки и гласности, что определило в Грузии появление массовых антикоммунистических и националистических организаций, которые на основе национальной идентичности артикулировали и агрегировали интересы, что объединяло вокруг них широкую общественность против советского государства. В условиях неконфликтной стратификационной системы, количественный рост интеллигенции и специалистов, значительное повышение социально-экономического и культурного уровня нации, общенационального потенциала вызвало усиление национальной самооценки и национальной гордости, что со своей стороны породило потребности в независимости и демократизации. Они определили политическую самоорганизацию общества на основе единой общественной базы, что изменило политическую систему Грузии и страну перевели на рельсы независимого развития. Это являлось политической формой реставрации капитализма в Грузии. Вместе с провозглашением независимости Грузии происходит поворот развития страны назад: Грузия вернулась к вектору капиталистического развития, который был изменен в 1921 году.

Широкое распространение теневой экономики, которая подорвала легитимность социализма, морально подготовило общество для принятия капитализма, который прошел инкубационный период в условиях «реального», «развитого» социализма. В Грузии он изнутри разломал политическую скорлупу, под прикрытием которой он долго развивался латентно и на поверхность общества вышел уже в независимой Грузии в виде победившей силы.

3. Восхождение по третьей дуге спирали – куда движется Грузия?

В августе 2013 года институт Гэллага провел исследование общественного мнения в 11 бывших советских республиках. Было опрошено 1000 респондентов. Погрешность выборки 2,7 – 3,8%. Опрос не был проведен в Узбекистане, Литве, Эстонии, Латвии. Во время опросов респонденты отвечали на следующие вопросы:

распад СССР принес больше пользы или вреда?

В целом, распад СССР вашей стране принес пользу или нанес вреда?

24% от общего числа опрошенных считает, что распад СССР принес пользу его стране, 51% – нет, 15% – не пользы, не вреда, 10% – не знает.

По странам эти ответы были распределены следующим образом:

1) Армения: польза – 12%; вред – 60%; не один из них – 10%; не знает – 12%;

2) Киргизия: польза – 16%; вред – 61; не один из них – 10%; не знает – 14%

3) Украина: польза – 23%; вред – 56%; не один из них – 8%; не знает – 14%

4) Россия: польза – 19%; вред – 55%; не один из них – 18%; не знает – 8%

5) Таджикистан: польза – 27%, вред – 52%, не один из них – 12%, не знает – 10%

6) Молдова: польза – 26%; вред – 42%, не один из них – 10%; не знает – 21%

7) Белорус: польза – 20%; вред – 38%; не один из них – 15%; не знает – 21%

8) Грузия: польза – 37%; вред – 33%; не один из них – 9%; не знает – 21%

9) Азербайджан: польза – 44%; вред – 31%; не один из них – 8%; не знает – 18%

10) Казахстан: польза – 45%; вред – 25%; не один из них – 12%; не знает – 19%

11) Туркменистан: польза – 62%; вред – 8%; не один из них – 9%, не знает – 22% [6].

Как видно из вышеприведенного материала, большинство опрошенных отрицательно оценивает распад СССР. Но Грузия оказалась в числе тех государств, где положительные оценки распада СССР превышают негативные оценки этого явления. Но в этой постсоветской стране, по сравнению с Туркменистаном, Казахстаном и Азербайджаном, разница между такими ответами минимальная. Эти постсоветские государства отличаются от других своими нефтегазовыми ресурсами, что, несомненно, влияет на пропорцию распределения в них отрицательных и положительных оценок. Грузия на постсоветском пространстве выделяется сильной прозападной и пронаатовской ориентацией, воинственным антисоветизмом, она значительно определила все перечисленные постсоветские государства в плане преодоления коммунистического прошлого. В ней проходит интенсивная пропаганда западных ценностей, критика СССР и всего того, что связано с коммунистическим прошлым Грузии. На этом фоне минимальная разница между теми респондентами, которые считают полезным распад СССР (37%) и теми, по мнению которых это явление нанесло вред стране (33%), дает повод для определенных выводов. Главным из них является вывод о падении влияния средств массовой информации на политическую социализацию. В Грузии, как и во многих постсоветских странах, идет идеологический процесс, который под вопросом ставит легитимность ее новейшей истории. Основой этого процесса является переворот в стратификационной системе общества. Вышеприведенные данные опроса дают основание думать, что в Грузии усиливается тот вектор политической социализации, который основывается на практическом опыте и направлен против того вектора, который исходит от средств массовой информации, школ и университетов. Ослабевает роль

ГРУЗИЯ В СПИРАЛИ РАЗВИТИЯ

ожиданий, СМИ и других факторов политической социализации и усиливается значение практики, семьи, исторической памяти. В этом отношении интересным является эволюция политической позиции нашего респондента. Он является учителем истории, ему 55 лет и живет он в одном из сел Горийского района. Наш респондент имеет свою землю, которую обрабатывает самостоятельно, а урожай сдает заводу. Но доход от такой деятельности не удовлетворяет потребности его семьи, и он вынужден дополнительно заниматься репетиторством. Наш собеседник со студенческой скамьи выделялся антисоветским настроением, которое долго сохранял и в независимой Грузии. За период существования постсоветской Грузии я дважды проводил с ним интервью и оба раза он демонстрировал сильное негативное отношение к СССР и советскому строю. В последнее, третье интервью, которое я провел в мае 2014 года и обнаружил, что его мировоззрение было радикально изменено. Он убежденно заявил, что старый строй (т.е. советский) был лучше сегодняшнего и тут же подчеркнул, что он являлся социалистом, а не коммунистом. Такое изменение его политического мировоззрения можно объяснить условиями его жизнедеятельности. Финансовое состояние ему не дает возможность нанять рабочих для обработки своей земли. Поэтому после школы он сам работает на ней. Но так как ему не хватает физической силы для обработки всей земли, ее часть остается небраработанной. По его словам, несмотря на то, что он очень устает от физической работы, вынужден готовить еще и пятнадцать абитуриентов. Этот человек выращивает яблоки, которые сдает заводу. По его словам, это трудоемкий процесс. Ему приходится пятнадцать раз в году обрабатывать яблони специальной жидкостью. После каждой такой операции, которая связана с обходом каждого дерева пешком и аппаратом на спине, как он говорит, ноги у него дрожат. Полученной выручкой от реализации продукции он не доволен. За каждый сданный ящик яблок ему платят два лари, что, по его мнению, несправедливо.

Ярким проявлением изменения вектора социализации является поведение студентов. В мае 2013 года студенты социальных и политических наук Тбилисского государственного университета организовали антикапиталистическую демонстрацию, которая закончилась столкновением с полицией. В 2014 году студенты повторили первомайскую демонстрацию, которая в отличие от первой прошла мирно.

Первомайские демонстрации студентов являются явным проявлением изменения стратификационной системы общества.

Процесс классовой дифференциации способствует:

1) ослаблению национализма. Именно об этом говорит перемещение на второе место в приоритетах населения восстановление территориальной целост-

ности Грузии, о чем свидетельствуют ряд опросов общественного мнения;

2) углублению социальной дистанции. Можно найти целый ряд свидетельств о существовании этого явления. В 2005 году мой респондент, журналист (женщина), после встречи с женой владельца телевидения, в котором работала она, в разговоре со мной грустно отметила – «вчера же все мы были одинаковыми людьми». Студенты автора, после встречи со своим другом детства, который потом разбогател, были недовольны его холодным и высокомерным поведением.

В результате изменения классовой системы, появились новые коллективные идентичности (например, малые предприниматели), и усилился конфликтный характер общества. Новая стратификационная система вызвала трансформацию гомогенной базы артикуляции интересов, которая стала дискретной и гетерогенной. Это затрудняет артикуляцию интересов, усиливает ее конфликтный характер. Появился опасный класс – пролетариат, активность которого по мере привлечения иностранного капитала в производственной сфере постепенно набирает силу. Общество разделилась на такие части, которые имеют не только общие, но и противоположные интересы. В результате этого усложнился общественный ландшафт функционирования политической системы.

Демократизация в Грузии происходит в условиях изменения общественной базы артикуляции интересов, которая становится все более сложной, дискретной и гетерогенной. Это затрудняет артикуляцию и агрегацию интересов правительством, усиливает нажим на политическую систему. Изменяются социальные условия ее функционирования. Появляются новые интересы и новые каналы артикуляции. Артикуляция интересов становится все более конфликтной, что затрудняет процесс агрегации интересов. В результате классовых изменений начинает развиваться противоречие между трудом и капиталом, что выражается в усилении забастовочного движения и развитии рабочего движения, которое пока остается в зачаточном состоянии. В условиях режима Саакашвили трудовые конфликты приобрели особенно острый характер. Например, в Хуло после того, как иностранный владелец швейной фабрики отказался выплатить рабочим положенную им зарплату, последние ворвались в помещение фабрики, захватили ткани и швейные машины, а хозяину заявили, что они будут возвращены ему только после того, как они получат причитающуюся им зарплату. Эта история не была отражена в средствах массовой информации. Об этом случае Автору рассказал один из жителей Чакви, который специально подчеркнул, что достоверность этой информации была проверена им. Она была перепроверена также мной в ходе опроса других респондентов, живущих в Аджарии.

Валериан ДОЛИДЗЕ

Забастовка рабочих Кутайского металлургического завода, который также являлся собственностью иностранцев, закончилась арестом их руководителей правительством Саакашвили.

В условиях режима Саакашвили агрегация интересов в сфере труда происходила в условиях узкого диапазона. Одним из подтверждением этого является трудовой кодекс, который явно защищал интересы нанятых. Саакашвили в сфере труда проводил репрессивную политику.

После парламентских выборов 2012 года, когда политическая система Грузии была открыта, определенные изменения произошли в трудовой политике. Власти стараются отношения между трудом и капиталом перевести на рельсы социального партнерства. С этой целью была создана трехсторонняя комиссия социального партнерства, в которой представлены правительство Грузии, объединения работодателей и наемных работников. (Трудовой кодекс Грузии от 15 июня 2013 года. Статья 52).

Своей задачей Правительство современной Грузии считает организацию сотрудничества между работодателями и наемными работниками на основе нахождения их общих интересов и взаимных компромиссов. Пока рано судить об успехах этой политики. Она во многом зависит не только от правительства, но также от организованности и дисциплинированности самих рабочих и предпринимателей.

Заключение

Траектория политического развития Грузии имеет форму спирали, в которой можно выделить три круга, расположенные друг над другом в дугообразной форме и связанные между собой. Нижний круг создает основу для развития верхнего, постепенно

возвышается по дуге и переходит в верхний круг. Каждому кругу соответствует определенный способ социально-экономического и политического функционирования Грузии на разном этапе ее новой и новейшей истории:

1. Грузия в условиях Российской империи и первой независимой республики (1800- 921);
2. Советская Грузия (1921-1991);
3. Постсоветская Грузия.

На этом последнем уровне, социально-политическое функционирование Грузии постепенно принимает существенные черты первого круга спирали. Вторая дуга является отрицанием первой, а третья – второй и воспроизводит основные черты первого круга на сравнительно высшем уровне.

Эти круги можно сравнивать между собой по таким переменным, как: 1) степень гомогенности общественной базы артикуляции и агрегации интересов; 2) режим артикуляции и агрегации интересов; 3) вектор политического развития. Первый круг характеризуется дискретной общественной базой артикуляции и агрегации интересов, конфликтным режимом артикуляции и агрегации, вектором социально-экономического развития, направленного в сторону капитализма, политическим вектором, устремленным вправо. На втором круге общественная база становится гомогенной, режим артикуляции и агрегации – нейтральным, господствует левый вектор политического развития. Латентно начинает развиваться капитализм. На третьей дуге социальная база артикуляции и агрегации интересов вновь становится дискретной, режим артикуляции и агрегации – конфликтным, политический вектор устремлен вправо, капитализм выходит из латентной стадии и начинает открытое развитие.

Литература:

1. Иване Джавахишвили. История грузинского народа. В пяти томах, Т.V. – Тбилиси: Палитра, 2012 (на груз. языке).
2. Ное Жордания. Мое прошлое. – Тбилиси: Саранги, 1990 (на груз. языке).
3. История Грузии (под редакцией акад. И. Качаравы). – Тбилиси: Ганатлеба, 1984 (на груз. языке).
4. История Грузии. В четырех томах (редакционная коллегия: акад. М. Лордкипанидзе, акад. О. Джапаридзе,

акад. Д. Мухелишвили, акад. Р. Метревели) Т. IV. – Тбилиси, 2012 (на груз. языке).

5. Валериан Долидзе. Бизнес и Политическая Система Грузии. – Тбилиси: Мецниереба, 2001.

6. Институт Геллапа Сожалеют: Большинство жителей постсоветских стран сожалеют о распаде СССР. <http://www.vitzenko.org/start.php?lang=3@articleid=18286>

Summary

Trajectory of political development of Georgia has spiral form. Each curves of it corresponds to the different stages of political and social – economic functioning of the country. These stages can be compared by such variables as social base of articulation and aggregation of interests; mode of articulation and aggregation of interests; vector of political development. First curve is characterized by discrete social base of articulation and aggregation of interests; conflict mode of articulation and aggregation of interests; political vector is directed to the right. Second stage – homogenous social base; neutral mode of articulation and aggregation; political vector is directed far to the left. Third stage - discrete social base of articulation and aggregation; conflict mode of aggregation and articulation of interests; political vector is directed to the right.

Арифа АДЫГЕЗАЛОВА,
доктор философии по истории,
Бакинский Государственный Университет,
Кафедра новой и новейшей истории Азербайджана

РОЛЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Начавшаяся в июле 1914 года мировая война привела к общенациональному кризису в России, где уже были обострены внутренние беспорядки и национальные противоречия. Вся политика государства из-за направленности на обеспечение победы в мировой войне, вопросы внутреннего экономического развития и благосостояния отошли на задний, крайний план. По сравнению с довоенным периодом уровень жизненного благосостояния увеличился и подорожал на 300 процентов [1]. Трудности военного периода наносили решительный ущерб экономическо-политическим основам, а также углубляли политическое и социальное недовольство внутри самого государства.

Царское правительство, пользуясь военным положением, для обезвреживания оппозиции и революционно настроенных движений более усилило реакционные репрессии. Вскоре была запрещена деятельность всех рабочих и пролетарских организаций, были закрыты их органы печати. Сотни тысяч «неблагоприятных» граждан были сосланы в Сибирь. Весь государственный аппарат царизма стал противостоять национальным меньшинствам, которые находились под оккупацией. Поляки, евреи, финны, а также представители других национальностей, в особенности, мусульмане, размещённые по всей линии фронта, были подвержены риску и беспощадным репрессиям [2, с. 84].

В годы Первой Мировой войны в Азербайджане наблюдались откровенные и скрытые недовольства и протесты против агрессоров, усиливался бунтарский дух и национальное движение. В особенности в связи с военными схватками и битвами Османской Империи, с одной стороны политика России к тюркоязычным народам, недоверчивое политическое отношение, с другой стороны же выступление её как защитницы интересов армян, всё более ослабляло политические основы государства на Кавказе. Представители татарской и азербайджанской интеллиген-

ции, репрессированные в прежние годы, развивая и усиливая свою политическую деятельность в Стамбуле, создали в 1915 году здесь «Российский комитет по защите прав тюркских народов» [3, с. 258].

Представители «Туран Хейати», созданного с целью определения будущего тюрков, проживающих на территории России, для обсуждения этих проблем и вопросов посещая Европу, проводили плодотворные встречи и переговоры с политиками Софии, Будапешта, Вены, Берлина и Лозанны. В Будапеште на немецком языке вышла в свет брошюра Али бека Гусейнзаде и Юсифа Акчураоглу «Требования мусульман России». В этой брошюре тюрки, населявшие Россию были разделены на шесть групп, авторы требовали каждому из них свободы и независимости [4, с. 207-209].

В мае 1916 года в Стокгольме российские мусульмане, члены «Лиги иностранцев России» подписались под обращением, адресованном Президенту Америки Вильсону. В этом документе была разоблачена политика национальной дискриминации России по отношению к другим народам, требовалось признание политических и культурных прав тюрко-татарского населения России [4, с. 210].

Потери и неудачи на линии фронта, а также социально-политические проблемы создавали пропасть между народом и властью. В существующем обществе политический режим так дальше не мог существовать. Движение сопротивления против существующего режима приближало его конец. На самых приближённых участках линии фронта – в Закавказье и Прибалтике усилились настроения отделения от центра.

Осенью 1916 года на разных уровнях шла подготовка к государственному перевороту. Члены «прогрессивного блока» Думы, многие генералы, представители левых и радикальных сил, тайно встречаясь в Москве и Петербурге, готовили план переворота [2, с. 99]. Октябристы и кадеты же напротив, опасаясь

Арифа АДЫГЕЗАЛОВА

того, что эти действия могут привести к революции, выступали против этой тактики. Они предлагали переговоры с царём и считали возможным мирное урегулирование и соглашение по этому вопросу [5, с. 43-44].

Представитель Азербайджана в Государственной Думе четвёртого созыва М.Ю. Джафаров, примкнув к оппозиционной группировке Думы, проявил недоверие к существующему строю и правительству, открытыми выступлениями критиковал непереносимый режим национального гнёта [6, с. 112].

Во время колебания Думы царь 23 февраля 1917 года издал указ о роспуске Государственной Думы четвёртого созыва. После чего Дума перешла на сторону революционных сил.

Наконец, 27 февраля 1917 года вооруженное восстание в Петрограде положило конец монархии России. Николай II по настоянию Думы вынужден был отказаться от трона в пользу сына. Князь Михаил Александрович, назначенный регентом несовершеннолетнего Алексея, понимая несостоятельность и бесперспективность существующего правительства, отказался от этой должности [2, с. 56].

2 марта 1917 года официальное правительство передало полномочия Временному правительству, созданному Думой. Все существующие до этого времени государственные структуры, политические институты были упразднены и закрыты, был полностью разрушен бывший механизм управления. Временное правительство в своём обращении от 3 марта объявило об основных принципах своей деятельности. Объявляется амнистия всем политическим и религиозным, военным и экономическим заключённым, объявляется свобода слова, собрания, печати, упраздняются национальные и религиозные ограничения. Определив конституцию страны и её форму управления, определяется и право выбора путём тайного или открытого голосования в советы Предпринимателей, во все органы власти и самоуправления [7, с. 6-7].

Период после февральской революции послужил оживлению во всех сферах социальной жизни, стал причиной образования национальных и политических организаций среди нерусских, в том числе азербайджанцев. Раньше азербайджанцы, считающиеся политически ненадёжными, входили в состав органов власти, а именно, в исполнительный комитет общественных организаций. В уездах азербайджанцы составляли большинство в местных органах власти.

В Баку, Гяндже, Шуше, Шемахе, Нухе (Шеки), Лянкаране, Губе, Нахичевани и других регионах Азербайджана были созданы национальные советы. Кроме этих советов на местах при содействии азербайджанской молодёжи были созданы различные организации и сообщества. Например, в Сальянах «Тараггипервер», в Ленкорани «Умид», «Таваккул»-

организации, которые ставили основной целью распространение передовых политических идей среди населения, а также объединение масс во имя национальных интересов. Бакинский комитет мусульманских общественных организаций был более радикальным по отношению к другим организациям, они были сторонниками защиты национальных и религиозных прав путём создания демократической республики [8, f. 1, оп. 10, дело 4292, с. 77].

Временное правительство на первых порах управление Закавказьем доверило напрямую Особому Закавказскому комитету (ОЗАКОМ), в дела которого не вмешивалось. Эта его позиция объяснялась прежде всего тем, что на территории Закавказья, близлежащей к линии фронта, нужно создать дисциплину, для обеспечения армии продовольствием, нужно завоевать доверие местного населения, защититься от общественно-политических сил. Этого можно было достичь только путём в лице ОЗАКОМ, дав свободу местной общественной деятельности.

Но после укрепления своих позиций в центре Временное Правительство с целью полного контроля за положением в Закавказье предприняло реальные шаги. Временное Правительство своим решением от 30 мая 1917 года «О создании в Петрограде временного комиссариата по делам на Кавказе» [8, f. 1, оп. 10, дело 4292, с. 77], а 12 июля решением «О правилах сотрудничества между Главным Комиссариатом Кавказа и структурами высшей власти, а также отдельными гражданскими организациями» поставило ОЗАКОМ [9, с. 18] в полную зависимость от центра, ограничило его возможности в пользу нового комиссариата.

Перед Временным Правительством встала важная задача определения государственной структуры будущей многонациональной России. «Партия свободы народа», поддерживающая позиции правительства, на своём VIII съезде в мае 1917 года не принимая во внимание национальные интересы, так определяло государственную структуру:

«Россия должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народным избранникам. Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики. Он избирается на определённый срок и управляет страной через министра, ответственного перед избранниками народа» [10].

На самом деле, требования национальных движений, расширенных на окраинах, все больше становясь радикальными, предполагали демократически-федеративного государственного строя России. На Съезде мусульман Кавказа (15-20 апреля 1917) и на проведённом в Москве Всероссийским съездом мусульман (1-11 мая) целенаправленно было отмечено определение будущей структуры России как федеративной демократической республики, на началах национально-территориальной автономии [11, с. 8-9].

РОЛЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Как справедливо отмечал М.Э. Расулзаде в произведении «Республика Азербайджан», «Азербайджанец-тюрк от мировой войны и российской революции ждёт прежде всего личной свободы, соблюдения прав национальных меньшинств» [12, с. 24].

Но руководящие круги России, не достаточно оценивая остроту национальной проблемы, не принимали требования народов на национальное самоопределение. В этом вопросе русская буржуазия, будучи солидарна с социально-демократическими партиями, выступала против самоопределения национальных меньшинств. Таким образом, меньшевики и эсеры, считающие, что азербайджанский народ не созрел в достаточной степени для суверенной политической жизни, считали возможным предоставление Азербайджану только «национально- культурной автономии». Позицию большевиков в отношении национального вопроса четко выразил В. И. Ленин 4 июня 1917 года в своей речи на I Всероссийском съезде Советов: «Мы за нерушимую, неделимую и твёрдую Россию» [13, п.с.с., с. 32, с. 300].

Несмотря на требования децентрализации власти на окраинах, в центре всё более усиливались попытки выступления против национального самоопределения и прав народов. Под действием и влиянием национальных и политических сил Временное Правительство в своём заявлении от 25 сентября признало право народов на национальное самоопределение [14, f. 1276, оп. 14, дело 13, с. 4-5]. Идея превращения государства в демократически-федеративную республику объединило все народы России. В сентябре в Киеве был созван конгресс народов России. 93 представителя конгресса единогласно были за объявление России демократически-федеративной республикой. Они подняли перед Временным Правительством вопрос о том, что независимо от созыва Всероссийского Учредительного собрания, на окраинах должны быть созданы местные Учредительные собрания на демократической основе. Оно, являясь автономной властью определённой провинции и народа, должно было определять отношения с центрами на основе федерации [15, 29 сентября 1917].

Временное правительство, вновь выступая с позиций центра, до Учредительного собрания создали временный совет из 555 членов, названный Предпарламентом. Из Всероссийского Совета Мусульман туда были избраны Мустафа бек Векилов и Ахмед Саликов [14, f. 1276, оп. 14, дело 15, с. 72]. Совет должен был действовать за неделю до открытия Учредительного собрания [16, 3 октября 1917].

Но в связи с политическим переворотом большевиков в Петрограде (25 октября 1917 года), этот орган власти не смог завершить свою работу. Эту, так называемую большевиками, «Великую Октябрьскую Социалистическую революцию» подготовила мировая

война. Российская демократия не могла завершить эту изнурительную для России войну, а Ленин, пользуясь этим, пообещав народу мир и землю, при помощи дезертиров взял власть в свои руки [17, с. 20].

До установления полного спокойствия в пределах Советской России, для того, чтобы обезвредить недовольство национальных меньшинств были приняты «Декларация прав народов России» (15 ноября 1917) и «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917) [18, с. 205]. Эти документы, предусматривающие право народов на самоопределение, на самом деле ставили целью с созданием доверия к советской власти объединить народы и национальности внутри единой империи.

Со свержением Временного правительства его орган в Закавказье ОЗАКОМ потерял легитимность. Не поддерживающие власть большевиков в Петрограде, общественные, политические и национальные организации Закавказья 11 ноября провели совещание, на котором приняли решение о том, что пока не закончатся выборы в Учредительное собрание, управление страной поручается комитету Общественной безопасности. После выборов депутаты на Кавказе должны были составлять временное правительство. Этот орган мог решать только местные вопросы автономным образом, вопросы же общегосударственной значимости входили в полномочия Учредительного собрания [19, 14 ноября 1917].

15 ноября 1917 года комитет Общественной безопасности, состоящий из 12 человек, создал комиссариат Закавказья. Четверо из них были азербайджанцы. Джафаров-комиссар по торгово-промышленным вопросам, Хон Хойский – комиссар по вопросам образования, Мелик Асланов – комиссар по вопросам информации, Хасмамедов – комиссар по вопросам контроля [20, с. 7].

Своеобразие политической обстановки в городе Баку, постоянное изменение равновесия, неумение политических и националистических группировок определять четкую позицию создавало серьёзные препятствия в вопросах власти. Таким образом, до 1918 года здесь отсутствовала централизованная система управления. Вопросы принадлежности к высшей власти становились предметом политических интриг. Большевики не смогли в Баку полностью утвердить свою власть, как в Петрограде. Бакинская городская Дума, избранная демократическим путём, была серьёзным противником Бакинского Совета. Дума, не признавая Российский Народный Совет комиссаров как орган власти, называла его «группой насильников». Она признавала Закавказский комиссариат как центральным органом власти.

В это время решение множества принципиальных проблем зависело от позиции партии «Мусават», политическое влияние которой возрастало. Таким образом, в то время, когда демократия встала перед ди-

Арифа АДЫГЕЗАЛОВА

леммой власти: Бакинский Совет или Комитет Общественной Безопасности, проводя политику перемирия и сотрудничества, партия «Мусават», не участвовал в делах Комитета Общественной Безопасности. «Мусават» и отказался войти в состав Бакинского Совета. М. Э. Расулзаде по этому поводу заявил: «Мусаватская партия в принципе не возражает против передачи власти Советам, но ввиду того, что Бакинский Совет не был избран на демократической основе, а также ввиду того, что в нем не представлено крестьянство, «Мусават» отказывается передать власть указанному Совету, и не войдет в его Исполнительный Комитет» [11, с. 8-9].

5 января 1918 года после однодневного совещания Всероссийское Учредительное Собрание было распущено правительством Ленина. Для того, чтобы этот шаг не привёл к произволу, хаосу и беспределу, депутаты Закавказья всю ответственность взяли на себя. 10 февраля 1918 года (по новому времени 23-его) открылся Закавказский Сейм. 111 членов Сейма представляли 10 фракций партий. Азербайджанские депутаты объединились в 4 фракциях: 1) Мусават и независимая группа – 30 человек, 2) Мусульманский социалистический блок – 7 человек, 3) Хуммет – 4 человека, 4) Фракция российских мусульман «Единый Ислам» – 3 человека [21, 26 февраля 1918 года]. Большевики же отказались от участия в работе Сейма.

О полномочиях Закавказского Сейма как законодательного органа были разногласия во фракциях, но несмотря на это в вопросах определения задач и целей все члены Сейма приходили к единому мнению. Среди этих задач было скорейшее заключение мира, разрешение аграрных, рабочих, национальных и прочих вопросов.

Члены фракции «Мусават» Расулзаде, Агаев, называя Сейм Учредительное Собрание, одной из его основных задач считали необходимость подготовки конституции Закавказской Федерации. Эта Конституция наряду с обеспечением автономных национально-территориальных прав каждого народа, должна была завершить децентрализацию власти. Говоря о государственной власти, она должна была как федеративное правительство представлять коалиционный орган и нести ответственность только перед Сеймом.

По мнению члена партии «Хуммет» Ганиева, «Сейм не мог быть Учредительным Собранием, потому что только треть его состава была избрана из народных масс, две трети же были приглашены при поддержке различных партий. Сейм носил временный характер из-за решения только неотложных задач. Правительство, созданное им и должно быть временным» [21, с. 29].

Гейдаров, выражающий интересы мусульманского социалистического блока, считал важным и необходимым организацию общего Закавказского Сей-

ма, а если представится возможность единого Сейма Кавказа, он ограничивался правом каждого народа на национально-культурную автономию.

Партия «Иттихад» принимала Россию как демократический союз национально-автономных народов. Отдельным народностям должны были быть даны права создания Национальных Советов, решающих культурные и прочие вопросы [21, с. 24-25].

В отношении национального вопроса грузинские национальные демократы и социальные федералисты пошли вперёд в этом смысле и считали существующий Сейм суверенно-правовым законодательным Закавказским собранием. Считая, что на территории Закавказья полная власть принадлежит только Сейму, он может решать и утверждать важные вопросы и проблемы только в Закавказье, прочие вопросы могли по их мнению решаться указами Национальных советов [21, с. 31-32].

Армянские депутаты выдвигали идею о разделении Закавказья на отдельные кантоны. Армянские депутаты придерживались на протяжении долгих лет двойных стандартов. Они вели сепаратные переговоры с враждующими в рамках Первой мировой войны странами: и с Россией, и с Германией. Цель данных переговоров заключалась в том, что армянские политики, руководствуясь «мифом» о создании «великой Армении», хотели добиться своих грязных целей любыми путями от победоносного государства.

Кадет Семёнов, считающий создание Закавказского Сейма «выходом из сложившейся ситуации восстания и захвата в Петрограде партией большевиков власти, выдвигал идею о том, что Сейм может быть законодательным органом для решения задач на местах» [21, с. 37-38].

Одной из наиболее обсуждаемых проблем в Сейме было объявление суверенности Закавказья. В этом вопросе во фракциях наблюдались разногласия. Некоторые депутаты занимали хрупкую, нерешительную позицию, хотели объединения с Россией.

Но правительство Ленина сепаратным подписанием Брест-Литовского соглашения с другими государствами осознало необходимость решения всех вопросов, в том числе и национальных, суверенным и независимым путём. Безрезультатные переговоры за Гарс, Эрдохан, Батуми с Турцией и поражение в войне закончилось 22 апреля 1918 года объявлением Сеймом Закавказья суверенной демократически-федеративной Республикой.

Для того, чтобы предотвратить отделение Закавказья от России, Россия претворяла в жизнь политику открытого террора азербайджанцев в Бакинском Совете. Между тем, в Баку приближался к развязке конфликт между Бакинским Советом и партией «Мусават». Руководители Бакинского Совета прекрасно понимали, что «Мусават» является наиболее сильным их политическим противни-

РОЛЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

ком. В это время не только «Мусават», но и широкие массы азербайджанского народа требовали предоставления автономии Азербайджану. Естественное и вполне законное требование азербайджанцев предоставить автономию Азербайджану С. Г. Шаумян интерпретировал как «мечту азербайджанских националистов» сделать Баку «столицей Азербайджанского ханства» [11, с. 14].

В резне азербайджанцев с 31 марта по 2 апреля 1918, проводимой со стороны армянских дашнакско-большевистских военных группировок только в Баку и его окрестностях было с особым зверством убито более 12 тысяч азербайджанцев. Геноцид, продолжающийся до середины 1918 года, послужил ликвидации социальной базы азербайджанского социально-демократического движения, что послужило утверждению Советской власти.

После мартовского резни в Баку был создан Революционный комитет защиты. Это был высший военно-политический орган. Все революционно-политические организации в Баку подчинялись ему [20, 11 апреля 1918 года]. Конечная цель Бакинского Совета была упразднение всех органов власти в городе – Думы, губернского комиссариата и объявление себя единственным органом власти.

За исключением Бакинской губернии, оставшаяся часть Закавказья находилась под контролем Закавказского Сейма. В это время в Азербайджане было двоевластие. Но Закатала не подчинялась никаким центральным органам власти и не признавало их, напротив выступало против власти. Там везде развивались турецкие флаги, был назначен руководитель, поддерживающий тюркские настроения [8, ф. 1, оп. 9, дело 4754, с. 89].

2 апреля Сейм был информирован о бакинских событиях. З.Г.Мамедбеков потребовал принятия срочных мер по пресечению беззаконий и зверств в отношении азербайджанцев в Баку, а М. Э Расулзаде пригрозил Сейму бойкотом, если не будет оказана помощь Азербайджану. Однако, грузинская и армянская фракции Сейма отказали Азербайджану в такой помощи, заявив, что «пока существует турецкая опасность, они не могут быть во вражде с большевиками».

В ходе войны межнациональная вражда достигла своего апогея в Эриванской губернии. Массовая резня азербайджанцев со стороны армянских воинских частей в Эриванской губернии преследовала

цель очистить эту территорию от азербайджанцев и этим создать компактное армянское население для объявления независимости Армении. В результате этих преступных действий дашнакских банд 80 тыс. азербайджанцев.

Во внешней политике также не было единства между представителями народов Закавказья. Даже среди членов закавказской делегации, ведущих с Турцией мирные переговоры, не было согласия по основным вопросам [11, с. 21-22].

Ввиду того, что Закавказье по территории и национальному составу населения представляло единое целое, процессы происходящие в одном его регионе, тут же отражались на другие регионы. Разногласия и конфликты представителей враждующих национальностей внутри Сейма, разрозненность, отдаление от общей, единой цели, соблюдение только своих корыстных интересов, а также влияние из-за рубежа сделали невозможным дальнейшее существование Сейма.

Эволюция национально-демократического движения азербайджанского народа в годы I первой мировой войны сформировала идеологию национального государственности, основой и символом которой стал „азербайджанизм” – синтез принципов тюркизма, исламизма и модернизма, то есть непротиворечивое соединение этнической, конфессиональной и европейской принадлежности азербайджанцев. Развитие центробежных тенденций в России и дезорганизация государственно-административного управления в Закавказье привели к тому, что на смену тезису о „территориальной автономии”, т.е. самостоятельности азербайджанского общества в рамках демократической федеративной России, пришла идея о независимом развитии Азербайджана в рамках конфедерации закавказских республик, реализованная на практике в апреле-мае 1918 г. в рамках Закавказской федерации. После распада Закавказского Сейма азербайджанское представительство в Сейме образовало Азербайджанский Национальный Совет, который провозгласил 28 мая создания АДР.

Взяв за основу резолюцию о независимости, Азербайджанская Народная Республика была логическим завершением народной власти и идеи независимости. Азербайджанская Народная Республика впервые в истории нашей государственности положила основу демократическим принципам управления, была учредителем Парламентского института.

Литература:

1. Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики. Ф. 389, оп. 3, дело 30001, с. 153.
2. А.Ф. Керенский. Русская революция 1917. – Москва, 2005.

3. Андреас Каппелер. Россия – многонациональная империя. – Москва, 1997.
4. Ахмедли Р. Азербайджанская национально-демократическая идея государственности, Тюрковедение, современность, исламоведение. – Баку, 2007.

Арифа АДЫГЕЗАЛОВА

5. Л.М. Спирин. Россия 1917 год. – Москва, 1987.
6. Сеидзаде Д. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. – Баку, 1991.
7. «Русская свобода». Документы и заявления освещающие государственный переворот. Вып. I. – Петроград, 1917.
8. Институт Истории НАНА, научный архив, глава 1, с. 10, дело 4292, с. 77.
9. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. № 2. Часть 1. – Петроград, 1918.
10. «Кавказский телеграф», Баки, 5 aprel, 1917.
11. А. Балаев. Азербайджанское национально-демократическое движение 1917-1920 гг. – Баку, 1990.
12. Расулзаде М. А. Республика Азербайджан. – Баку, 1990.
13. Ленин В.И. П. с. с. 32 том, с. 300.
14. РГИА, ф. 1276, оп. дело13, с. 4-5.
15. «Баку», 29 сентябрь 1917.
16. «Вестник Временного правительства». Петроград, 3, 13 oktyabr 1917.
17. Николаев Владимир. Красное самоубийство. (В. Вернадский. «Дневник»). – Москва, 2007.
18. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Док. и мат. 1917-1918 гг.
19. «Каспий», 14 ноябрь 1917.
20. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии.
21. Закавказский Сейм. Стенографический отчет. – Тифлис, 1918.
22. Мустафазаде Р. Две Республики. Азербайджано-русские отношения в 1918-1922 гг. – Москва, 2006.
23. «Азербайджан», газета. 28 мая 1918.

Summary

During World War I the evolution of the national-democratic movement of azerbaijanian people created the national governmental ideology, based on synthesism of Turkizm modernism main principles and ideology- azerbaijanity. The developing of the central tendentions in Russia and dezorganization of the governmental-management administration in Transcaucasia caused the confirmation of azerbaijan independent development idea within the confederation of Transcaucasian republics. After the collapse of this confederation azeri government created National Council of Azerbaijan which proclaimed the creation of Azerbaijan Demokrtatic Republic on May 28, 1918.

Наталья ПАШИНА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии и социологии
Луганского национального аграрного университета

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Проблемы формирования общегосударственной политической идентичности являются сегодня главными в вопросах государственного строительства в современной Украине, важнейшей составляющей консолидации украинской политической нации, актуальной темой политических и научных дискурсов. Трудности трансформации политического режима и борьба за власть диаметрально противоположных политических сил привели к усложнению политической жизни в Украине, усилили дифференциацию политических идентичностей украинского населения. События в Украине в конце 2013 – начале 2014 года, ситуация с Крымским полуостровом продемонстрировали отсутствие консенсуса у украинских граждан по многим важным проблемам общественного развития, что позволяет констатировать кризис политической идентичности в современной Украине.

Таким образом, обращение украинских исследователей к проблематике политической идентичности обусловлено практикой общественно-политического развития. Значительный вклад в осмыслении процессов политической идентификации, значения политической идентичности для консолидации украинского общества внесли такие украинские ученые как: А. Антонюк, С. Горобчишина, А. Картунов, А. Колодий, И. Кресина, И. Курас, Л. Нагорная, М. Обушний, И. Онищенко, Г. Палий, Н. Пелагеша, В. Ребкало, С. Рымаренко, Ю. Рымаренко, В. Степаненко, М. Степико, Ю. Тищенко и др.

В то же время, следует отметить, что многие актуальные проблемы политической идентичности еще не нашли должного внимания среди украинских исследователей, а события последних месяцев в Украине свидетельствуют о том, что проблема политической идентичности сохраняет свою актуальность для политической науки и практики.

Целью данного исследования является анализ концепций, внутренних и внешних факторов кризиса политической идентичности в современной Украине, определение сущности конфликтов идентичностей

украинских граждан, их противоречивость и амбивалентность.

Потребность украинского общества в консолидированной политической идентичности началась одновременно с появлением независимого национального государства, развитие которого требовало укрепления внутреннего единства населения посредством конструирования новой модели идентичности, способной заменить прежнюю советскую.

Неопределенность общезначимых целей (особенно, в 90 – е годы), полиэтничность населения, наличие региональных социокультурных различий, трудности трансформационных процессов и реформ, отсутствие общих приоритетов в вопросах внутренней и внешней политики в украинском политикуме и в обществе в целом, затруднили процесс консолидации граждан Украины.

Особенностью процесса формирования общегосударственной идентичности было то, что украинский этнос до 1991 года не имел своей реальной независимой государственности, поэтому формирование политической идентичности началась с консолидации украинского этноса, как ядра политической нации, что было абсолютно логичным и исторически оправданным. Как справедливо замечает Э. Уилсон, «украинскую идентичность еще надо «перестроить», отделив ее от других национальных историй, с которыми связывалась жизнь украинцев на протяжении столетий - российской, советской, польской, венгерской и т.д.» [1, с. 378].

Формирование политической нации с помощью этнического национализма было характерно практически для всех бывших республик СССР. Культура титульного этноса, язык, национальные символы выступали мощным политическим ресурсом, существенным фактором легитимации новых политических режимов.

По мнению Эрнеста Геллнера, национализм и национальную идентичность в бывших советских республиках (кроме России) можно характеризовать

Наталья ПАШИНА

как «замороженные». Они были законсервированы советской институциональной структурой, а после распада СССР развивались по модели национализма «второго этапа», то есть конца XIX века, которому и был присущ подход к политическому сообществу в терминах «одно государство – одна нация» [2].

Рассматривая проблему, насколько быстро, а главное адекватно общественным переменам идет формирование демократической общегосударственной политической идентичности в Украине, необходимо отметить разные взгляды авторов на этот процесс.

Согласно О. Андреевой, «Проект идентичности, основанный на предпосылке наличия ... «коренного этноса» в значительной степени ответственен за тот кризис национальной идентичности в Украине, свидетелями которого мы сейчас являемся». По мнению автора, «после обретения независимости в 1991 году украинское население все еще не стало единой «украинской нацией», будучи формально объединенным в такое единство наличием украинского этнического ядра, единой государственности и фактом провозглашение украинского языка государственным. Оно еще остается механической суммой, искусственным объединением различных культур, традиций, языков, которое до настоящего времени не удалось объединить более глубинной основой, чем идеологические декларации» [3, с. 8].

М. Степико подчеркивает, что «Формирование национальной идентичности - длительный исторический процесс, который даже у «старых» наций длился не одно столетие. Как пишет Э. Вебер, значительная часть людей, которые жили в сельской местности и городках Франции, не считали себя французами вплоть до 1870 г., а многие из них не называли себя так вплоть до Первой мировой войны» [4, с. 6].

В целом, мы согласны с указанными авторами, в том, что формирование общенациональной идентичности на базе этноцентризма на сегодняшний день не дало ожидаемых результатов и в том, что национальная консолидация является длительным, сложным процессом. В то же время, несмотря на то, что Украина значительно отстает от тех задач, которые ставились перед ней в начале 90-х годов, за период независимости в стране все-таки произошла определенная общественная трансформация, включая общественное сознание и политическую идентичность, о чем свидетельствуют социологические исследования.

Так, в 1992 году только 45,6% респондентов в ответ на вопрос «Кем вы себя, прежде всего, считаете?» выбирали ответ «гражданин Украины», а в 2010 году - 51,2%. Причем в 2005 году, под влиянием «оранжевой революции», этот показатель был еще выше - 54,6%. [5].

Одновременно снижается количество тех, кто считает себя гражданами бывшего Советского Союза. В 1992 году 12,7% опрошенных считали себя гражда-

нами бывшего Советского Союза, в 2010 году - лишь 6,9% (данные ежегодного мониторинга Института социологии НАНУ) [6].

Однако темпы процесса формирования коллективной общегосударственной политической идентичности действительно не отражают потребности общества в консолидации усилий для проведения эффективных демократических реформ. И здесь, мы вряд ли можем ссылаться на опыт «старых» наций (мы можем только этим себя успокаивать) так, как их консолидация происходила в другой исторической эпохе, когда еще не было тех средств массовой коммуникации, которые присутствуют в нашей жизни. Сегодня, в эпоху постмодерна динамика общественной эволюции происходит намного более быстрыми темпами, по крайней мере, у тех государств, которые подключены к общественному прогрессу, современным информационным технологиям, являясь частью мировой экономики и политики.

На наш взгляд, политическая идентичность граждан Украины в годы независимости формировалась в соответствии с социально-экономическими и политическими условиями, адекватно отражая их затяжной и противоречивый характер, отзеркаливая болезненное состояние украинского общества.

Процесс формирования политической идентичности в Украине в исследуемый период, в основном, происходил стихийно. Недооценивая роль политической идентичности как ресурса общественной трансформации, государство мало принимало участия в этом процессе.

Сегодняшнее состояние политической идентичности в Украине большинством аналитиков характеризуется как «кризис», который обусловлен комплексом специфических факторов формирования политической идентичности и его эксклюзивным проявлением.

На наш взгляд, кризис политической идентичности в Украине был предопределен несколькими основными причинами, в рамках которых формировался комплекс факторов, под воздействием внутренней и внешней политики украинского государства, политических элит и отдельных лидеров.

В первую очередь это кризис советского государства, его идеологии, сложившейся концепции общества. Советское государство тоталитарно управляло процессом формирования коллективной советской идентичности и эффективно использовало все имеющиеся у него в арсенале средства и методы: марксистско-ленинская идеология, образование, СМИ, дисциплинарные методы, «железный занавес» и др. Советская идентичность была подкреплена консолидирующей идеей - построение светлого коммунистического будущего.

За период существования советского политического режима в Украине, так же как и в других республиках СССР, выросло несколько поколений граж-

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

дан, которые смутно представляли себе, что такое парламентаризм, альтернативные выборы, права и свободы граждан и другие ценности демократического общества. Стараниями руководства государства и компартии советская идентичность вытеснила идентичность религиозную и этническую.

Справедливости ради следует отметить, что большинство советских людей чувствовали себя вполне комфортно в этих условиях, потому, что не знали другой жизни, (выезд за границу, особенно в западные страны, был очень затруднен), а «железный занавес» ограждал их от состояния дискомфорта.

Уверенность в завтрашнем дне психологически подкреплялась принадлежностью к доминирующему большинству, верой в мудрость советского руководства, «направляющую и руководящую роль коммунистической партии».

Альтернативная идентичность проявлялась в виде диссидентства, политической апатии, уклонения от массовых политических акций, чтения запрещенной литературы, критики официальных властей.

Кризис советской политической системы сопровождался взрывом общественного сознания, общественных движений, активизацией политической жизни, общественной эйфорией. Крушение заслонок общения с Западом произвело эффект взорвавшейся бомбы. Советские граждане стали активно осознавать узость своего «жизненного пространства»: политического, правового, экономического, информационного и т. д. [7, с. 94-102].

Стремительно распадалась казавшаяся незыблемой советская идентичность, служившая ключевым фактором мобилизационного развития. Дезинтеграция единого политического и социокультурного пространства повлекла за собой и исчезновение советского народа - той самой «новой исторической общности», в основании которой лежал не имевший аналогов в мировой истории сплав идеологических и цивилизационных установок [8].

Вторая причина - это трансформация политического режима и политической системы, которая неизбежно предполагает трансформацию общественного сознания и политической идентичности через кризис. Кризис и застой старой советской системы был точкой бифуркации для определения новой исторической альтернативы общественного развития. Новыми ориентирами выступали национальный суверенитет и демократические ценности, такие, как: плюрализм, власть закона, индивидуальная свобода, рыночная экономика, более высокие стандарты жизни и т. д.

Трудности переходного периода состояли в том, что одновременно нужно было формировать новую политическую идентичность и проводить модернизацию политических институтов, что усложняло обе эти задачи. В условиях общественной трансформации происходила переоценка политических ценностей,

истории, рушились авторитеты и судьбы. Эти процессы сопровождалась поляризацией общества по идеологическому, ценностному признакам, включая все ориентиры внутренней и внешней политики. Рыночные реформы сопровождалась тяжелейшим экономическим кризисом, маргинализацией населения, ростом коррупции и преступности. Независимость и свобода, к которой так стремились миллионы людей, в то же время дали неопределенность состояния и неуверенность в своей идентичности. Жизненные перспективы потеряли былую определенность.

Трудности и разочарование результатами реформ и сегодня сохраняют в общественном сознании ностальгию по советскому (пусть даже бедному, монистскому) стабильному прошлому. Социологические исследования в мае 2013 года показали, что число украинских граждан, которые сожалеют о распаде СССР в 1991 и число граждан, которые об этом не сожалеют, практически равны.

В то же время наблюдается тенденция снижения числа граждан, жалеющих о распаде СССР. Так, в 2013 году, по сравнению с 2010 годом, уменьшилось количество украинских граждан, которые сожалеют о распаде СССР: с 46% до 41%. Одновременно увеличилось число украинцев, которые не сожалеют о распаде СССР: с 36% до 44%. Таким образом, за последние 2,5 года, ностальгия по СССР значительно уменьшилась. Однако авторы считают, что эти показатели связаны, в первую очередь, с демографическими изменениями, поскольку наибольшими сторонниками СССР остаются пожилые люди, а не с изменениями общественных настроений. Показателен и тот факт, что, несмотря на то, что прошло более 20 лет после распада СССР, каждый шестой украинец еще не определился по данному вопросу.

Характерно, что 75% из тех, кто сожалеет о распаде СССР, считают, что Украине не хватает «сильной руки», половина – хотели бы вернуться к плановой экономике, 40% – увеличить цензуру в стране. Зато четверть опрошенных уже выступает за углубление рыночных отношений и увеличение свободы слова.

За «сильную руку» выступают от 70% респондентов на Юге и Донбассе до 50% - на Западе и Севере страны, от 80% сторонников КПУ и 70% - Партии регионов, около половины сторонников УДАРа, «Свободы» и «Батькивщины». Вместе с тем, существует четкая зависимость: чем моложе являются респонденты, чем выше их уровень образования, тем больше они выступают за углубление демократии, увеличение свободы слова и развитие рыночных отношений. Кроме того, украиноязычные респонденты чаще считают, что стране не хватает демократии и свободы слова, чем русскоязычные, а русскоязычные больше поддерживают «сильную руку», увеличение цензуры и возврат к плановой экономике [9].

Одна из причин неопределенности политическо-

Наталия ПАШИНА

го самоопределения и поляризации общественного сознания состоит в том, что общественные перемены все годы независимости происходили настолько стремительно, что не успевали осознаться большей частью населения, которое, по определению М. Степико находилось в глубоком стрессе и культурном шоке. По мнению автора, культурный шок в посткоммунистических обществах был следствием коллизии и взаимовлияния трех культууроформирующих векторов:

- новой системы ценностей, импортируемой из стран западной цивилизации вместе с рыночными моделями экономической трансформации, расширением торговых и инвестиционных связей между Востоком и Западом;

- старой советской системы ценностей, установок и поведенческих стереотипов, которые до сих пор доминируют в общественном сознании;

- ценностей традиционной национальной культуры, которая быстро возрождается в новых независимых странах. М. Степико подчеркивает, что коллизия культур деструктивно проявляется в политической, экономической и социально - психологической сферах бытия [10, с. 311].

Ярким примером стойкой разновекторности политической идентичности украинцев являются показатели приверженцев капитализма и социализма в Украине, которые практически не изменились за годы независимости. Так, в 1993 году только 12% поддерживали сторонников социализма, 18% - сторонников капитализма, в 1994 году ситуация поменялась: 22,1% насчитывалось сторонников социализма и 12,7% сторонников капитализма; в 2010 году распределение симпатий оставалось практически неизменным: 20,3% сторонников социализма и 11,4% сторонников капитализма [11].

Таким образом, результаты рыночных реформ на сегодняшний день не создали условия социально-экономического благополучия для большинства граждан Украины, а средний класс – социальная опора политического режима – не является доминирующим в социальной структуре общества. Для большинства населения высокие («западные») стандарты жизни так и остались недостижимыми, в то же время сократились социальные гарантии со стороны государства. Данная ситуация консервирует неопределенность политической идентичности относительно основных параметров развития общества. Так, число граждан, не определившихся относительно общественной системы, составляла в 1994 году - 65, 2% , а в 2010 году – 68, 3% [12].

Более четко украинцы определяют относительно политического режима. По данным опроса Фонда демократических инициатив и Центра Разумкова в августе 2011 года относительное большинство украинских граждан (48%) считало демократию наиболее желательным типом государственного устройства для Украины. Только 21,3% опрошенных выбрали от-

вет, что при определенных обстоятельствах авторитарный режим может быть лучше, чем демократия. 20,2% респондентов считали, что для них не имеет значения, демократический режим в стране или нет. 10,2% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о наиболее предпочтительном типе государственного устройства для Украины [13].

Несмотря на то, что почти половина украинцев поддерживают демократию, растет число тех, кто негативно относится к многопартийности. Если в 1994 году по данным ежегодного социологического мониторинга Института социологии НАН Украины относительное большинство украинцев (36,1%) считало, что Украине нужна многопартийная система, 29,8% были против многопартийности и 33,7% респондентов не определились в ответе на этот вопрос. То в 2008 году за многопартийность было только 25,9% опрошенных, против 42,9% [14, с. 11]. А 2010 году только 21% респондентов считали нужным для Украины многопартийную систему, около половины (46,3%) были против многопартийности [15].

Снижение доверия к многопартийности как к механизму обеспечения представительства интересов граждан негативно отражается на идентификации граждан с демократическими институтами, является фактором сохранения авторитарных тенденций в политической идентичности. Одним из факторов низкого доверия к многопартийности является критическое отношение украинцев к политическим партиям. Причина кроется в превращении современных партий из представителей общественных интересов в проводников интересов финансово-промышленных групп.

Третья составляющая в парадигме кризиса политической идентичности в Украине – универсальная для стран современного мира – влияние процессов глобализации на политическое самоопределение граждан.

Под глобализацией понимают процесс социальных изменений последних двух десятилетий, заключающийся в формировании единого всемирного рынка (т.е. победы либерализма в общемировом масштабе), всемирной информационной открытости (Интернет), появлении новых информационных технологий, а также увеличения глобальной культурной связи между людьми и народами [16].

По мнению Гидденса, под глобализацией следует понимать интенсификацию социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные — в большой степени определяются локальными изменениями [17, с. 64].

Глобализация совсем не означает снижения роли локального. Английский социолог Р. Робертсон, ввел в научный термин «глокализация», который означает, что процессы глобализации и локали-

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

зации происходят одновременно, что локальное является аспектом глобализации, глобальное создает локальное [18, с. 30].

Идентичность в ходе глобализации меняется из-за усилившегося взаимодействия культур, она становится более плюралистичной. Проблема идентичности в процессе глобализации включает обозначение своего места в транснациональном экономическом пространстве, культурную идентичность, персональную идентичность и т. д. В результате размывается «национальная», по стране происхождения, идентичность, она теряет свои прочные ориентиры. У государства появляются конкуренты в виде сетевых сообществ, транснациональных корпораций, наднациональных структур и т. д.

Психологической компенсацией влияния глобального для многих становится локальная или региональная идентичность, связанная «с малой родиной». Взаимодействие глобального и локального в современном мире описывает известный польско-английский социолог З. Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество»: «Наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако как прежде локальны» [19, с. 149].

По данным социологических исследования, проведенных в 2005 году Украинским центром экономических и политических исследований имени Александра Разумкова, граждане Украины «в первую очередь» связывают себя с местом проживания, то есть превалирует местная (локальная) идентичность (44,4% опрошенных), почти треть (31,3%) - засвидетельствовали всеукраинскую идентичность; 14,8% - региональную. Другие измерения отметили незначительные группы респондентов (от 2,9%-Советский Союз, до 0,8% - Европа) [20, с. 3].

В 2010 г. на вопрос «Кем вы себя прежде всего считаете?» Ответы были следующие: жителем села, района или города, в котором живу - 27,2%; жителем региона (области или нескольких областей), где живу - 6,6%; гражданином Украины - 51,2%; представителем своего этноса, нации - 3,1%; гражданином бывшего Советского Союза - 6,9%; гражданином Европы-0,9%; гражданином мира - 3,1% .

Указанные примеры, свидетельствуют о двух тенденциях. Во-первых, увеличение числа граждан идентифицирующих себя с Украиной, во-вторых, сохраняет своё значение локальная, местная идентичность. Что связано, на наш взгляд, не только с размыванием национальной идентичности под влиянием глобальных факторов. Это происходит еще и вследствие усиливающейся тенденции регионального раскола (языково-культурного, геополитического и др.) в Украине. С одной стороны региональный раскол предопределяется объективными факторами (историей развития регионов, этнокультурными различиями, особенностями экономической структуры регионов),

с другой, активно провоцируется и стимулируется политической элитой и политиками в угоду получения электоральных симпатий и других политических дивидендов.

Кризис идентичности характерен для многих современных государств, что свидетельствует о высокоскоростной динамике развития современных обществ, так, как кризис идентичности является предшественником новых витков общественного развития.

«Кризис национальной идентичности стал, по выражению С. Хантингтона, глобальным феноменом» [21, с. 12-13]. В своей работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» С. Хантингтон отмечает, что кризис идентичности характерен сегодня для всех наций вне зависимости от «статуса успешности». Эти вопросы одинаково важны как для возникающих молодых государств, так и для государств, давно «укоренившихся» в мировой геополитической структуре. Сложности формирования идентичности особенно характерны для тех государств, которые включают в себя несколько этнических, религиозных или лингвистических групп. К таким расколотым обществам С. Хантингтон относит и Украину.

В аспекте проблемы влияния глобализации на идентичность в украинском научном дискурсе все чаще поднимается тема лимитрофного (приграничного, периферийного) расположения Украины. В частности, С. Троян считает, что «С одной стороны, восточные границы Украины выступают линией размежевания между Европой и Россией как отдельной российско-евразийской цивилизации. С другой - Россия считает, что западные границы Украины являются линией размежевания между НАТО и пространством СНГ, которое рассматривает как зону своих особых интересов» [22, с. 188-190].

Автор считает, что «Украина является лимитрофом в трех измерениях. В геополитическом она оказалась между НАТО и Россией. В экономическом - между странами с преимущественно рыночной экономикой Запада и государственно - монополистической под контролем нового правящего класса экономикой России. В духовно-нравственном - между тоталитарно-моноидеологическим прошлым и во многом неопределенным будущим в форме фактически лишь идеи о правовом, демократическом, социально ориентированном государстве».

Лимитрофное положение, автор определяет, как промежуточное. «Если народ «лимитрофа» не укореняется в структуру какой-то региональной цивилизации, то его самоутверждение в форме независимого государства остается проблематичным как проблематично осуществить и создание своей консолидированной локальной цивилизации» [23].

По нашему мнению, действительно лимитрофное состояние Украины и наличие внутреннего рас-

Наталія ПАШИНА

кола в українському обществі усугубляє кризис політичної ідентичності українських громадян і може привести до затяжного процесу внутрішньої консолідації.

Популярною в науковій середі є тема зіткнення цивілізацій. Спираючись на С. Хантингтона, вважаючого, що Україна знаходиться на перехресті світових цивілізацій, які об'єднують в собі різні етнічні та релігійні субкультури, автори аналізують, яким чином «зіткнення цивілізацій» всередині України відображається на стані українського суспільства?

Так, наприклад М. Нічого, стверджує, що причиною кризи національної ідентичності в Україні є цивілізаційний розкол, який несе в собі потенційний конфлікт аж до конфлікту культур, націй і цивілізацій. Автор підкреслює, що конфлікт, який розкалює Україну, є конфліктом між західною та православною цивілізаціями [24].

Крім того, автор вважає, що затягнута геополітична неопределенність негативно відображається на внутрішньому стані українського суспільства. «Якщо б ми не страждали кризою ідентичності, то давно були б або з східноєвропейськими сусідами в ЄС, або в Росії. В обох випадках ми точно опинилися б на вищому рівні благополуччя, ніж зараз» [25].

За думкою С. Трояна, Україна «знаходиться на перехресті трьох великих і потужних цивілізаційних просторів - західноєвропейського, євразійського, ісламського, тому в українському суспільстві очевидні відмінності та навіть протиставлення культурно-цивілізаційних орієнтацій. Приналежність України до периферійних зон декількох цивілізацій дозволяє визначити її належність до розколотих цивілізацій» [26, с. 188-190].

Як криза «локального» та «універсального» характеризує кризу ідентичності в Україні О. Андреева, розуміючи під цим монокультурний «розкол». Автор підкреслює, що «в європейських державах місце «локального» в національній ідентичності займало класичне державство, в Україні локальний рівень національної ідентичності стосується до «етносу». Якщо ж в державах Європи універсальне вимірювання відно-

силось до ідеї «Європи» як «духовної місії» та «світової задачі», то в сучасній ситуації в Україні універсальне вимірювання виявилось зменшеним, «розмитим», прихованим в європейській інтеграційній проекції, позбавленому самостійного значення» [27, с. 8].

За нашу думку, розглянуті концепції кризи політичної ідентичності в Україні свідчать про складність та суперечливість цього процесу. Всі вони мають право на існування та, як підтверджується науковим аналізом та політичною практикою.

Виниклі в результаті суспільної трансформації політичної ідентичності українських громадян можна охарактеризувати як гібридні, вони можуть бути як джерелом модернізації, так і джерелом демодернізації та дезинтеграції українського суспільства.

Недостатньо виражена загальнодержавна ідентичність загострює суперечності між ідентичностями та конфліктність політичного процесу, що в свою чергу посилює фрагментацію українського суспільства, може спровокувати громадянське протиставлення, аж до розколу держави, про що свідчать останні події в Україні.

Виходячи з вищезазначеного, проблема формування консолідованої політичної ідентичності в Україні є однією з найбільш актуальних завдань, що стоять перед українською державою та суспільством. Боротьба за ідентичність повинна стати однією з основних складових державної політики.

В цілому, тема політичної ідентичності потребує постійного наукового моніторингу. Обумовлено це тим, що політична ідентичність є «живим», динамічним конструктом, який детермінується на кожній історичній стадії суспільного розвитку конкретним зв'язком політичних, історичних, економічних, соціокультурних та інших умов та факторів. Дослідження проблем політичної ідентичності створить теоретичну базу для формування та впровадження ідеї загальнодержавної політичної ідентичності, розробки механізмів формування консолідації суспільства в сучасній Україні.

Література:

1. Вілсон, Е. Українці: несподівана нація. – Київ: «К. І. С.», 2004, с. 378.
2. Цит. за: Тимофеев, И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: дисс. ... канд. полит наук: 23.00.02. – Москва, 2006. – 202 с.
3. Андреева, О. М. Криза «локального» та «універсального» вимірів української національної

- ідентичності в пореволюційний період. – Вісник НТУУ «КПІ». Філософія. Психологія. Педагогіка. Вип. 3. 2009, с. 8.
4. Цит. за: Степико, М. Т. Українська ідентичність в умовах суспільно-політичних трансформацій. – Стратегічні пріоритети, 2012, № 4 (25), с. 6.
5. Ставлення населення України до святкування державних свят та військових парадів. Прес-реліз Цен-

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

тру соціальних та маркетингових досліджень Социс від 15 липня 2011. - <http://www.socis.kiev.ua>

6. Фесенко, В. Суспільство і незалежність. - Українська правда, 2011, 7 вересня. - <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/09/7/6566102>.

7. Конфисахор, А. Г. Психология власти. – Санкт-Петербург: Питер, 2004, с. 94-102.

8. Семененко, И. С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. – Полис, 2004, № 1. –<http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2004/1/22.htm>.

9. Несколько тезисов о ценностных ориентирах украинцев. Социологическое исследование от 05.06.2013.- сайт социологической группы «Рейтинг». - <http://www.info@ratinggroup.com.ua>.

10. Степико, М. Т. Українська ідентичність: феномен і засади формування: [монографія]. – Київ: НІСД, 2011, с. 311.

11. Фесенко, В. Що змінилося за 20 років. - Українська правда, 2011, 15 вересня. – <http://www.pravda.com.ua>.

12. Подсчеты авт. по: Фесенко, В. Що змінилося за 20 років. – Українська правда, 2011, 15 вересня. – <http://www.pravda.com.ua>.

13. Там же.

14. Головаха, Є. Українське суспільство 1992 - 2008: Соціологічний моніторинг. – Київ: Ін-т соціології НАН України, 2008, с. 11.

15. Фесенко, В. Що змінилося за 20 років. - Українська правда, 2011, 15 вересня. – <http://www.pravda.com.ua>.

16. См.: Федотова, В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – Москва: Культурная революция, 2008. – 608 с.

17. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Stanford University Press, 1991. – 256 pp.

18. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson. – Global Modernities / [Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson]. – London, 1995, p. 30.

19. Bauman, Z. The Individualized Society. – Cambridge, 2001, p. 49.

20. Спільна ідентичність громадян України: особливості і проблеми становлення. – Національна безпека і оборона, 2006, № 7(79), с. 3.

21. Huntington, S. Who are we? The Challenges to America's National Identity. – New York, London, Toronto, Sydney, 2004, p. 12-13.

22. Троян, С. Сучасна Україна: відло кальноцивілізації доконсолідації суспільства. – 20 років незалежності України: здобутки, втрати і стратегії майбутнього: матеріали XI науково-практичної конференції. – Київ: Національна академія управління, 2011, с. 188-190.

23. Там же.

24. Нічога, М. Зіткнення цивілізацій посеред України. -: <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/06/11/5126765/>.

25. Нічога, М. Діагноз: криза ідентичності. - <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/06/25/5166756/>.

26. Троян, С. Указ. соч.

27. Андреева, О. М. Указ. соч.

Summary

The problem of consolidated political identity formation turns out to be one of the most actual tasks facing the Ukrainian government and Ukrainian society. In the article various conceptions, internal and external factors of the crisis of political identity in Ukraine are investigated. The cause of Ukrainian citizens' identities conflicts, their contrariness and ambivalence have been revealed on the basis of statistical data.

Keywords: political identity, political identification, crisis of political identity, consolidated political identity.

Сура ГУСЕЙНОВА,
докторант Бакинского славянского университета

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЕГО РОЛИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРУКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Традиционным индикатором в анализе архитектуры безопасности выступают военный фактор, то есть «жесткая сила», направленная на защиту государственных интересов со всеми свойственными ей составляющими: армией, военной техникой, стратегическим потенциалом, военно-промышленным комплексом. Однако фактор «жесткой силы» в политике Евросоюза не является доминантным, органично сочетаясь с фактором «мягкой силы», что в совокупности создает прочный фундамент европейской безопасности.

Имиджевый фактор мягкой силы призван сформировать необходимое для политического курса общественное мнение во внешней и внутренней политической среде, однако параллельно Евросоюз не выпускает из внимания интеграцию усилий стран-членов по укреплению военной составляющей европейской безопасности. На наш взгляд, неправомерно считать, что «мягкая сила» – это показатель слабости политической воли, уязвимости государства, нерешительности в действиях. В анналы истории международных отношений вошел созданный президентом США Рональдом Рейганом прецедент, когда под давлением мирового общественного мнения изменился реальный стратегический потенциал двух супердержав конца XX века: резкое снижение военного потенциала СССР и усиление военного лидерства США. Когда ведущие американские программисты отказались от работы над программой Стратегической оборонной инициативы (СОИ), потому что алгоритм программы мог быть вычислен советскими учеными, Р. Рейган распорядился транслировать по государственным каналам все обсуждения в сенате этой закрытой военной программы. Весь мир мог наблюдать, как американские ученые в сенате повторяли свои отрицательные заключения о СОИ, но в СССР думали, что ЦРУ разработало блестящий спектакль, так как параллельно по линии государственного бюджета СОИ продолжало финансироваться как потен-

циал для будущих поколений. В результате Горбачев, решив, что ЦРУ ведет хитрую игру, согласился на невыгодный «нулевой вариант, разрушивший существовавшую эффективную систему стратегических вооружений СССР» [1].

Неоспорима заслуга Европейского Союза в формировании архитектуры европейской безопасности, состоящей в опоре на свой военный потенциал, и в реальном продвижении фактора «мягкой силы», демонстрирующей привлекательность экономической интеграции, социальной защищенности и реализации демократических свобод. Это сочетание жесткой и мягкой силы во многом отражает запланировано дуалистичную политику Евросоюза во внешнем пространстве, которая включает в себя внешнюю политику и политику обороны. При всей последовательной приверженности Евросоюза концепции мягкой силы, тем не менее, его обоснованные амбиции возрастания своей роли не только в архитектуре европейской безопасности, но и глобальном ее масштабе, требуют укрепления военной составляющей и наращивания военной силы. Причем, последняя предполагает не только защиту стран-членов, в том числе и в глобальной войне, но и участие военного контингента Евросоюза в миротворческих операциях в составе международных контингентов, активизацию военного участия в урегулировании международных конфликтов и кризисов за пределами европейского континента.

В силу исторических обстоятельств оборонная политика ЕС с самого начала формировалась в условиях жесткой конкуренции двух мощных военно-политических союзов НАТО и Варшавского договора. Научно-технические инновации и динамизм экономического развития Германии, Франции, Великобритании и Италии вели к формированию национальных военно-промышленных комплексов, бюджеты которых ежегодно росли. Определяющим политическим фактором формирования интегриро-

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЕГО РОЛИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРУКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ванного военно-промышленного комплекса ЕС выступала евроатлантическая солидарность.

В правление президента США Рейгана, объявившего СССР империей зла, в оборонном секторе Евросоюза интенсифицировались процессы консолидации предприятий ВПК стран-членов. Этот процесс, проходящий под контролем национальных правительств и Еврокомиссии, с одной стороны, получал политическую поддержку как направление стратегического партнерства ЕС и НАТО, с другой стороны, выступал эффективным механизмом экономической интеграции Евросоюза, поскольку связывал ведущие экономики Европы обмен передовыми технологическими наработками и высококвалифицированными кадрами. Интеграция национальных рынков военной промышленности увеличивала эффективность и рентабельность военно-промышленного комплекса Евросоюза. В частности, начатые в 1979 г. немецкими конструкторами исследования по созданию многоцелевого истребителя четвертого поколения привели при финансовой поддержке ЕС к созданию через семь лет мощнейшего европейского авиастроительного консорциума «Eurofighter GmbH», включающего европейские корпорации: 33 % EADS Deutschland GmbH (Германия), 13 % EADS CASA (Испания), 33 % BAE Systems (Великобритания), 21 % Alenia Aermacchi (Италия) [2]. Реализация продукции концерна построена так, что интегрирует общую прибыль, так как все четыре компании-подрядчики производят свои агрегаты для каждого из заказанных самолетов, тем самым концентрируя финансовые ресурсы, технологический и кадровый потенциал. Концерн постоянно наращивает производственные мощности и считается удачным трансграничным проектом авиационного и ракетно-космического сектора Евросоюза. Программа «Eurofighter Typhoon», объединившая внутренне рынки военной авиации Великобритании, Германии, Италии и Испании, позволила ЕС не только консолидировано выйти на глобальный рынок, но и ограничить экспансию американских аэрокосмических корпораций на внутреннем рынке Евросоюза [3]. Таким образом, Европейский Союз развивает свой военный потенциал, интегрируя наиболее перспективные, наукоемкие, технологически продвинутые отрасли военной промышленности

Евросоюз разрабатывает и активно осуществляет комплексные меры, направленные на консолидацию предприятий ВПК и дальнейшую интеграцию военной промышленности стран-членов. Важным аспектом такой интеграции выступает стремление уменьшить зависимость европейской военной промышленности от внешних по отношению к Евросоюзу условий [4].

Для осуществления политики в сфере безопасности и совершенствования оборонного потенциала в

области кризисного реагирования Совет Европейского Союза создал в 2004 году Европейское оборонное агентство (European Defense Agency- EDA), которое являясь преемником Западноевропейской организации по вооружению, было ответственно за передачу функций обороны от Западноевропейского союза Европейскому Союзу. Общее руководство функционированием EDA осуществляет Совет Европейского Союза. Агентство финансируется входящими в него государствами пропорционально к их валовому национальному доходу, что, естественно, увеличивает роль Германии и Франции в планировании его деятельности. Право присоединиться или покинуть Европейское оборонное агентство распространяется на все страны-члены ЕС. Например, Великобритания в зависимости от победы лейбористов или консерваторов неоднократно меняла свое решение выйти из EDA, при этом пока неизменно в нем оставаясь.

Миссия EDA направлена на:

- укрепление военного потенциала Европейского союза для участия в урегулировании кризисов;
- интенсификацию интеграционных процессов в сфере вооружений;
- укрепление европейской технологической и промышленной базы военного потенциала ЕС;
- формирование европейского качественного рынка военной техники;
- повышение эффективности военных исследований и технологических разработок в сфере оборонной промышленности [5].

Представленные нами выше направления миссии EDA коррелируются с ситуацией не только европейской, но и глобальной безопасности и могут трансформироваться в зависимости от угроз и вызовов для Евросоюза. EDA прогнозирует приоритетные направления инвестиций для военно-промышленного комплекса. Стратегические планы развития ВПК Евросоюза EDA осуществляет в партнерстве с промышленными и военно-промышленными структурами, такими как Организация по кооперации в сфере вооружений в Европе, Ассоциация аэрокосмической и оборонной промышленности Европы, Европейская комиссия по делам предпринимательства и промышленности, Европейская ассамблея по вопросам безопасности и обороны. В соответствии с директивой ЕС 2009/81 страны-члены Евросоюза должны применять гибкий и конфиденциальный режим для закупок военной техники и оборудования, а также связанных с ними работ и услуг [6]. Таким образом, EDA защищает лидирующие позиции ЕС в разработке и производстве наукоемкой военной продукции в соответствии с политикой обороны и безопасности ЕС и определяет режим ограничений продаж военной техники из Евросоюза. Политика обороны и безопасности ЕС включает принцип «pooling and

Сура ГУСЕЙНОВА

sharing» (объединение и разделение), предложенный на встрече министров обороны стран-членов ЕС в бельгийском городе Генте. Эта так называемая Гентская инициатива предусматривает продвижение совместных проектов по использованию военного и военно-технического потенциалов стран-членов Евросоюза и гармонизацию подходов государств Евросоюза по определению необходимых военных потребностей [7].

В настоящее время завершился план 2009 -2013 гг., предусматривающий развитие ВПК Евросоюза исходя из политики его восточного расширения. План 2014 – 2018 гг. построен ЕДА на анализе учета национальных приоритетов стран-членов ЕС и общей стратегии безопасности Евросоюза. Его конфиденциальность подтверждается официальными документами, но понятно, что дальнейшее развитие ВПК Евросоюза определяется исходя из четырех сценариев угроз и вытекающих из них вызовов глобальной безопасности, выявленных на закрытом заседании 25 военных и гражданских экспертов из государств-членов и органов ЕС в Гааге в сентябре 2012г. Приведенный ниже план определяет 3 вида угроз и соответствующие им опасности на период до 2018 года [8]:

1. Классический случай не рассматривается как угроза, а предполагает, что глобальный баланс безопасности остается неизменным положительным и устойчивым.

2. Агрессивный мультипарализм : Несколько более или менее одинаково сильных государств конкурируют за власть, влияние и ресурсы, используя так же военные средства.

3. Терпящие неудачу государства: увеличивается число государств, которые не в состоянии справиться с проблемами глобализации, в частности, возрастания конкуренции за ресурсы, изменении климата и другими факторами.

4. Нетрадиционные конфликты: открытые военные столкновения редки, но возможны формирования межгосударственных блоков, которые пытаются подорвать безопасность друг друга, поддерживая, например, террористов или радикальные оппозиционные группы.

Развал Варшавского Договора и последующее за ним окончание блокового противостояния трансформировали традиционные принципы стратегической стабильности и соответствующие им концепции Евросоюза, так как фокус европейской безопасности стал смещаться от военного противостояния к комплексу более сложных и взаимосвязанных политических, экономических, этнонациональных проблем, формирующих на европейском пространстве очаги разнообразных конфликтов. Решение этих конфликтов Евросоюз предполагал с позиций «мягкой силы», что, естественно, привело к изменениям в «жесткой силе»: численный состав вооруженных

сил стран-членов Евросоюза ежегодно сокращался, снижались оборонные заказы, сокращалось финансирование оборонных программ. В 2011 году страны ЕС суммарно потратили на оборону около 180 млрд евро, в то время, как в 2006 году суммарный оборонный бюджет составлял более 200 млрд. евро [9]. Сокращение расходов ЕС на оборону вызывает у руководства США и НАТО серьезное недовольство и алармистские настроения. «В Европе мы слишком много и слишком долго разоружались, – считает военный эксперт НАТО. – Европейские страны остаются вольными наездниками, в то время как мы со всей ответственностью должны усиливать общие действия» [10].

Выступая в мае 2013г. в комитете Европарламента по внешней политике и безопасности Генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен сообщил, что за двадцать пять лет военные бюджеты стран ЕС сократились вдвое, призвав ЕС увеличить расходы на оборону, чтобы «стать международным игроком, а не болельщиком. Ведь если НАТО распадется, – заметил Андерс Фог Расмуссен, – каждому государству придется самому защищать себя, а это гораздо дороже, чем иметь общую армию. Нам необходимо лучше и в более полном объеме поддерживать наших союзников в США. В противном случае, разговоры об усилении военных возможностей Евросоюза останутся простым сотрясением воздуха [11].

Критика НАТО формы проявления «жесткой силы» ЕС в европейской безопасности не ограничивается только уменьшением военных бюджетов стран – членов Евросоюза, но и распространяется на слабую эффективность его военных операций. «Англия и Франция гордятся операциями в Ливии и Мали, – считает заместитель генерального секретаря НАТО Александр Вершбоу, хотя они выявили скорее слабость Европы, чем ее силу» [12].

Лидеры ведущих стран ЕС неоднократно предлагали усилить внимание к укреплению собственных вооруженных сил для выполнения необходимых военных операций как на территории стран Евросоюза, так и за его пределами, если возникает угроза безопасности государствам-членам. В частности, на конференции по проблемам безопасности в Мюнхене в феврале 2008 года министр иностранных дел Германии Г. Вестервелле подчеркнул неизменность позиции своей страны по созданию войск Евросоюза, которые должны подчиняться только Европарламенту [13]. Франция настаивает на создании оперативного штаба Евросоюза в Брюсселе для руководства зарубежными военными операциями [14].

Особая актуальность военно-промышленной интеграция стран Европейского Союза как фактора усиления его роли в формировании европейской структуры безопасности становится достаточна очевидна после событий в Крыму. Канцлер Германии А.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЕГО РОЛИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРУКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Меркель считает, что формирование единой европейской армии, вооруженной самым современным оружием, должно стать одним из основных приоритетов для Евросоюза [15].

В современных условиях совершенствование военного потенциала Евросоюза становится важнейшим направлением политики обороны и развития европейской безопасности с учетом упущенных в этой сфере возможностей. По мнению английских политиков, «и в РФ, и в Украине, и в целом в странах Европы уже есть реальные предпосылки к гонке вооружений, которая, как известно, во времена холодной войны была долгой» [16].

Несмотря на то, что НАТО как бы прикрывает безопасность ЕС, тем не менее, для усиления своей роли не только в европейской безопасности, но и глобальной политике Евросоюзу необходимо иметь общую технологическую и промышленную базу и формировать собственный рынок вооружения и военной

техники. Но выполнению данной цели препятствуют следующие моменты: во-первых, технологическое отставание оборонной промышленности Евросоюза от супермощного американского ВПК, во-вторых, позиция Великобритании, которая хотя и поддерживает идею общеевропейского ВПК, но стремится сохранить особые позиции атлантического партнерства с США, выступая фасилитатором сотрудничества между Америкой и Евросоюзом, в-третьих, гегемония НАТО, которая по многим политическим обстоятельствам отводит ВПК Евросоюза, равно как и его войскам, на практике не столь значимую роль. Нарращивание потенциала европейского ВПК дает Евросоюзу, на наш взгляд, не только политические дивиденды в формировании современной архитектуры европейской безопасности, но, что весьма важно в посткризисный период, стимулирует развитие экономики стран-членов ЕС через инновацию и модернизацию оборонной промышленности.

Литература:

1. Eisenstadt, S. N., Luis Roniger Patrons. Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge University Press, 1998, p. 82. – 352 p.
2. www.eurofighter.com/about-us
3. Eurofighter and Euroradar to Develop Latest Generation AESA Radar <http://www.defencetalk.com/eurofighter-and-euroradar-to-develop-latest-generation-aesa-radar-27605/>
4. Walter Rolf. Economic Relations Between Europe and the World: Dependence and Interdependence. Harvard Economic Studies 43, 2012, p. 201.
5. EDAProducesEU CapabilityDevelopmentPlan. www.defensenews.com/article/20140131/DEFREG01/301310030/
6. EU Defense Procurement & Export Control Policies <http://export.gov/europeanunion/defenseprocurement/>
7. European Defence Cooperation. Pooling & Sharing <http://www.eda.europa.eu/aboutus/whatwedo/pooling-and-sharing>
8. EDAProducesEU CapabilityDevelopmentPlan. www.defensenews.com/article/20140131/DEFREG01/301310030/
9. Erlanger Steven Shrinking Europe Military Spending Stirs Concern. <http://www.nytimes.com/2013/04/23/world/europe/>
10. NATO. The Secretary General's Annual Report 2013. – Brussels: NATO, 2014, p. 85.
11. NATO WATCH Issue No.43 June 2013 www.natowatch.org/sites/default/files/nato_watch_observatory_no.43_final.pdf
12. Erlanger Steven Shrinking Europe Military Spending Stirs Concern. <http://www.nytimes.com/2013/04/23/world/europe/>
13. Valasek, Tomas, Surviving Austerity: The Case for a New Approach to EU Military Collaboration. – London: CER, 2011, p. 56.
14. Reiner, Daniel, et al., „Let's Get Rid of 'Europe of Defence': Towards a European Defence". Committee on Foreign Affairs. Defence and the Armed Forces. French Senate, N° 713 (2012-2013), 2013, 3 July.
15. Merkel in EU and foreign affairs- it's the spirit. Expert Comment 67/2013 28 October 2013 <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/8d8f1a80419f2e3ca235ae>
16. To race are ready <http://www.bbc.co.uk/2014/06/140627>

Summary

In article analyzes that traditional indicator of the security architecture are the military factor, that is „hard power” in order to protect the public interest with all her inherent components: army, military equipment, strategic potential, the military-industrial complex. However, the factor of „hard power” in EU policy is not dominant, organically combined with the factor of „soft power” that combine to create a solid foundation of European security. The article also deals the intensification of the European continent integration processes in the political, economic, military, cultural and educational spheres formed for the European Union, which has a significant attraction for many European countries, the unique situation allowing this union become the core of European security.

Keywords: European Union, European security, military-industrial integration, international cooperation, factor.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология».

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 27

Подписанно в печать: 1.09.2014
Формат 60×84 1/8
Объем 8,5 п. л.
Заказ № 122
Тираж 500

„Print-Caro” SRL, 2014
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653